

охота

и охотничье хозяйство

4

2009

Красноярский край: проблемы подготовки и трудаоустройства охотоведов

Л. ШАТУРИНА, А. СУВОРОВ, В. ПЕТРЕНКО, А. ВЛАДЫШЕВСКИЙ
Красноярский государственный аграрный университет

Охотничье хозяйство на протяжении многих веков было важным источником жизнеобеспечения и прогресса Российского государства. Оно являлось основной формой хозяйствования в таёжной и тундровой зонах страны (Дёжкин, 2007).

К началу экономических реформ (1990 гг.) в огромном Красноярском крае (230 млн. га), включающем Эвенкию, Таймыр и Хакасию, в сфере охотохозяйственной деятельности насчитывалось 53 крупных промысловых хозяйств (госпромхозов, коопзверопромхозов, северных совхозов), 42 райзаготконтролы, 111 спортивных хозяйств, около 30 звероферм, три племенных звероводческих совхоза. Охотничье хозяйство края ежегодно давало государству до 40 тыс. шкурок соболей, 15 тыс. колонка, 11 тыс. горностаев, 11 тыс. песцовых, 1 тыс. лисицы красной, 1 тыс. норки, 200 тыс. белки, 40 тыс. ондатры, 10 тыс. зайца-беляка, множество шкур выдры, бобра, рыси, росомахи, медведя, волка и др. Отстрел диких копытных для сдачи мяса государству и пропитания семей охотников составлял до 12 тыс. лосей, 80 тыс. диких северных оленей, 500 маралов, 2 тыс. косуль. Заготовки боровой дичи на экспорт и внутренний рынок составляли до 100 тыс. белой кропатки, до 7 тыс. рябчика, до 1 тыс. глухарей и тетеревов, кроме того, добывалось множество водоплавающей дичи (уток и гусей) для личных нужд. Красноярский край занимал ведущее в Сибири место (43%) по производству клеточной пушнины — норка, соболь, голубой песец, серебристо-чёрная и чёрно-бурая лисицы. В общей доле дохода от заготавливаемой в крае пушнины, продукция звероводства составляла 73 %, промысла — 23 %. Кроме того, охотничье хозяйство ежегодно давало стране и на экспорт сотни тонн ценной рыбы, мёда, кедрового ореха, различных видов ягод и грибов, папоротника, лекарственных растений.

Охотничье хозяйство Красноярского края имело высокую квалифицированные

кадры профессиональных охотников, дипломированных специалистов-охотоведов и товароведов. В нём трудилось более 2,5 тыс. штатных охотников, 10 тыс. сезонников и охотников-любителей, до 3 тыс. рабочих. Их объединяли охотоведы (до 500 человек по штатному расписанию). Они обеспечивали управление, организацию производства, профессионально грамотную комплексную эксплуатацию животных и растительных ресурсов, технологические процессы производства продукции, осуществляли охрану угодий. До 100 тыс. членов объединяло краевое общество охотников и рыболовов.

Развитие охотниччьего хозяйства невозможно без изучения, учёта, охраны и преумножения ресурсов охотничьих птиц и зверей, управления их популяциями, сохранения мест обитаний. При этом до 40 биологов-охотоведов трудилось в учреждениях Российской и Сельскохозяйственной академиях наук, заповедниках и республиканских заказниках края. Функционировало Красноярское отделение ВНИИОЗ им проф. Б.М. Житкова. В органах охраны государственного охотничьего фонда служило более 100 охотоведов. Охотничье хозяйство гарантировало устойчивое развитие 70% территории края при интенсивном развитии промышленности и его экологическом воздействии на среду обитания более 70 видов охотничьих птиц и 60 видов млекопитающих.

За годы рыночных отношений, с переделом государственной собственности и ведомственной неурядицы, хорошо отлаженное, сложившееся охотничье хозяйство Красноярского края оказалось полностью разрушенным. При этом изменились формы собственности, хозяйствования, производства и заготовки продукции. Большинство государственных и кооперативных хозяйств в процессе приватизации собственности были обанкрочены и прекратили свою деятельность. На их базах были созданы хозяйствственные общества (ООО, ЗАО, ОАО), муниципальные унитарные предприятия, потребительские общества, общины коренных малочисленных народов, некоммерческие партнёры, появились охотничьи хозяйства индивидуальных предпринимателей. Возросло число общественных объединений охотников. При этом современный уровень развития охотниччьего хозяйства не соответствует его ресурсному и экономическому потенциалу.

Многие руководители и профессиональные специалисты охотничьего хозяйства в рыночных отношениях ушли в предпринимательскую, коммерческую и иные сферы деятельности. Поэтому во вновь формируемся современном охотничьем хозяйстве появилась проблема с кадрами охотоведов. Они слабо пополнялись выпускниками Иркутской сельскохозяйственной академии. При административных барьерах, удалённости, удорожания транспортных расходов кадровая потребность Красноярского края (до 25 человек в год) более активно восполнялась биологами-орнитологами и биоэкологами — выпускниками Красноярского государственного университета. Однако из-за слабой профессиональной компетенции собственных молодых специалистов сохранялся недостаток в охотоведах высшей квалификации — «биологах-охотоведах» с хорошей профессиональной теоретической и практической подготовкой. Профессиональная подготовка биологов-охотоведов имеет комплексный характер, включая охотоустройство, организацию, экономику, учёт и нормирование изъятия ресурсов, их товароведение, технологии переработки и реализацию. Отличие биолога-охотоведа от биолога (эколога) универсальной подготовки состоит в углублённом изучении специальных учебных дисциплин (Организация охотничьего хозяйства, Экономика охотничьего хозяйства, Менеджмент в охотничьем хозяйстве, Охотничье законодательство, Охотничья таксация и охотоустройство угодий, Основы следопытства и полевых наблюдений, Организация и техника охотничьего промысла, Охотничье оружие и снаряжение, Биотехника и дичеразведение, Трофейное дело и таксiderмия, Охотничий и рыболовный туризм, Товароведение пушно-мехового сырья, Технология производства и переработки продукции охоты, Звероводство, Кинология, Оленеводство, Современные технические средства в охотничьем хозяйстве и др.), которые на биологическом факультете Красноярского государственного университета не преподавались.

Подготовка специалистов охотничьего хозяйства среднего и начального звеньев (егерей и охотников-профессионалов) в пределах Красноярского края осуществляется в Эвенкийском национальном лицее (п. Тура) и Туруханском профессиональном училище. Учитывая

охота
ци охотничье хозяйство

4

2009

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союза обществ охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство»

Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бибакина
www.booksite.ru

На зимнем маршрутном учете по р. Ирбюль кандидаты биологических наук А.П. Суворов и В.Д. Петренко
Фото В. Маякова

современный недостаток охотничьего хозяйства края в специалистах и принадлежность отрасли «Охотоведение» к сельскому хозяйству, ректорат Красноярского государственного аграрного университета (КрасГАУ) с 2004 г. открыл при зоотехническом факультете специализацию «Товароведение пушно-мехового и кожевенного сырья», а с сентября 2006 г. специальность среднего профессионального образования (СПО) 3111 «Охотоведение и звероводство» по очной и заочной формам обучения охотоведов. Одновременно на зооинженерном факультете Красноярского государственного аграрного университета проводилась работа по лицензированию специальности высшего образования 020201 «Биология» со специализацией «Охотоведение», открылась кафедра «Биологии, охотоведения и воспроизводства ресурсов дичи». Для практической подготовки студентов по «Технологии промысла пушных зверей», «Звероводству», «Товароведению пушно-мехового сырья» оборудовали кабинет с макетами самоловов, звероводческих шедов и клеток, коллекцией пушнины (соболь, норка, колонок, белка, ондатра, нутрия и др.), охотничими трофеями. Университет располагает необходимым аудиторным, лабораторным, музеинным фондами и оборудованием, преподавательскими кадрами для полноценной подготовки охотоведов, а также собственными охотничими угодьями. С самого начала стали формировать специальную библиотеку учебной литературы.

На участие в подготовке охотоведов высшей квалификации дали согласие 4 доктора и 16 кандидатов наук (в т. ч. биологи-охотоведы) по специальностям «Биологические ресурсы» и «Экология», способные вести образовательный процесс.

Практическая подготовка студентов проводится в собственном лицензиро-

ванном учебно-опытном охотничьем хозяйстве Езагаш в Балахтинском районе, получившем долгосрочную лицензию на пользование объектами охоты в образовательных и научных целях. Хозяйство располагает штатом (директор и учебный мастер), учебной базой в д. Огоньки (бывшее помещение сельской начальной школы с территорией). В таёжных угодьях хозяйства студенты-охотоведы СПО построили два учебных стационара (избы) Юргана и Уртень (с возможным размещением в каждом из них группы студентов) и баню. Сооружён производственный стационар для разведения кабанов.

В 2007—2008 гг. в плане проведения биотехнических и воспроизводственных мероприятий для диких копытных зверей студенты-охотоведы СПО построили 8 кормушек, 10 минеральных

подкормочных площадок (солонцов), заготовили 30 ц сена, для веточного корма провели подрубку молодняка осины в загущённых местах. Для подкормки кабанов были распаханы и засажены 7 га заброшенного поля топи-намбуrom, 6 га — овсом. Для увеличения численности боровой дичи устроены 4 «гастролитных галечника», и 2 «порхалища».

В июне 2008 г. первым выпускникам СПО по истечению двух лет обучения были вручены дипломы «Охотовед-звероводов».

В апреле 2008 г. на основании приказа Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора РФ) Красноярский государственный аграрный университет получил лицензию на право осуществления образовательной деятельности по специальности высшего образования 020201 «Биология» со специализацией «Охотоведение». В августе на зооинженерном факультете был проведен первый набор студентов университета на указанную специализацию. Продолжили обучение по специальности на очном и заочном обучении и выпускники СПО. Кроме основного направления обучения по специализации «Охотоведение», на специальности «Биология» планируется открыть специализации: «Ихтиология», «Экологический и охотниче-рыболовный туризм», «Кинология», «Дичеразведение», «Товароведение продукции охоты и растениеводства».

Проблемы подготовки и трудоустройства охотоведческих кадров в современном охотничьем хозяйстве огромного объединённого Красноярского края, включающего Эвенкию и Таймыр, всегда актуальны. Образовательные учреждения постоянно испытывают дефицит государственного финансирования. По этой причине образование становится всё более платным. Однако для абитуриентов Красноярского государственного аграрного университета в

Студенты-охотоведы на практических занятиях по товароведению пушно-мехового сырья
Фото А. Суворова

2008 г. было выделено 25 бюджетных мест на очное обучение и 10 — на заочное. Первая группа студентов уже приступила к обучению по программе специальности высшего образования 020201 «Биология» со специализацией «Охотоведение».

С упразднением системы государственного распределения выпускников высшей школы молодые специалисты часто становятся не востребованными на производстве. Одной из причин слабой востребованности специалистов является изоляция образовательного процесса от производства. Самая блестящая теоретическая подготовка специалистов, не закреплённая практикой, обречена на забвение. Ректорат Красноярского государственного аграрного университета практикует обучение студентов-бюджетников на основе договора «О целевой подготовке специалистов» между ВУЗом и администрациями районов, руководством охотничьих организаций и предприятий. В обязательствах гарантируется минимальная оплата за дополнительные услуги, предоставление мест производственных практик и места работы специалисту. В связи с лицензированием охотничьих угодий для ведения охоты, необходимо усилить контроль за охотхозяйственной деятельностью и кадрами охотничьих хозяйств нового типа. Согласно положению, в этих хозяйствах охотхозяйственной деятельностью должен заниматься дипломированный охотовед. Для охотничьих хозяйств с арендованной площадью более 10 тыс. га это должно быть обязательным условием. В крае уже насчитывается около 100 таких хозяйств.

Наиболее предпримчивые или близко стоящие к управлению охотничьим хозяйством края люди сумели быстро закрепить за собой в аренду лучшие угодья бывших промысловых хозяйств или госохотфонда. Однако при этом многие руководители и частные предприниматели, экономя на кадрах и вложении средств на обустройство и биотехнику, практически не развиваются и слабо осваивают территорию.

Для активизации новых охотничьих хозяйств и решения проблемы трудоустройства и востребования выпускников высшей школы должен быть установлен жёсткий региональный контроль за их охотхозяйственной деятельностью и кадровым составом. Первые шаги в этом направлении вновь созданной структуры при правительстве Красноярского края в сфере контроля и надзора за использованием госохотфонда и ведением охотничьего хозяйства обнадёживают своей принципиальностью, однако при этом возникли определённые сложности из-за несовершенства сложившейся нормативно-правовой базы, противоречия принятого Лесного кодекса с Законом о животном мире и отсутствием Закона об охоте и охотничьем хозяйстве.

До 2000 г. выпускникам факультетов Охотоведения присваивали квалификацию Биолог-охотовед с соответствую-

щей записью в дипломах, позднее просто — Биолог. Разработанный ГОСТ специальности «Биология» включает 47 специализаций различных сфер производства — от педагогики до медицины. Важной составной частью учебного плана в рамках универсальной специальности «Биология» являются общие биологические дисциплины, однако, из-за перегрузки ими плана сокращаются объёмы профессиональных дисциплин и учебных производственных практик специализации «Охотоведение». В связи с этим вопрос о государственном статусе специальности «Охотоведение» поднимался ВУЗами неоднократно. Однако Минобрнауки России считает открытие этого направления нецелесообразным (Жаров О.В., 2007). К сожалению, в охотничьем хозяйстве как отрасли природопользования так и в подготовке специалистов для него проблемы

ная подготовка охотоведов всё же основана на биологических знаниях, их подготовка, по нашему мнению, возможна на специальности «Биология» при сокращении объёма часов в блоках естественнонаучных (ЕН) и общепрофессиональных (ОПД) дисциплин («Человек», «Биология клетки» и др.) с дополнением часов в блоке дисциплин специализации (ДС). При этом, по завершению обучения в ВУЗе по указанной специализации в дипломах необходимо снова восстановить традиционную до 2000 г. запись: «пройден спецкурс «Охотоведение», присвоена квалификация «Биолог-охотовед». Эта запись важна не только как традиция, но и как профессиональная принадлежность выпускника для его благополучного трудоустройства в сфере охотничьего хозяйства. Россия, выполняя свои обязательства по Болонскому соглашению,

Заснеженный стационар СибНИИО на р. Ирбюль, февраль 2008 г.

Фото В. Маякова

возникают не из его развития, а из концепции правового регулирования управления ресурсами охотничьих животных. Констатируя это, В.В. Мельников и В.К. Мельников (2007) указывают: «...Следует отчётливо представлять, что «управление охотничьим хозяйством» и «управление ресурсами» (части этого хозяйства) — две совершенно различные, практически взаимоисключающие системные модели управления, их правового, экономического, организационного и технологического обеспечения». Широкий общебиологический кругозор и слабая профессиональная подготовка выпускников-биологов классических университетов относительно приемлемы в сфере управления ресурсами охотничьих животных, однако для управления охотничьим хозяйством нужны не столько эрудиты, сколько профессиональные, квалифицированные кадры. Учитывая, что профессиональ-

перестраивает высшее образование под европейские стандарты. При этом всемирно авторитетная квалификация «Биолог-охотовед» почему-то именно в России, с её богатейшей охотничьей фауной и традициями, с уникальной профессиональной системой комплексной, рациональной эксплуатации охотничьих и растительных ресурсов, вдруг оказалась упразднена.

В 2009 году, спустя 40 лет, в Москве — столице нашей великой лесной державы будет снова проходить Всемирный конгресс биологов-охотоведов. Считаем, что России не к лицу терять свои передовые позиции в охотоведении и высшем охотоведческом образовании. И хотя бы поэтому мы должны наконец принять закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве» и восстановить для поднятия престижа высшего охотоведческого образования утраченную квалификацию «Биолога — охотоведа».

Середина весны

Едва ночная темнота чуть разбавилась утренним светом, послышалось шипение крыльев прилетающих на ток тетеревов. Не видимые в темноте птицы помолчали немножко и началась перекличка. «Чуффи! Чуффи!» — неслось со всех сторон. Потом чуфыканье и хлопанье крыльев стало перемежаться знакомым каждому охотнику тетеревиным бормотанием.

Под эту тетеревиную музыку разгоралась заря. Все четче проступали из утреннего тумана силуэты токующих птиц. Поднялось солнце. Два тетерева выбрали границей токовых участков канаву. Все утро не пускали друг друга на свою территорию. А когда один все же решился перелететь канаву, началась жестокая драка. Бились крыльями, лапами, клювами.

Солнце поднималось выше. Страсти утихали. Птицы в одиночку и небольшими группами покидали ток. Пора складывать и увязывать на понягу переносной складок. Фоторужье и по дороге домой наготове.

Над головой, переговариваясь, торопилась стая гусей. Успел сделать несколько снимков.

В осушительной канаве еще недавно сплошь стоял лед. Бобры быстро соорудили новую плотину, подняли на полметра весеннюю воду. Лед всплыл, и по сторонам от него по широкой воде можно стало плавать к осиннику. Бобры не ждали ночи, чтобы сплавать за свежим кормом.

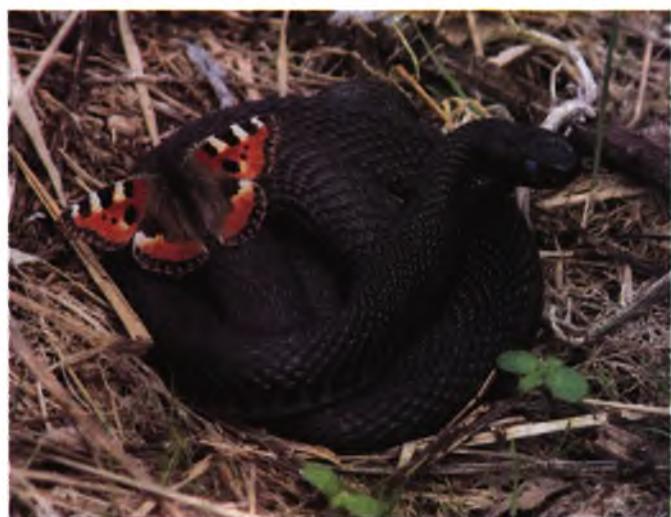
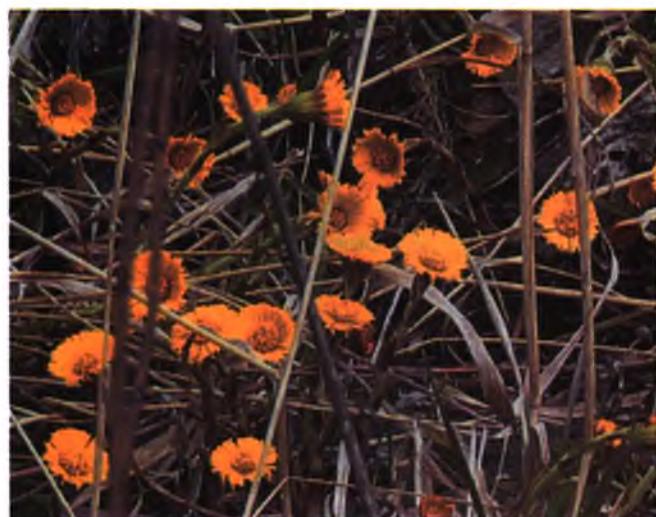
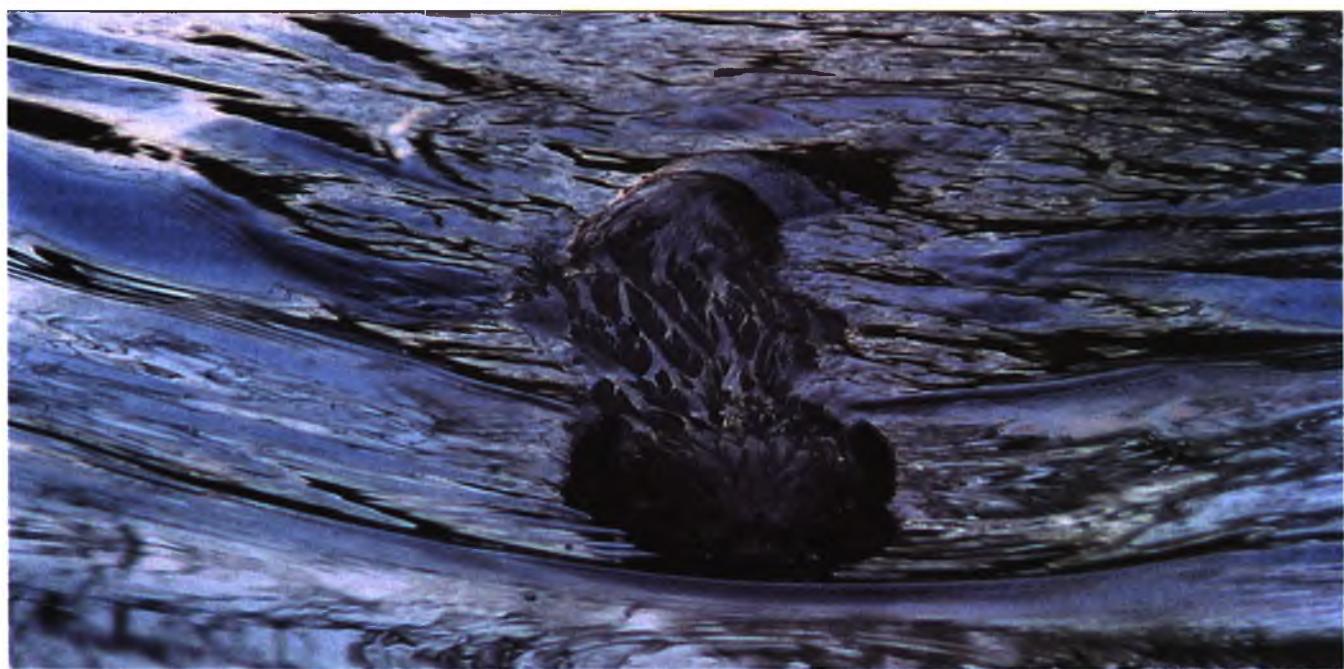
Кряква слетела с гнезда, и сразу рядом оказался селезень.

Солнце уже хорошо пригревает. Десятками, сотнями маленьких солнц загорелись цветы мать-и-мачехи.

Черная гадюка выползла на открытое место погреться. Навел на нее телекамеру, но облако закрыло солнце. А хотелось снять змею так, чтобы все щитки на ее голове были хорошо различимы. Жду, когда откроется солнце. И вдруг прилетела бабочка, попорхала над змейей и села на нее. Складывает и раскрывает крылья. Змея — никакого внимания. Тут уж не пожалел кадров в фотоаппарате.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Белка

С. КУЧЕРЕНКО. Фото А. Севастьянова

Семейство Беличьих обширно: в него входит (ни много, ни мало) 30 родов. Тут и суслики, и луговые собачки, и бурундуки. Но центральную группу этого подразделения Систематики представляют род Белок. В нем 54 вида, населяющих почти все леса Земного шара. Однако родоначальником по праву считается наша обыкновенная белка с 18 подвидами: кольская, алтайская, маньчжурская, телеутка и т.д. Отличаются они друг от друга в основном окрасом волосяного покрова. Типичная же беличья «осанка», размеры и строенное тела для всех одинаковы.

Героиня нашего рассказа известна всему свету, ее безошибочно узнает почти каждый ребенок, о взрослых же, тем более охотниках, говорить не приходится. Широкая популярность этого зверька обусловлена тем, что он испо-
кон веков был вездесущим и многочисленным почти во всех краях и лесах нашей планеты. Кроме того, белка красива и оригинальна и по образу жизни: за нею с интересом можно часами наблюдать, живи она в беличьем колесе или в родной стихии. Но она же — один из самых ценных объектов охотничьего промысла. Ее серебристо-серые шкурки с нежным мехом ласкают взгляд. Изделия из них с давнего времени пользуются неограниченным спросом и на нашем внутреннем, и на международном рынках. Ни в одной стране не заготавливается так много беличьей пушнины, как в России, потому что нигде так много ее не водилось прежде и не водится сейчас.

Вес взрослых белок колеблется от 250 до 450 г., максимум 600—660, длина туловища 15—25 см, хвост лишь немногим короче его. У зверька симпатичная, округлая, широкоскулая, остромордая головка с длинными ушами и раскосо посаженными черными, глазами, нетолстое вытянутое тело, сильные, подвижные лапки с поразительно цепкими когтями. Однако самое примечательное у нее — знаменитый хвост. Он не просто очень пушист, а как бы расчесан от оси в стороны, и в сечении вовсе не круглый, а сильно сплющенный горизонтально. Когда хлопотунья сидит, хвост словно шалью прикрывает нижнюю часть спины, затем этаким опахалом изящно откидывается назад. Оригинально и красиво. Но еще и практично: длинный, широкий и легкий хвост способствует белке совершать большие и мастерские прыжки с дерева на дерево. Может она и устремиться с вершины даже исполинского кедра прямо на землю. В плавном, воистину акробатическом прыжке зверек просто великолепен, и это великолепие определя-

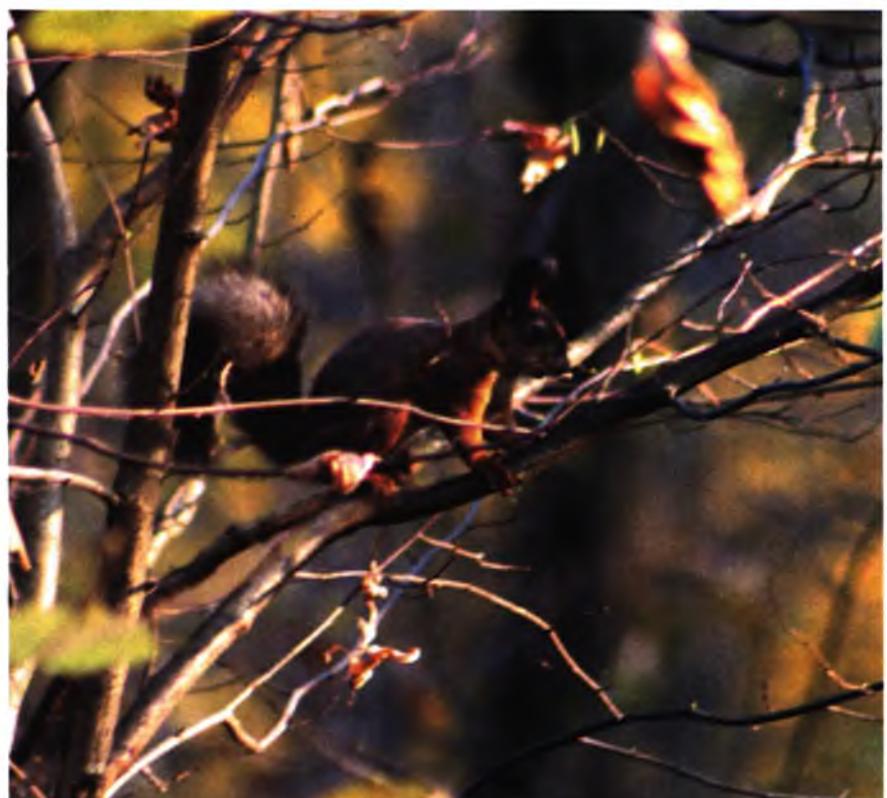
ется хвостом: с потерянным по каким-либо причинам хвостом белка далеко не так ловка. Плывет белка, высоко подняв, словно флаг, хвост. Но стоит намочить этот «флаг», как пловец скоренько тонет. И не потому ли хвост — и гордость, и предмет неустанных забот симпатии: она его всегда содержит в идеально чистом состоянии. Как земноводные выдра, норка, бобр свой мех.

Белка характерна своей исключительной подвижностью. Движения ее стремительны и резки, но всегда определенно целеустремленны. Она прекрасно приспособлена для жизни на деревьях. Даже ловким и прорванным кунице, соболю или харзе далеко не всегда удается ее словить. А когда она начинает убегать от охотника по кронам деревьев, головокружительно прыгая с одного на другое, человеку приходится с предельной проворностью бежать за ней, притом не всегда успешно. Затаившегося же зверька и вовсе легко потерять из виду. Впрочем, она и на земле настолько шустра, что запросто ловит мелкую живность. И даже полевке не всегда счастливится шмыгнуть от очень необычного охотника.

Наиболее активна она с раннего рассвета часов до десяти утра и к вечеру. Это типично дневное существо, в темное время спит в своем дупле (гайне) высоко над землей. Гнезда устраивает старательно, выстилая их мхом, травой, ветошью. В них даже в стужу тепло и уютно.

Лес — родной дом белки. Она заселяет почти всю лесную полосу нашей страны — от Сахалина до западной государственной границы и от степей до тундры. Успешно акклиматизировали ее несколько десятилетий назад в горных лесах ряда «безбеличьих» регионов. На Камчатке ее не было, но в двадцатых годах прошлого столетия она самостоятельно проникла туда из Якутии, размножилась и прочно вошла в состав камчатской фауны.

Жизнь этого зверька вне леса немыслима, но все же не любой лес ее полностью удовлетворяет. Основными местами ее обитания являются именно хвойные леса, причем спелые, с плодоносящими деревьями, семена которых — главный беличий корм. Кедр, ель, лиственница, сосна — жизненно необходимые спутники пушистой хлопотуньи.

Наиболее активна белка с раннего рассвета часов до десяти утра

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Она успешно живет в смешанных лесах с этими деревьями, но в чисто лиственных бывает редко, а в иных лишь временно. Однако милее всего ей ельники и смешанные леса со значительным участием кедра, лиственничники, а особенно кедровники. Таких лесов в Сибири и Амуро-Уссурийском крае некогда было очень много, да и теперь они еще есть. Жаль только, что их площади неотвратимо сокращаются под натиском мотопил и тракторов.

Кедр — важнейшее для белки дерево. Любимое. Семена ели, пихты, сосны, лиственницы для нее тоже кое-что значит, но все же им далеко до кедровых. Судите сами: среднегодовой урожай орехов на гектаре кедрового леса в пять-шесть раз выше, чем урожай семян в ельниках, и в 10—15 раз больше, чем в лиственничниках или сосняках. А, кроме того, орехи кедра — корм вкусный, концентрированный и высокопитательный, долго сохраняющийся.

Но не только семенами хвойных живет белка. Не без удовольствия она ест ягоды и плоды деревьев и кустарников, грибы, почки, соцветия. А при недостатке этих кормов обгрызает кору с побегов, потребляет листья и стебли, даже лишайники. Не чужда ей и животная пища — насекомые, моллюски. При случае задавит птицу на гнезде и съест ее вместе с яйцами. Неоднократно приходилось наблюдать, как пожелавшие разговеться белки охотились на мышей и полевок и с удовольствием их уплетали. Особенно по весеннему насту.

Когда достаточно семян хвойных, белка не утруждает себя поисками другой пищи. Два-три десятка граммов семян съела — и ей больше ничего не надо. А вот коли случается довольствоваться побегами и почками, желудок приходится набивать туго — до одной трети собственного веса! Утром и вечером!

В зависимости от кормности лесов находится и численность белки. Так, например, в Амуро-Уссурийском крае выведены такие средние плотности беличьего населения на квадратный километр: в кедровниках — 40-50 голов, в кедрово-широколиственных лесах — 20-25, в смешанных с елью и кедром — 8-10, в лиственничниках и пихтово-еловых лесах — 1-2 головы. Как видно, разница в средних плотностях населения огромна.

Численность белки крайне неустойчива и по годам, и по сезонам. Даже на одном и том же участке леса она может колебаться от нескольких сотен на квадратный километр до единичных особей. В роскошных кедровниках, раскинувшихся на Сихотэ-Алине в верховьях Большой Уссурки, однажды в сентябре пришлось наблюдать чрезвычайно высокую плотность населения грызуна. С одного места в радиусе полусотни метров насчитывалось 30-40 зверьков. Присядешь где-нибудь в кромном месте и удивляешься: до чего их много! Снуют и хлопочут повсюду: и в кронах

Белка прекрасно приспособлена для жизни на деревьях

кедров, и по стволам, и по земле. И почти каждая поразительно ловко возится с шишкой, которая в ее лапах выглядит такой же большой, как мешок картошки в руках человека. Маленький, но сильный зверек: а ну-ка покрутки, человек, свой мешок так же проворно, как белка шишку!.. А на следующий год в тех же кедровниках редко удавалось встретить за дневной переход нескольких зверьков.

Белка по природе своей в основном оседла, причем живет на участке всего в два-три гектара, сильно к нему привязана и часто там хлопочет всю свою недолгую жизнь. Кочует она мало и не везде. Массовые кочевки, а тем более миграции, случаются совсем редко, после того, как численность зверька в том или ином районе станет очень высокой при резком недостатке кормов. Мигрирует чаще всего с севера на юг, передвигается широким фронтом — до 100—200 и даже 300 километров, но по одиночке или небольшими группами. Правда, у препядствий зверьки скапливаются тысячами. Эти массовые перемещения наблюдаются обычно в конце лета и начале осени. Повторим еще раз: бывают они очень редко, и с годами все реже.

Во время кочевок белка переплывает даже такие крупные реки как Енисей и Лена, Амур и Уссури, пересекает хребты, распаханные поля, мари, нередко сотнями и тысячами заходит в приусадебные огороды и сады. Видели их плывущих через морские заливы, в Татарском проливе. Много зверьков в это тяжелое время гибнет от хищников и усталости, от голода и холода. Кочующие белки обычно худы, подошвы их лапок от долгого путешествия вытерты, нередко кровоточат. Не зря ведь эти миграции называют «кочевьями до смерти».

Часто писали и говорили, и я вот не удержался и сказал, что основной причиной грандиозных миграций белок является неурожай кормов. Но в этих «кочевьях до смерти» еще много загадочного. Приходилось наблюдать массовые перемещения белок из лесов с хорошо уродившим кедром. И особенно поражает странное безрассудство в беге: ничто не останавливает, даже огромный водоем, на другой стороне которого берега не видно. Даже шумный город им не преграда. У людей подобное сочли бы повальным безумием. Если мигрантам удается отыскать где-нибудь участок с хорошим урожаем кед-

ра, белки здесь, что называется, кишмя кишат. Но недолго: через 10-15 дней все будет съедено и полчища зверьков опять пойдут в поход с неведомыми целями. Примерно так же, как в знаменитых нашествиях леммингов и, пожалуй, саранчи.

Как бы чувствуя и понимая, что жизнь всецело зависит от наличия корма, белка летом и осенью, когда она постоянно сыта не только растительной пищей, но и животной, усиленно запасает ее на зиму. Грибы, различные семена. Как бурундук. Но бурундук свои запасы тщательно прячет в потайные кладовые, а белка складывает их где придется. Если вы увидите повешенный на сучок дерева засохший гриб, знайте, что это белка повесила. Если заметите в трещине пня горку кедровых орехов — это тоже ее работа. Создается впечатление, что каждая белка заботится не столько о себе, сколько о своем беличьем роде. Одна для всех и все для одной. Не чета ярому собственнику бурундуку.

Об удивительном непостоянстве численности белки наглядное представление дает статистика промысла. В урожайные годы в Приморском крае заготавливалось до трехсот тысяч беличьих шкурок, а через два-три года — в 28-30 раз меньше! Такие же разительные колебания происходят повсюду. Когда зверька много, в день их добывают по 30-40 штук на ружье, а за сезон — до 2000 и более на одного промысловика. Я знаю двух братьев-охотников, которые однажды на Сихотэ-Алине за ноябрь-декабрь добыли 8000 белок. Из дня в день они стреляли по 60—70 зверьков. Своеобразный рекорд установлен в уссурийских кедровниках: 118 белок на одного охотника с утра до вечера. Но уже в следующем сезоне белковка была скучной.

При изобилии излюбленного корма брачный сезон у белки начинается уже в конце зимы, в апреле появляются бельчата первого помета, а в июле-августе — второго. При достатке корма наиболее сильные самки приносят и по три помета в год, в каждом из которых от 3 до 10, иногда 12 бельчат. Родятся они до трогательности и жалости беспомощными — крошечными, голыми, слепыми. Почти полтора месяца кормит их мать молоком, греет своим теплом, а когда отлучается — прикрывает мхом. Только в месяц бельчата прозревают. Но с этого времени они начинают стремительно осваивать окружающий мир, а еще через месяц — в детском возрасте! — переходят на самостоятельное питание и мать их покидает. Окончательно взрослыми сеголетки становятся обычно в возрасте 8-10 месяцев, но иногда случается, что молоденькая становится матерью в полугодовом возрасте.

Благоприятные условия для размножения белки складываются при повторных урожаях орехов или же когда кедровые шишки, «присыхая» к ветвям, не опадают до следующего лета. Однако и в этих правилах есть исключения. Иногда

да даже повторные высокие урожаи кедра или одновременно кедра и дуба не вызывают возрастания численности белки, и наоборот, она растет при явном недостатке кормов.

В последние годы охотоведы и зоологи усиленно изучают биологию белки на современном научно-техническом уровне и приходят к поразительным выводам, не укладывающимся в давно и, казалось бы, прочно сложившиеся представления. Выяснено, что прямой и определенной зависимости между плодовитостью и обеспеченностью кормами нет и динамика численности обусловливается в первую очередь не пищей. Тут, очевидно, действуют таинственные внутрипопуляционные механизмы саморегуляции, мало зависящие от количества кормов. А если учесть, что много зверьков гибнет от различных болезней, неблагоприятной погоды и тьмы других факторов, то в обобщенной схеме можно предположить, что цикличность колебания численности белки определяется внутрипопуляционными — вероятно, генетическими механизмами, а размахи колебаний — условиями среды обитания. Пики численности бывают через три-четыре-пять лет — в разных регионах через разные промежутки, — а величина их, как и глубина сокращения поголовья, изменяются в десятки раз.

Белка в неволе живет до десяти и даже одиннадцати лет, но на свободе ее век недолг: в возрасте трех лет она уже старушка. У этого зверька множество врагов, а главные из них — хищные птицы. Но и его спасает высокая плодовитость: осенняя численность возрастает в три — пять и более раз по сравнению с весенней. В октябре — ноябре беличье поголовье на две трети, а иногда и на три четверти, состоит из сеголеток.

Не обойдем же и практическое значение белки в охотниччьем хозяйстве нашей страны. Оно велико и серьезно. Судите сами. В 20—30-х гг. ежегодно заготавливалось 13—14 миллионов беличьих шкурок и они занимали среди охотничьей пушнины по стоимости первое место. Но в сороковых средние заготовки сократились до 9 миллионов «хвостов», в пятидесятых — до 5—7 и теперь они стабилизировались: менее 3 миллионов в год. Причин более чем трехкратного уменьшения заготовок, а следовательно и численности, много. Одна из главных — резкое сокращение площадей коренных хвойных лесов и перестроечная разруха отложенного охотничьего хозяйства. Но и теперь белка — есть белка: все-таки 3 миллиона прекрасных шкурок в год — дело не штейтное.

Охотятся на нее преимущественно с ружьем и собакой. Начало промысла обычно совпадает с первыми снегопадами: белку ищут по следам, широху, зорительно. Опытные охотники хорошо знают, что при ясной безветренной погоде ее больше по склонам и на хребтах, а в ненастье и при ветре — в поймах рек и распадках. В зависимости от

Брачный сезон у белки начинается в конце зимы

погоды и выбирается место охоты.

В белкованье много своеобразной прелести. Особенно хорош этот вид охоты в конце осени, когда беличья шкурка уже становится выходной, но еще тепло, снега мало и погода великолепная. Представьте себя бельчатником. Выходите вы из зимовья чуть свет, до разгара активности белки. И тотчас же вас тесно окружают разноликие, разновозрастные, разноразмерные, но все одинаково величественные в своей невозмутимости деревья, среди которых глаза привычно выделяют темные силуэты остварових елей, могучие кроны кедров, «раздетые» сплетения ветвей ясеней, ильмов, берез. Загадочную тишину леса нарушает лишь хруст подмороженного снега и застекленевших листьев под ногами. Вы невольно останавливаешься и до звона в ушах вслушиваешься, улавливая широху полевок, шебуршание поползня, гулкое падение шишечек, далекий треск переломленного чьей-то тяжелой лапой сучка...

Вдруг совсем рядом зауркала и заокала белка. Вот она, сидит на нижнем сучке дерева и недовольно осматривает вас своими широко расставленными глазами, нервно подергивая распущенными хвостом и в недовольстве постукивая лапками по дереву. Жалко лишить ее жизни, но ведь сотворена она для охоты. Как куры или свиньи для производства мяса. Подняв с земли первый

трофей, вы прислушиваетесь, не выдаст ли себя шорохом другая белка, не мелькнет ли на фоне светлеющего неба третья... Ага! Вон бегает! И там где-то шуршит! И здесь, прямо над головой, заурчала, заругалась на непрощенного гостя. Становится совсем светло, потом всходит солнце, заливая лавами света весь мир — до синеющих в мареве далеких лесистых гор с мягкими соболинными очертаниями. А котомка уже тяжела и надо присесть, отдохнуть да снять шкурки. И вы садитесь, снимаете шапку, окидываете взором таежную округу. Прекрасна жизнь, когда в ней есть место охоте.

Слов нет, беличий промысел увлекателен, но вместе с тем это очень тяжелая работа и не надо завидовать охотнику. Вставать ему приходится рано, не позже шести утра. Пока приготовит завтрак и соберется — уже рассветает и нужно выходить. Ходит по лесу он до вечера. За десять часов белкованья охотник так устает, что ему бы только добраться до зимовья. Но вместо отдыха нужно готовить дрова, варить ужин, снаряжать на следующий день боеприпасы. Да еще шкурки снимать. С ними приходится повозиться иногда до полуночи, а то и больше. Глаза слипаются, усталость валит с ног, а спать остается всего четыре-пять часов. И так изо дня в день. Нелегок труд бельчатника, да и опасностей в нем полно.

Поскольку жизнь белки тесно связана с лесом, лесозаготовительная деятельность человека, особенно рубки хвойных, и в первую очередь кедра, ведет к сокращению ее численности. Это печально, но ничего не поделаешь. У каждого вида есть свое прошлое, настоящее и будущее, есть оно и у этого милого пушистого зверька. Через несколько десятков лет промысловое значение белки, видимо, снизится, но хочется верить, что станет она обычной в пригородах и парках. Будет доверчиво брать из рук людей лакомства, радовать их своей красотой и акробатической ловкостью. Не завидуя вольным «диким».

Белка легко привыкает к людям. Где ее не тревожат, да еще и заботятся о ней, она теряет страх к человеку, безбоязенно идет к нему. Содержащиеся в квартирах зверьки до того смыкаются с необычной обстановкой, что считают людей гостями на своем участке обитания. О, как было бы приятно держать милую неугомонную пушистую хлопотунью в квартире, если бы она была хоть немного поспокойнее, не металась бы без устали со стенки на гардероб или антресоли, со штор на горку посуды, с телевизора на вашу голову. Если бы не оставляла следы острых зубов на книгах и мебели, не растикаивала бы кухонные запасы вашего продовольствия по самым неожиданным местам — в книжные шкафы, в обувь, в бельевой шкаф, телевизор, даже под простыни и подушки; если бы не выворачивала из карманов хозяев, а еще хуже — гостей, платки, кошельки, сигареты, спички и прочее, и не набивала бы их вместо этих

предметов рисом или компотом. Коли не начинала бы шумный день чуть свет в окнах.

Беличье колесо удобнее и надежнее. Хлопотунья носится в нем, вертится, грызет, цокает, урчит. Следит за вами, постоянно чего-то ожидая. Ест почти все, даже печенье, сливочное масло, конфеты, зефир. Но жизненно необходимы ей поливитамины и рыбий жир, всевозможные семечки и орехи. И не забудьте положить в клетку кусок мела или дерева: белка обязательно должна что-то грызть, потому что ее красивые оранжевые резцы постоянно растут всю жизнь и их надо регулярно стачивать, а то чего доброго и рот не закроется.

В таежных походах видеть белку приходится куда чаще, чем другого зверя-зверька. Она и оживляет тайгу, и украшает ее. Обогащает. То и дело подталкивает к воспоминаниям. И теперь в памяти проявляется давнее. Необычное.

Наблюдал я как-то в июне за беличьим гнездом, замеченнем на высоченной ели. Было оно неподалеку от таежной избушки, и ходил я к нему регулярно утром и вечером. Осторожно приближался, затаивался, смотрел и слушал, потихоньку отмахиваясь от комаров и мошек. Днем у меня были рабочие походы, ночью спал или маялся бессонницей, а вот зори неизменно отдавал белкам.

На рассвете я обычно слышал писк в гайне, видел суетящуюся в заботах мамашу, подсчитывал, сколько белочатам дней от роду. Получалось, что должны были они быть уже с бурундуком, и матери вот-вот настанет время начать знакомить их с окружающим миром да учить жить в нем: добывать корм, избегать врагов и иных напастей, правильно вести себя с родичами, и с прочим таежным населением, твердо знать, кто есть кто и кто есть где. Учить всему, без чего таежная жизнь немыслима.

И только вот стала я однажды потихоньку подходить к тому гнезду, как до несся из-под ели клубок суматошного крика, в котором тут же разобрал отчаянное беличье верещанье и соболиный стрекот. Первым мгновением подумал, что напал соболь на гнездо, но шум и возня были в корнях ели. Я, быстро приседая и опускаясь на четвереньки, подкрался, приподнялся на валежину, а теми секундами соболь метнулся прочь, вскочил на оказавшийся поблизости выворотень и обернулся к ели, зло урча. Потом стал приводить в порядок свое потрепанное и, вполне возможно, покусанное тело. А вверх по ели зацарапалась белка, держа во рту... своего детеныша. И не трудно было догадаться: малыш неосторожно выпал из гнезда, к нему устремился оказавшийся неподалеку хищник, а белка-мать решительно и самоотверженно, не думая о громадном для себя риске, бросилась защищать свое дитя.

Если бы сам не видел — другому вряд ли поверил бы. А теперь и удивляюсь, и восторгаюсь родительской самоотверженностью, и не впервые думаю, что она несдеятеряет силы. Не только у белок.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Валерий Янковский: **библиографический сборник** / ПГПБ им. А.М. Горького; сост. И.А. Югай, А.Г. Брюханов; ред. А.Г. Брюханов, Н.С. Иванцова: (Краеведы Приморья, вып. 4) — Владивосток. 2008. 264 с., ил.

Издание посвящено писателю-документалисту, профессиональному таежнику и краеведу Валерию Юрьевичу Янковскому.

В сборник включены эссе В.Ю. Янковского «Земля отцов. Последний поклон» и первые публикации: «На грани исчезновения», «В поисках женьшения». Личность писателя, жизнь и творчество, его вклад в музейную и краеведческую работу — все это темы многочисленных статей, очерков и воспоминаний.

Биографический раздел сборника представлен аннотированным указателем публикаций В.Ю. Янковского и литературы о его жизни и деятельности.

Настоящее издание адресовано работникам библиотек, музеев, архивов. Представляет интерес для краеведов, преподавателей вузов и школ, будет полезно экскурсоводам, любителям природы и всем, кто интересуется региональной историей, географией и культурой.

Охотниче и спортивное оружие мира. США. Бразилия. Япония. — Издательство: Ниула 21 век. 2008. 224с. — Тираж: 3000 экз.

В книге рассказывается об истории возникновения, последующей деятельности и ассортименте 31-ой ведущей оружейной компании США, Бразилии и Японии. Речь идет не только об известных фирмах, но и совсем новых, информации о которых никогда ранее не публиковалась в отечественной специальной литературе.

Линейцев С.Н. **Охотничьи звери Средней Сибири** (Красноярский край и Хакасия) / С.Н. Линейцев. — Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2008. — 252с.

В книге кандидата сельскохозяйственных наук, охотоведа Сергея Николаевича Линейцева описаны распространение, экология и биология охотничьих зверей, обитающих на территории Красноярского края, приведены показатели их размеров и веса, характерные черты поведения. Использован обширный научный материал по отдельным видам животных, опубликованный в разных изданиях, собственные наблюдения и исследования автора, проработавшего в охотничьем хозяйстве Красноярского края 45 лет. Описаны способы охоты на некоторые виды зверей и приведены примеры отдельных охот.

Книга рассчитана на охотников и охотоведов, любителей природы и охоты. Приобрести можно по адресу: 662713 Шушенское, Красноярского края, ул. Светлая, 74.

«Охотничий сборник-2009». Вышел в свет всероссийский литературно-художественный иллюстрированный ежегодник. На этот раз здесь опубликованы рассказы, повести, очерки И. Алёхина, В. Виноградова, Н. Зворыкина (малоизвестный рассказ «Кенгуровая волчница»), Н. Лугинова, Н. Перминовой, Н. Руковского, Н. Старченко, Ю. Чернова и др.

Надо особо отметить, что это уже 10-я книга этого неординарного периодического издания (224 стр.), основанного в 1999 году и рассчитанного на широкий круг неравнодушных читателей-охотников, рыболовов, любителей родной природы. Если вы по каким-то причинам в своё время не смогли подписатьсь на «Охотничий сборник», то можно приобрести в редакции книги 1999, 2001, 2002, 2004, 2005, 2007, 2009 гг. Цена 1 экземпляра — 95 рублей+почтовая пересылка. Заявки направляйте по адресу: 107078, г. Москва, ул. Садовая-Спасская, д. 18. Издательское Дело «Мурзикан», тел. 607-64-08.

И снова ток тетеревиний

Задолго до настоящей весны иссия-черные краснобровые, лирохвостые косачи начинают вылетать на места своих будущих токовых сбiorищ. Они еще не поют, а лишь ходят по токовищу или сидят на ближайших к нему деревьях. Редко какой-нибудь особенно рябый петух побормочет немножко

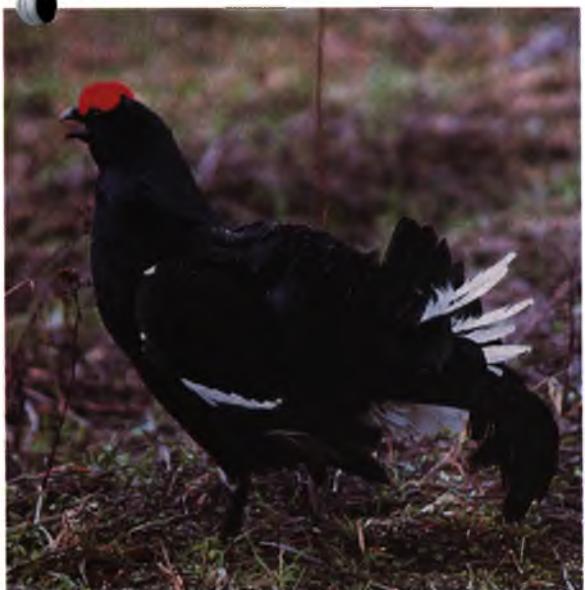
или перекликнется с соседями чуфыканьем. С первыми лучами солнца птицы улетают по своим дневным делам. Идут дни, прибавляется света, все более плотным настом покрывается кутру подтаявший за день снег, кое-где уже зачернели первые проталины. Токовище манит к себе птиц, и все больше и

больше появляется их не только по утрам, но и вечерами. Бормотанье и чуфыканье звучат все чаще, и наконец токование разгорается по-настоящему. Пришло время охоты.

Я. РУСАНОВ
Фото А. Синицына

Фотоконкурс «Охота и природа, 2008»

Вадиму Борисовичу Чернышеву 80 лет!

Вадим Борисович Чернышев

3 апреля писателю Вадиму Борисовичу Чернышеву исполнилось 80 лет. Ровно половину из них — 40 лет — он сотрудничает и дружит с журналом «Охота и охотниче хозяйство». В далёком теперь 1969 году на страницах нашего издания был опубликован его рассказ «Лада, Набат и другие». Но и до этого знаменательного события красная охотничья нить пронизывала жизненный путь Вадима Чернышёва с юных лет.

Родился Вадим в старинном волжском городе Симбирске, или Ульяновске — это уж кому как видится наша история. В доме, где проживало интеллигентное семейство, помимо пианино и кожаных кресел, почётное место занимали ружья, книги о животных, подшивки деревоэволюционных охотничьих журналов, гербарии и краеведческие коллекции. Охотниками были оба деда, отец, дядя — такой родословной может гордиться любой мальчишка, мечтающий об охотничьих подвигах.

Жизнь подростка складывалась так, что с Волги семья переехала под Воронеж на знаменитый Хреновской конезавод, военную эвакуацию пережила в оренбургских и курганных степях, а затем возвратилась в воронежские края. И все эти годы Вадим не расставался с ружьём. Любопытно, что уже после войны охотничье ружьё хранилось под кроватью студента Чернышёва в общежитии Ленинградского кораблестроительного института.

А потом была работа на волжских и камчатских судостроительных заводах, переезд в Москву и многочисленные охотничьи путешествия по всей стране: от калмыцких степей до карельских озёр, Сибирь...

Без биографических перечислений в юбилейном слове не обойдётся, но лучше сказать о том, почему в рассказах писателя Вадима Чернышёва читатель сразу узнаёт близкую для него, особую несуетливую интонацию, знание некой истины, недоступной тем, кто ни разу в жизни не держал в руках охотничьи ружьё.

Если вернуться в памятный 1969 год, то надо сказать о том, что в то время журнал «Охота и охотниче хозяйство» был главной трибуной, средоточием охотничьей науки и культуры огромной советской страны. История, проблемы охотничьего хозяйства и экологии, научные и практические дискуссии с участием лучших специалистов, сотни злободневных публикаций.

Надо бы вспомнить, что собой представлял 40 лет назад и литературно-художественный отдел журнала, куда новый автор В.Б. Чернышёв принёс свою первую рукопись. Редакция всегда была неравнодушна к настоящим художникам пера и кисти. Помимо замечательных материалов об охоте в искусстве (живопись, скульптура, графика, фарфор и т.д.), главным содержанием отдела были художественная проза и поэзия. Среди постоянных авторов — прославленные имена: И.С. Соколов-Микитов, Е.Н. Пермитин, А.В. Перегудов, Е.А. Евтушенко.

В такой компании немудрено было затеряться и пополнить бесчисленную когорту авторов, так и оставшихся в званиях «молодой», «начинающий» или «подающий надежды». К счастью, Вадим Борисович ко времени дебюта в охотничьей литературе был уже вполне зрелым человеком и не просто «начинающим» автором. Чуть раньше его рассказ «Волчик, Волченька» был опубликован в «Новом мире» А.Т. Твардовского.

Трудно сказать, как сложилась бы писательская судьба Вадима Борисовича, посвятив он своё перо общелитературным темам. Зато теперь уже третье поколение любителей литературы о природе и охоте, с картинами старой и современной «замосковской» России писатель Чернышёв радует своими рассказами и очерками, по достоинству заняв одно из ведущих мест среди коллег по цеху «Охотничья литература».

Наверное, в выборе жанра решавшую роль сыграла художественная составляющая натуры писателя. Ведь художники-охотники по определению неразрывно связаны с природой и пишут обо всех временах года, а особенно любят их череду, когда природа меняет свой наряд. Охотники — люди чуткие, лучшие из них — сверхчуткие, те, кого любые подвижки в природе волнуют до крайности. И тогда на первый план выступает творческое начало — рождается художественная проза.

Не факт, но хорошим и добрым людям судьба чаще всего дарит дружбу и любовь таких же чистых душой единомышленников. Уже много-много лет Вадима Борисовича связывают крепкие супружеские узы с верной спутницей Аллой Петровной. Еще раньше, в студенческие годы, его старшим товарищем и крестным отцом в литературе стал Иван Сергеевич Соколов-Микитов. И еще один из патриархов русской литературы — Олег Васильевич Волков (тоже охотник!) считал Вадима Борисовича близким по духу товарищем. Хорошо известно, что Соколов-Микитов и Волков «чистили» свою окружение до такого нравственного блеска, что «выживали» лишь избранные.

Говоря о счастливых встречах Вадима Чернышёва с И.С. Соколовым-Микитовым и О.В. Волковым и преемственности в отечественной литературе, надо кое-что уточнить. Эта дружба стала звеном, связующим не только три поколения русских писателей, но и огромный пласт времени — жизнь и литературу всего прошлого века.

У знатоков и любителей охотничьей литературы наверняка хранятся на заветной полке книги Вадима Чернышёва, издан-

ные в советскую эпоху — «Первое поле» и «Отпуск в Карелии». За два десятка прошедших с той поры лет писателем написаны и опубликованы в охотничих изданиях десятки новых рассказов, в журнале «Охота и охотниче хозяйство» он не сколько лет вёл блестящую историческую рубрику «На большаке охотничьей литературы: XX век». Но следует упомянуть и о публикациях в общелитературных журналах «Север», «Аврора», «Нева», «Наука и жизнь». Ещё один штрих к портрету писателя Вадима Чернышёва добавит его многолетняя работа для детей. Кто сосчитает ребяташек, впервые узнавших по его книжкам и рассказам не о воронах и воробьях, а о диких зверях и птицах, живущих в поле за околицей или в соседнем лесу?

Для тех, кто следит за охотничьей литературой, книжной и периодической, уже давно открылось, что за вычетом джипов, снегоходов и прочих современных атрибутов охоты ничего нового в нынешних охотничих рассказах нет. По той простой причине, что сама суть охоты (добычи) с доисторических наскальных рисунков не изменилась. Тем более странно, что охотники — да что там охотники! — вся читающая публика неизменно, исподволь превратилась из читателей в потребителей чтива. Беда с усреднением и оскудением печатного слова пришла на страницы почти всех книг и журналов (и охотничих тоже) и спряталась под ярким глянцем. Речь идёт не о злободневной журналистике, а именно о художественных произведениях. Вадим Борисович Чернышёв — один из немногих, кто пишет на добротном русском языке для русского же человека — его рассказы знают и ждут те, кому небезразлична родная речь.

Похвальному физическому и литературному долголетию Вадима Борисовича можно сыскать много причин. Среди них — крепкое здоровье, с детства закалённое дальними охотничими походами. В плюс пойдёт и здоровье нравственное, приобретённое в трудолюбивой семье с патриархальными традициями. Возможно, что сама тема, связанная с древнейшей человеческой страстью, даёт новые силы для творческой работы. Кто-то считает, что раньше подобное долголетие в литературе подкреплялось неким соглашательством с властью и идеологией. Но Вадим Борисович Чернышёв, натерпевшись за долгую жизнь от всех властей, коммунистом никогда не был, как не стал и антикоммунистом. Имена тех и других, подвизавшихся в советской, а позже и в «реформатской» литературе, исчислялись сотнями и тысячами, но многие ли из них остались в памяти читателей?

Хотелось бы выделить две книги Вадима Борисовича, вышедшие уже в нынешнем столетии. Первая — «Аба» (рассказы о собаках) издана Московской городской организацией Союза писателей России в 2003 году. «Собачья» тема в российской словесности укоренилась еще с 19 века. Почти все наши классики не обошли её стороной и писали о собаках не раз и не два. Из рассказов Толстого, Куприна, Пришвина о собаках можно составить целые сборники. Но если не считать давний (1930-х годов) цикл Лесника (Е.В. Дубровского) «Мои собаки», книгу В.Б. Чернышёва «Аба» можно назвать единственной в своём роде. И родилась она не по чьему-то модному нынче заказу или сиюминутному капризу автора, а сложилась из историй и рассказов, накопленных за многие годы. В двух десятках больших и малых рассказов сполна проявились любовь к своим четвероногим друзьям Чернышёва-охотника и психологическая достоверность, свойственная Чернышёву-прозаику. Увы, надо сказать и об одной из примет нашего рыночного времени — тираж этой интереснейшей книги таков, что о нём даже неловко упоминать.

Нельзя назвать вполне счастливой судьбу ещё одной книги Вадима Чернышёва, вышедшей в 2004 году под названием «Охоты длинная тропа» в издательстве «Эра». Этот капитальный труд-справочник был подготовлен к печати давно и, появившись он на свет в своё время, завоевал бы у охотников огромную популярность. Но случилось то, что случилось. За последние 10—15 лет для охотников было издано так много справочников, руководств и наставлений, что в этом разливанном море печатной продукции, подчас, бездарной и даже вредной для охотничьего дела, хорошим книгам добраться до

читателя трудно. А ведь Вадим Борисович вложил в свою книгу не только многолетний опыт охотника-практика и недюжинный дар рассказчика, но собственную душу. Недаром лучшие главы книги «Охоты длинная тропа» пестрят размышлениями о глубинной сущности охоты и нравственности охотника.

На непосвященный или поверхностный взгляд философия Чернышёва-охотника представляется в этой книге так: охотились, охотимся и охотиться будем. Другим открывается не менее простая и внятная истина: взяв в руки ружье, не сотвори зла, оставайся человеком. В книге «Охоты длинная тропа», так же как и в охотничих рассказах Вадима Борисовича, каким-то чудесным образом не затушёвывается, но находит разрешение главное противоречие и пагуба охоты — любовь охотников к природе и гибель животных.

Помимо литературного таланта и редкостного творческого долголетия Вадим Борисович славен и благодарной памятью. В 2006 году московское издательство «Терра-Книжный клуб» выпустило трёхтомник И.С. Соколова-Микитова. Не будучи профессиональным литературоведом, Вадим Борисович прошёл огромную работу при подготовке этого замечательного издания к печати: выступил как составитель, автор вступительной статьи и примечаний к тексту. А сейчас он готовит ещё и сборник воспоминаний современников о своём литературном учителе.

Почва, на которой взрастала литературная проза Соколова-Микитова да и самого Чернышёва, теперь исчезла, выветрилась с российских просторов. Ну что ж, тем ценнее свидетельства о далёком и недавнем прошлом нашей природы и охоты, оставленные неравнодушными к своей земле писателям.

Слава Богу, Вадим Борисович и сегодня, преодолевая житейские невзгоды и не оставляя литературных забот, изредка сбегает из Москвы в среднерусскую сторону — по зову памяти, по творческим и охотничим делам. Вот и прошлым, скверным для гончатников бесснежным предзимьем, юбляр побывал на своей любимой с детства охоте — в компании старых друзей гонял зайцев в тверской глубинке. А вечерами, в избе от отшибе заброшенной деревни, при свечах и лампе обсуждал перипетии удачной охоты.

С днём рождения, дорогой Вадим Борисович, и новых Вам охотничих троп!

Редакция
Фото Ускова

Охота с гончими 7 и 8 декабря 2008 г. с В. А. Крыловым

Беляк, тумак и лисичка

Вадим ЧЕРНЫШЁВ. Фото В. Ускова

С любовью ко всем трудягам-гончим

З а свою долгую охотничью жизнь мне довелось «отведать» многие виды охоты, начиная с мальчишеского «самотопа», и кончая волчьями облавами, охотой с борзыми на лису с подъезда на санях и очень старинной, ныне полузабытой ночной охотой на волков с поросёнком. И пусть не всегда она венчалась добычей, — особенно, если говорить о езде с поросёнком, — всякая наша охота прекрасна по-своему и наполняет жизнь незабываемыми чувствами и впечатлениями. И даже «самотоп», который теперь мне представляется унылым и лишённым интереса, очень важен в судьбе охотника, особенно, если судьба эта зарождается в раннем возрасте — такая охота приучает начинающего охотника-мальчишку восполнять отсутствие собаки своим обострённым вниманием и наблюдательностью, заставляет «самотопщика» чувствовать себя «собакой». Такой опыт очень пригодится, когда «подросший до собаки» молодой охотник начнёт вкладывать его в натаску своего четвероногого друга-помощника. И какая же это для охотника великая радость, когда его, воспитанная им собака с толком берётся за дело и от осени к осени набирается мастерства! Благодарной теплотой полнятся охотничьи сердце и особой любовью к своей собаке, вовсе непохожей на любовь ко всякой другой домашней и дикой живности. Теперь уж не вернуться ему к самотопу — всему своё время!

Да, все виды охоты хороши по-своему, и всё же самая радостная, — в чём я убеждён, — это охота с собакой, в которую вложены своя душа и труд при постановке её на работу.

Я вырос деревенским охотником, уходил полевал от родного крыльца и к нему же возвращался после охоты, и потому всегда, всю жизнь избегал присутствия на охоте стороннего поводыря-егеря, исполняющего свою казённую, оплачиваемую обязанность сопровождать охотника, который при нём становится только стрелком. Таким, в общем, я и остался, хоть и пришлось перебраться с городом. Охота не только в стрельбе — в ней всё интересно, и мечты о ней, и сборы на неё, снаряжение патронов и многое другое, и, конечно же, любование добытым трофеем, и воспоминания о пережитом после возвращения домой. Всё это надо обрести самому, своей душой. Я вовсе не против учителей, но настоящими учителями становятся те, кого выбираешь сам, а не те, кто навязывается. Хорошо учиться, но плохо, когда поучают. До сих пор храню я благодарную память о моих старших, ныне покойных друзьях, Аркадии Степановиче и Николае Аркадьевиче Веренко, ставших наставниками в

непростой науке охоты с Гончим Мастером. Особенно — о Коле, в которого я влюбился на всю жизнь... Как много, горячо и страстно, не зная устали, мы с ним охотились с нашими гонцами! Истинный Наставник, никак не стремясь быть таковым, не только приобщает к знанию, — он заряжает радостью такого познания, и я навсегда полюбил охоту с гончими, одну из самых лучших с участием собак. Удивительные они создания, наши русские гончие! Самые самостоятельные и независимые из всех охотничьих собак, всегда живущие во дворе, отдельно, но рядом с хозяином, спокойные и даже флегматичные дома, на охоте они преображаются. Сколько страсти, желания достать, добрать зверя, радости, обиды и плача, сколько переживаний в их голосах, когда они идут по следу, привязанные к нему недоступным для человеческого обоняния запахом зверя, не видя его самого. Всё это отдаётся в душе охотника, который силой своего воображения старается представить, как и где, куда идёт зверь, на каком лазу лучше всего ему подставиться. И в ушах его звучит самая сладостная, самая волнующая музыка гона, когда прямые как стрелы сосны, каждая из которых могла бы стать корабельной мачтой, уносящие стройными стволами земное, корневое начало в божественную синь небес, множат звонким эхом поющие, плачущие радостью и досадой голоса, вовсе не похожие на дворовый брёх.

Нет, не оркестр, каким бы полным он ни был, — более всего напоминает мне такая музыка орган (да простят мне чопорные музыканты это сравнение), когда мощное полнозвучье его прямых стройных (как и струны сосен), блестящих труб божественным торжеством наполняет душу, трогательным спазмом восторга теснит горло и солоновато пощипывает глаза... Да разве забудешь такую музыку!

Не только горем хочется поделиться и утешиться — добрый человек готов разделить с другом и радость. И когда мой давний приятель и сосед в тверских краях Вячеслав Андреевич, питающий, как и множество других поклонников, любовь к творчеству писателя и охотника Соколова-Микитова, пригласил нас с Александром Сергеевичем, внуком писателя, послушать гончих, — ожила во мне не покидавшая со школьных лет памятная музыка гона. Велико искушение! Но знает ли эту охоту Александр Сергеевич? Его охотничья судьба сложилась непросто. Выросший в семье деда, подростком, он, увлёкшись всерьёз музыкой, уехал из Питера в Москву и жил некоторое время «в людях», лишь бы учиться в гнесинской школе и гнесинском училище при Консерватории. За эти годы Иван Сергеевич почти полностью потерял зрение и навсегда зачехлил ружьё. И когда старшие Микитовы вслед за внуком тоже перебрались в столицу осенью 1967 года, охота уже давно ушла из их дома,

Шофер Юра с беляком, сработанным Арфой и Альтом. А.С. Соколов, В.А. Крылов, Е.Г. Наливкин В.А. Дупляков. Охота 7 и 8 декабря 2008 г. под Удомлей

Только на охоте с гончими в лесах звучит музыка рогов, породивших оркестровый духовой музыкальный инструмент валторну (вальд — горн: лесной рог)

оставив Ивану Сергеевичу одни неувядавшие воспоминания...

Но охотничья страсть, если она наследовалась, всё равно пробьётся в толкотне бытовых и государственных дел. А дел и забот становилось всё больше: несколько лет проработавший ректором воспитавшей его консерватории, Александр Сергеевич был назначен Министром культуры России. Однако охотник по призванию всегда выкроит какое-то времечко для утоления владеющей им страсти. По его заказу в Туле изготовили отличную двустволку, ружьё высокого разбора, сам вид которого и ощущение его в руках уже доставляет радость. Охотничье ружьё должно быть не только отменным в работе, но и красивым, как сама охота! В деле оно подтвердило надёжность: уже взято несколько кабанов и лисиц, и даже есть марал... Но какими бы ни были трофеи, несравненной остаётся русская охота с гончими, самая азартная, здоровая и подвижная, сохраняющая отзвуки национальной псовой охоты, дававшей выход молодецким силам раздольной души! И мы собрались ехать. Вот только погода... Говорят, москвичи питают необъяснимый интерес к погоде во всей России и внимательнее всего слушают в «Вестях» сообщения Метеоцентра. Но для охотника этот интерес вполне оправдан: успех охоты во многом зависит от погоды. У меня дома висит посланец уличной погоды — барометр. Старинный, с буквой

«ять» в слове «переменно», он висел еще в кабинете деда. Помню, как дед, собираясь на охоту, уже облачившись в юфтеевые, с ремешками под коленкой, вытяжки-бронди, с ягдташкой на боку, принял «тургеневский» вид, подходил к нему, постукивал пальцем: куда клонится стрелка, чего ждать от небес? Показания барометра многое определяют. Иван Сергеевич Соколов-Микитов, всегда любивший добрую шутку (но не терпевший натужного зубоскальства эстрадных записных остряков), рассказывал, как когда-то налепил на стекле барометра полоски бумаги с надписями против соответствующих его обозначений: «чистый спирт», «водка», «коньяк», «крепкое вино», «сухое» и «пиво» — это уж в самую жару, в «великую сушь»...

Я постукиваю пальцем по стеклу барометра, поглядываю в окно — чем поправить такую погоду? В пору выпить валерьянки: дело идёт к середине декабря, а снега как не бывало, чуть ли не десять градусов тепла, на сирени набухают почки, не дай Бог раскроются, а там ударит мороз... Как и в жизни человека, всё хорошо в своё время. Порошки бы нам для охоты, печатного снежку!

Но — едем. Неукротимый охотник Владимир Алексеевич Дупляков заехал за нами до света. Не унывает: «Зато на ёлку хорошо, беляка в бесснегье за версту видать!» Это так, конечно, но нам бы музыку гона...

Вячеслав Андреевич живёт в брошенной деревне один. Его охотничий дом на бугре, но близко к нему всё равно не подъехать: затянувшаяся с осени распутьца. Что ж делать, — бывает... Вспоминается пушкинское из «Онегина»:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,

Зимы ждала, ждала природа,
Снег выпал только в январе,
На третью в ночь...

«На третью в ночь» — это по старому стилю. А по новому? Бывало, значит, и тогда такое в природе...

Но и к оставшемуся одному жилому дому тянутся провода. Из уважения к хозяину оставлено электричество, он может работать на компьютере. Однако в дни нашего приезда света нет: электрики решили переставить столбы, спрятать линию, а тут как раз бобры в пятидесяти метрах от крыльца запрудили ручеек, подняли воду, — не полезешь же в болото со своей проводкой! Надо ждать, пока замёрзнет, а где он, мороз... Что ж, посидим и при свечах, даже романтичнее...

Задолго до зари едем за гончатником Наливкиным. Тёмное и тёплое, тяжёлое небо еще не поднялось, спит на земле. Охотник выводит из темноты смычок своих русских гончих, Арфу и Альта. Собаки потягиваются, щурятся от фар машины, от них, как всегда со сна, хорошо пахнет угретым чистым гнездом. Наслышанный о столичном высоком госте (Александр Сергеевич и в прямом смысле слова высок, как это видно на фотографиях), всегда знакомящийся как «Женя», Наливкин, по-видимому, из уважения к нему представляется «Евгений Георгиевич» и вместе с рукопожатием слышит в ответ: «Саша». На охоте ведь все равны, все помечены одной страстью...

В машине я с удовольствием думал, как глубоки и крепки корни высокой культуры микутовского дома, где неизменно царившая в нём творческая атмосфера сочеталась с аристократизмом поведения их хозяев, выражавшим-

Кажется, взбудили, погнали... На охоте с гончими 7 и 8 декабря 2008 г. Александр Сергеевич лучше слышит, у него не только музыкальный слух отменный.

7 декабря 2008 г., а снега все нет и на градуснике за окном +3 °С. Но зайцы давно побелели и видно их за версту

ся в простоте, деликатности и уважительности отношения к многочисленным его посетителям, независимо от их ранга и положения в обществе. Надо было слышать, с какой уничтожительной, презрительной интонацией говорил Иван Сергеевич о проявлениях в людях тщеславного зазнайства и чванства, самомнения и самопуства, этих первых и самых явных признаках природной глупости, толстокожести и душевной заскорузлости. Близость к дому Микитовых награждала обаянием этой культуры повседневного поведения, аристократизма духа, а Саша ведь вырос в нём.

Бытность его Министром культуры я как-то зашёл к нему по делам литературного наследства Ивана Сергеевича, он только что провёл торжественную встречу с ветеранами Отечественной войны по случаю юбилея Победы. Минкульт был заполнен гостями, я оказался среди сияния множества наград, праздничного оживления известных всей стране знаменитых людей. Запомнилось лицо Элины Быстрицкой, неподвластное времени в его красоте, над рядами орденов, свидетельствующих её доблесть в годы войны и заслуги в искусстве. Мой визит был минутным — Саша спешил в зал, где корреспондент должен был сделать на память общую фотографию всех участников. Пробираясь сторонкой, чтобы не мешать, к лифту, я поискал глазами Министра — и не сразу нашёл его: он стоял в самом заднем ряду у стены и был заметен только благодаря своему росту. Как это характерно для «микитовской породы»... Ведь обычное место самовлюбленных начальников — это центр!

Лес еще спит, ночное появление машины ему чуждо. Фары высвечивают деревья и кусты по обочинам, на поворотах луч шарит в стволах сосен, бегло отбрасывает их резкие тени. Дорога то и дело подходит к речке Съеже, верт-

ляясь петляющей по лесу. Она протекает и в деревне мимо дома Наливкина, а за ней — бывшая усадьба Зворыкиных с руинами господского дома. Да, Николай Анатольевич Зворыкин, известный охотник-волчатник и писатель, близкий друг Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, живший в его гатчинском доме, там же и умерший осенью 1937 года, родился и жил в этих местах. А теперь сюда приехал поохотиться внук Ивана Сергеевича — как неожиданно пересекаются во времени жизненные пути людей...

Еще темно. Собак набрасывать рано. Пусть подышат лесом, «продуют ноздри», каково им было с их тончайшим чутьём вдыхать в машине бензиновую вонь... Дым наскоро вздутого костерка, придавленный насынувшимся небом, растекается по земле среди сосен. Тягучий, как клейстер, входит в сосны рассвет. Он волочёт за собой реденький бесшумный дождик.

— Замоет жиры, — вздыхает Женя Наливкин. — Может, помочь придётся. Но собаки полазистые, глядишь, и помкнут. Тушите, разойдёмся маленько. Кто на краю — стрельните по разочку: бывает, волки сюда заходят. А когда погонят — по глухарю, по рыбцам не стрелять! Со следа собак собьёте.

Уговариваемся: из-под себя тоже не стрелять, поставить собак, пусть поработают, чтобы взять на гону.

Дождичек перестал. Тихий рассветный лес наполнен запахами влажной чёрной тропы, какой она бывает в конце октября — начале ноября. Но сейчас то на дворе декабря...

Наброшены гонцы, с накопившимся желанием радостно кинувшиеся в подлесок. Теперь всё зависит от них, они главные действующие «лица» в нашем действии. Боже мой, как давно я не был на охоте в таком бору! Хорош лес, до которого, к счастью, не дошла еще бензопила массовых рыночных лесных

хищников, и какой живительный, какой чистый в нём воздух! Вспоминается из школьной поры мой старый, в больших годах, охотничий приятель Яклич Штоколов — долгое время все мои приятели-охотники были старше меня, — чем и как бы ни был он занят, тут же подхватывался, когда заходили, а того пуще, когда заезжали за ним на лошадке, наспех запыживал пальцем пяток патронов (так ли уж нужна была ему добыча?), лишь бы снова вкусить обстановку охоты... Видно, и ко мне пришло такое время. Мне не только всё равно — даже не хочется стрелять. Странные вещи происходят иногда на охоте. Несколько лет назад мы с Михаилом Васильевичем Булгаковым (читателям нашего журнала и охотникам это имя известно) по приглашению моего давнего приятеля, Председателя местного «Клуба правильной охоты» Владимира Станиславовича Климова, охотились с гончими в воронежских, знакомых мне местах. Хорошо работал смычок русских гонцов, уже были взяты три русака, невредимо упущен после дуплета лиса, я старательно, «змейкой», вытаптывал пашню и подсолнуховые поля, натыкаясь животом на одинаково склонённые, после прошедшего комбайна, бастылины безголовых подсолнухов — и всё без выстрела. А завтра — уезжать. Где-то далеко в сосновых посадках работали собаки. Лиса, что ли? Сел я на краю посадки, прикрывшись упавшей сосёнкой, подумал невесело: «Буду ли ещё когда-нибудь на такой охоте? Неужели она, быть может, последняя, так и пройдёт без выстрела? Пошли мне, Господи, последнего моего русака...»

Глянул через лежащую сосёнку и обомлел: за дорожкой, на чистинке, метрах в тридцати сидел заяц и слушал собак. Переступил, вскинув «цветок», что-то скисил, пожевал пухлыми усатыми губами, опять сел. Немало я взял русаков, но всегда или на гону, или удирающих, вытоптанных. А как стрелять такого? Не могу! Стыдно! Но ведь этот, мой последний русак, в дар мне, сам попросил, можно ли отказываться?! И я взял его, своего последнего, дав себе зарок после такого дара больше зайцев не стрелять. Как дал когда-то обещание не стрелять больше на току глухарей, потому что последний петух не принёс мне той памятной на всю жизнь радости, как первый, возле которого хотелось петь и плясать, и любоваться им ненасытно...

А сейчас мне хотелось, чтобы заяц вышел на Сашу. Чтобы удачный выстрел из его прекрасного ружья закрепил радость прекрасной охоты с Гончим Мастером в компании настоящих гончатников, не прислужников-егерей из охотхозяйств, привыкших к наездим стрелкам, а истых гончатников по пристрастию души, которых всё меньше остаётся на Руси, потому что охотники всё больше становятся горожанами, а охота с гончими — это охота деревенская, от родного крыльца с возвращением к нему же. Уж если не получилась у меня, к горючию на всю жизнь, когда-то охота с Иваном Сергеевичем, когда он приглашал

на глухариный ток, пусть счастливо сложится теперь с внуком его, в память о замечательном охотнике-деде.

Но гон пока не складывался. Роняла изредка свои «бамки» в добре слабоголосая нетерпеливая Арфа, а потом и такое сошло со слуха. И мы всей компанией двинулись помогать гончим «будить» беляков, порская на все лады, веселя себя придумками в обращениях к зайцам: «А ну вставай, косой!», «Ишь, заспался», «Угрелся, лежебока!» — и тому подобное, кто на что горазд.

Но заяц хоть и лопоух, да не дурак, догадывается, как выглядит он, белый, в бесснежном чёрном лесу, лежит до последнего. Не получилось от нас помощи. Евгений Георгиевич стал трубить в свой пионерский горн, взамен рога, но собаки не шли. И тут какое-то движение воздуха донесло звуки гона. Да, далёкого, но гона. Видно, водил беляк гончих на малых кругах в заразистом «чесмодане», как назвал в одном из своих рассказов Пришвин такое закрытое мечтчко, которое глушит голоса. Вячеслав Андреевич полез поближе к гону в мышистое, густо заросшее сосёнками болото. И, как он рассказал потом, издалека заметил на моховой кочке под болотной низкорослой старушкой-сосёнкой нечто белое, похожее на ком ваты. Направился полюбопытствовать, но тут шумно сорвался над головой петух-мошник, и пока охотник провожал его взглядом — «ком» оказался на дальнем выстреле. Вернее всего, оставил собак разбирать его хитрости, беляк запал, где пришлось, на виду — а что делать ему, бедняге, куда деться, когда кругом черно? Раненого, стрелянного по задним лапам беляка примчавшиеся на выстрел гончие вытолкали на дорогу, чуть ли не к машине, где он и кончил свои дни...

Все подробности рассказа Вячеслава Андреевича мы, как водится, ещё раз обсудили вечером за столом. Не густо, конечно, один беляк, но ведь и не пусто. Наша охотничья вечеря проходит при свечах и каком-то «суперсовременном» газовом фонаре, который захватил предусмотриительный Володя Дупляков. Топится русская печь, блуждающие отсветы её огня и домовитый запах горящих дров придают нашему мужскому застолью особый уют, задушевность разговорам и шуткам. Женская рука чувствуется лишь в закусках домашнего приготовления, которыми снабдила Вячеслава его супруга Галина Михайловна. Впрочем, и «казённая», магазинная еда не остаётся без внимания, как и содержимое разнокалиберных посудинок. Из печи растекаются по избе умопомрачительные запахи жаренной дичи: запасливый хозяин для такого случая сохранил от осеннего пролёта четыре утки. Царское пиршество — в декабре с осенней дичью! Это, конечно же, «гвоздь» застолья. Опять вспоминается пушкинское:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье — председатель,
Где свобода — мой кумир —
За столом — законодатель!

Если анекдоты — тоже преимущество охотничьи. Саша, как и его дед Иван Сергеевич, исколесивший, исплававший, а теперь ёщё и облетевший полсвета, рассказывает, что посетителям национального парка в Штатах выдают колокольчики — отпугивать медведей-гризли. «А как узнать, обитают ли в тех местах, где мы будем, гризли?» — «Вот как увидите объёмистую кучу с колокольчиком — значит, тут был гризли».

На это можно ответить историей с нашим бурым «топтыгина», которому в берлоге не дают спать бесконечные звонки: «Леший меня попутал слопать этого мужика, оказавшегося юбиляром: то и дело поздравляют, в брюхе опять звучит «Застольная» Верди... И теперь это до весны, пока не освобожусь от мобильника вместе с «пробкой»...»

Дом плотно прикрыт тёмным мглистым небом. Мы в округе одни, до деревни, где живёт Наливкин, добрых пять километров. Ближе жилья нет. В отдалении, не добравшись до усадьбы, сиротливо стоят брошенные машины Вячеслава, Володи и его друга, институтского однокашника Юры, приехавшего с нами, тоже охотника. Они отзываются, отражая фарами лучик карманного фонарика. Их даже не запирают, сюда никто не забредает. И живут совсем рядом своей ночной жизнью, работают бобры, оставившие дом без электричества... Но какое редкостное, милое близкое соседство! Обошлись ведь и без электричества...

Назавтра чуть посвежело, но ночной пороши, как загадывалось, не случилось. Снегок пошёл, лишь приехали в лес. Теперь не дождик, так снег прикроет жиры. Но снегок странный, не хлопьями, а какой-то крупкой. Уж не тот ли «технологический», как определили его в Метеоцентре, что прошёл недавно в Москве?

Но гончие взбудили и погнали. Мы опять разбрелись, расставились на тропе, взирающейся по бугру к Съезже. Удивительная речка, куда ни пойдёшь, всюду попадаешь на её берега с поваленными бобрьми деревьями.

Скорый выстрел прозвучал на дороге внизу. Веёт Вячеславу Андреевичу! Но повезло, пожалуй, нам всем, потому что попался заяц-тумак, помесь гленастого русака и лесной тихони зайчихи-белячихи. Я за все шестьдесят с лишним лет охоты ни разу не встречал тумака: охотился то в чисто русачьих местах, то там, где одни беляки. А здесь зайцы соседствуют и нет-нет тумаки попадаются. Ни Вячеслав, ни Наливкин удивления не высказали. А заяц странный: на спине проступает серая ёрстка и жёлто-оранжевые то ли верхние веки, то ли бровки. Подивились, выпили по рюмочке «на кровях» и пошли полевать дальше. Порскали, лезли в чащобник, но... Куда они подевались, беляки? Правда этот охотничий день у нас был короче, потому что нам пора уже было в Москву. Живите долго, тверские зайцы!

Однако когда пала настоящая пороша, Вячеслав Андреевич позвонил мне и сказал, что следов ума и зайца в этом году больше, чем обычно.

А теперь — о лисичке, упомянутой в названии очерка. Нет, лисицы мы не видели, хотя гончие, как слышно было по голосам, взялись по ней. Но гон скоро оборвался. Видно, понорилась — снега нет, все норы открыты.

Лисичка — это гриб, попавшийся нам в лесу. Не оставшийся с осени, скрюченный и сохлый, а настоящий, бодрый, с толстой свежей ножкой, только что выросший в бору.

Вот таким он был, декабрь 2008-го года.

Удомельский р-н Тверской области. Как и многие другие, брошенная деревня Филиппы

Погода о численность тетеревиных

Н. РУКОВСКИЙ, кандидат биологических наук

Фото И. Савченко

Периодические изменения численности тетеревиных птиц, главным образом глухарей, тетеревов и рябчиков, обычно связывают с урожаем ягод. Обильный урожай черники, брусники, голубики, клюквы, а также смородины, рябины, поедаемой боровой птицей, обеспечивает наиболее полное сохранение выводков до их взматерения и выпадения снега. В урожайные на ягоды годы птица хорошо упитана и лучше подготовлена к зиме, наиболее тяжелому периоду жизни. Однако резкое снижение численности тетеревиных, следующее за урожайным на ягоды годом, явление далеко не редкое. Оно объясняется тем, что причиной депрессии численности может быть не только бедность или отсутствие летне-осенних кормов, но, в не меньшей мере, и погодные условия данного года, что не всегда принимается во внимание при прогнозировании численности боровой птицы.

Успешное размножение тетеревиных и судьба будущих выводков, как правило, решаются ещё зимой, главным образом в её второй половине.

Основные зимние корма боровой дичи (хвоя сосны — для глухаря); мелкие веточки, серёжки, цветочные и листовые почки берёзы и ольхи — для тетерева и рябчика ежегодно обильны и, если не было частых наледей, легко доступны, хотя и не особенно калорийны. На разыск корма птицам не приходится затрачивать много времени. Немного времени им требуется и на то, чтобы наполнить зоб такими объёмными кормами. Следовательно, количество получаемой пищи, а также насыщение организма у боровой птицы зависят не от наличия в природе корма, а от вместимости зоба, который у тетеревиных, по сравнению с другими птицами, развит особенно сильно. Зоб выполняет у этих птиц две функции: в морозный период

в нём происходит оттаивание и прогревание корма перед его поступлением в желудок, он же играет роль склада для запаса пищи на длинную зимнюю ночь.

В год высокой численности рябчика на европейском севере я изучал зимнее питание этой птицы в одном из таёжных районов Онежского полуострова. В декабре, когда световой день в этом северном районе длится всего 4—5 часов, кормовой режим рябчика выглядит приблизительно так: с рассветом птицы ведут себя очень активно, непрерывно кормятся на берёзах и ольях, находясь в постоянном движении. Около 11 часов, то есть через 1—1,5 часа после рассвета, активность рябчиков резко снижается.

Добытые в это время птицы имеют уже тую набитый зоб, содержимое которого составляет в среднем 12—13 % веса птицы. В период между 11 и 13 часами рябчики, как говорят охотники, «просиживают зоб», при этом они обычно остаются на тех же деревьях, на которых кормились. В это время они малоосторожны и слабо реагируют на подход к ним. К концу этого периода зоб у птиц пустеет и его содержимое не превышает 5—6 % веса тела. После 13 часов кормёжка возобновляется и до наступления сумерек птицы опять ведут себя очень активно. В 14,5—15 часов рябчики уходят под снег на ночёвку. В это время у птиц, добытых из лунок, зоб бывает хорошо наполнен и его содержимое составляет 15—16 % веса тела. Таким образом, даже за короткий световой день северных районов рябчики успевают наполнить зоб дважды.

Примерно такой же зимний кормовой режим у тетерева. На Онежском полуострове в морозные дни тетерева закапываются в снег не только на ночь, но и в середине дня после утренней кормёжки. На вторую кормёжку они вылетают из лунок за час-полтора перед заходом солнца.

Снежный покров в жизни тетеревиных птиц имеет колossalное значение — защита от низких температур. Зоолог Н.И. Волков (1968) экспериментальным путём показал, что при температуре -25° на поверхности снега, в подснежных укрытиях тетерева мороз не превышает $-3,5^{\circ}$, а в укрытиях рябчика $-4,1^{\circ}$. При таких условиях даже малокалорийный зимний корм достаточен для поддержания энергетического баланса птицы. Однако состояние снегового покрова не всегда соответствует необходимым условиям для ночёвки птиц в снегу. В малоснежные морозные зимы тетеревиные лишены возможности закапываться в снег. В иные, даже очень снежные зимы, если морозы часто чередуются с оттепелями, после которых образуется наст, птицы вынуждены прово-

дить ночь на поверхности снега, а потому подвержены воздействию низких температур в течение круглых суток. Обмен у птиц в этом случае протекает интенсивнее и запасы питательных веществ, полученных при поедании малокалорийного корма, идет в основном на поддержание температуры тела. В такие зимы, казалось бы при нормальном питании, птицы испытывают голод, теряют в весе и к весне, то есть к периоду размножения, приходят ослабленными.

Весной, с наступлением тепла и появлением проталин, кормовая база тетеревиных расширяется и птицы постепенно восстанавливают утерянный вес и упитанность. Однако замечено, что после неблагоприятных зим токование тетеревиных протекает вяло и недружно, истощенные самки запаздывают с кладками, некоторые из них остаются яловыми. В такие годы численность тетеревиных заметно снижается даже при наличии обильных летне-осенних кормов.

Говоря о зимнем питании тетеревиных, следует упомянуть о таком, хотя и редком, но весьма губительном для боровой птицы явлении как ожеледь. Это особый гололед — сплошной, плотный налет льда на концах ветвей, вызванный своеобразно сложившимися погодными условиями. Ожеледь образуется при соприкосновении сильно охлажденных предметов с более теплым воздухом, насыщенным водными парами. Это явление, связанное с резкой сменой атмосферного давления и температуры воздуха, обычно сопровождается туманами. Нередко под тяжестью быстро нарастающего льда обламываются сучья, а у деревьев с сильно развитой мелковетвистой короной, даже вершины. Все то, что зимой поедается тетеревиными, покрывает прозрачный слой льда, который птицы вынуждены заглатывать вместе с кормом; оттаивание корма в зобе требует большой затраты

тепла, птицы голодают, а иногда и гибнут от переохлаждения. Например, при длительном гололеде на Верхней Печоре наблюдалась массовая гибель рябчиков: охотники тогда находили в день по 2—3 мертвых птицы со смёрзшимся в зобу кормом (О. Семенов-Тян-Шанский, 1959).

Вторым по важности метеорологическим явлением, влияющим на численность боровой птицы, являются холодные затяжные дожди начала лета, то есть в период выхода птенцов из яиц.

В средней полосе и на европейском севере массовый выход птенцов из яиц у тетеревиных приходится на вторую и третью декады июня. Молодняк у этих птиц взрослеет быстро, на 6—7 день птенцы начинают уже подлетьывать, превращаясь в «поршков», однако погодные условия для их выживания в этот период имеют решающее значение. Затяжные дожди с временным похолоданием приводят к повышенному отходу молодняка в выводке, а иногда даже к гибели всего выводка полностью. Это явление объясняется тем, что птенцы тетеревиных в первые дни жизни питаются в основном животными кормами, насекомыми и их личинками, которые в дождливую погоду не активны и мало доступны. Недостаток пищи и переохлаждение организма из-за повышенной влажности травянистой растительности решают в это время судьбу молодняка.

Несмотря на то, что редкий год выпадает без дождей в июне, этот фактор влияет отрицательно не на все выводки боровой птицы. Яйцекладка и выход птенцов из яиц у тетеревиных обычно растянуты на две-три недели. Если дожди и холода не захватят весь период выхода молодняка, то более ранние выводки к похолоданию окрепнут и поднимутся на крыло, а более поздние появятся на свет уже после дождей. Отсюда вытекает, что особенно значитель-

ное снижение численности молодняка может происходить в годы, когда похолодание и дожди носят затяжной характер или совпадают с периодом массового выхода птенцов из яиц.

Многие охотники считают губительными для боровой птицы поздние весенние заморозки, во время которых якобы вымерзают кладки. По моему мнению, подобные явления, безусловно, могут иметь место, но они редки и не влияют сколько-нибудь значительно на изменение численности птиц. Для кладки яиц самки обычно используют различные укрытия. Насиживание происходит у комля наклонного дерева, под защитой выворота, под нависшими еловыми лапами или под другими подобными укрытиями. В таких местах создается свой особый микроклимат и, когда на открытом пространстве выпадает иней и почва подмерзает, кладки лучше защищены от понижения температуры. А если птица уже сидит на гнезде, кладка надежно защищена даже при значительном заморозке. Так, например, наблюдение зоолога С.П. Кирпичева (1968) показали, что падение температуры до минус 4° не оказывает губительного влияния на кладки глухаря.

В заключение следует заметить, что похолодание и дожди в период выхода молодняка из яиц, так же как и весенние заморозки в период кладки, отрицательно влияют лишь на часть популяции. К тому же это влияние частично снижается за счет растянутости срока размножения. В отличие от сказанного, неблагоприятные условия зимовки, вызванные морозами при отсутствии снега или частыми настами, воздействуют на всю популяцию тетеревиных и могут вызвать более глубокую депрессию их численности.

Основной зимний корм рябчика — мелкие ветки, сережки, цветочные и листовые почки берескы и ольхи — ежегодно обильный.

Курьезы охотничьей жизни

Этот забавный случай произошел с моим товарищем, когда мы с ним были на охоте в Свердловской области. Погода в начале сентября в том районе стояла дождливая. Старые лесовозные дороги были все сырье и разбитые тяжелой техникой геологов и газовиков. Ноги даже в болотных сапогах вязли выше колен. Приходилось держать сапоги за голенища, чтобы вытащить и сделать следующий шаг. Но Андрей на этот раз был без болотных сапог.

Как обычно, утром мы разошлись от избушки в разные стороны. Он пошел в своих коротких сапогах с двумя русско-европейскими лайками на поиски глухарей. Дошел до топкого места и стал осторожно его преодолевать. В какой-то момент правый сапог его так увяз, что нога выскочила, зависнув в воздухе, готовая по инерции шагнуть дальше.

Застыть в таком неустойчивом положении не дали собаки. В этот самый момент они подняли с дороги глухаря, который решил лететь не в чащу леса, а прямо на Андрея. Мысли в голове неслышь лихорадочно: пропустить этого глухаря и найти увязший сапог, или стрелять из положения «чапля». Падение в грязь после такого выстрела гарантировано. Решение за доли секунд пришло само собой. Правая нога в носке быстро опустилась в грязную жижу, придав телу устойчивое положение. Последовал выстрел, и глухарь слету упал прямо под ноги, обдав Андрея фонтаном жидкой грязи! Стоит он по уши в грязи весь счастливый! И пора бы закончить эту «грязную» историю. Но финальную точку поставили две радостные собаки, которые на полном ходу прыгнули в эту топь, как говорят, «добрать глухаря». И так дружно утопта-

ли птицу, что пришлось ее выживать не хуже сапога. Грязные, но очень довольные, они вернулись в избушку. Вот такие курьезы бывают на охоте.

А. ПАВЛЕНКО
г. Екатеринбург

Охота на Кавказе

Из путевых дневников Н.Я. Динника

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук. Институт Наследия

Николай Яковлевич Динник (1847—1917)

Одним из знаменитых знатоков кавказской охоты был выдающийся исследователь этой горной страны, естествоиспытатель и путешественник, житель Ставрополя, Николай Яковлевич Динник (1847—1917). Отличавшийся широким спектром научных исследований он, пожалуй, наиболее известен как зоолог и охотник, внесший огромный вклад в изучение и охрану кавказских млекопитающих, натуралист, географ, гляциолог, исследователь Кавказа, 40 лет посвятивший преподавательской деятельности, почетный гражданин г. Ставрополя.

В выборе жизненного пути юноши важную роль сыграл учитель естественной истории ставропольской гимназии С.Л. Кузьмин, внушиавший своим воспитанникам интерес и любовь к окружающей природе. Именно влияние учителя предопределило выбор Н. Я. Динником дальнейшей профессии и его жизненных увлечений. В 1865 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Общаясь с преподавателями, многие из которых были известными учеными, читая их статьи в журналах, посещая зоологический сад, молодой студент развел в себе интерес к науке о природе, стремление к исследованиям. После возвращения в Ставрополь он преподавал естественную историю и физику в местных гимназиях. Настоящей страстью Николая Яковлевича на долгие десятилетия стало изучение природы Кавказа. Вряд ли кто из натуралистов того времени совер-

шил столько маршрутов по самым диким местам Кавказа, как он.

Семья Динника жила скромно, а потому в своем домашнем хозяйстве Николай Яковлевич был чрезвычайно брежлив в течение осени, зимы и весны, отказывал себе во многом. Все сбереженные средства он копил с одной единственной целью — обеспечить свое очередное путешествие. На путешествия по Кавказу Динник средств не жалел и совершил их в каникулярное время, обычно с июня по август. В период учебного времени, в выходные дни Николай Яковлевич с ружьем и биноклем уходил в окрестности г. Ставрополя, которые знал очень хорошо. Сначала путешествия влекли его как любителя природы, но затем они приняли вполне научный характер, и Н. Я. Динник стал лучшим знатоком Кавказа. Все виденное и найденное он описывал в своем дневнике, что потом помогало ему в написании статей.

Н. Я. Динник состоял членом многих отечественных научных обществ: Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, Московского общества испытателей природы, Русского горного общества, Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и других. В 1885 году Русское географическое общество наградило его серебряной медалью за статью «Горы и ущелья Терской области». В 1888 году ученый получил золотую медаль от Кавказского отдела русского географического общества. А в 1912 году за первую часть труда «Звери Кавказа» Российской Академия наук присудила ему Ахматовскую премию в 500 рублей.

Ниже читателю предлагаются выдержки из публикаций Н. Я. Динника об охоте и приключениях на Кавказе.

За сернами и турами

«Наш проводник Дочхай заметил вдали серн. Горцы много раз удивляли меня своим острым зрением, но Дочхай в этом отношении, кажется, превзошёл их всех. Серны ходили на выдающемуся остром гребне и в таком расстоянии, что я в очень большой хороший бинокль не сразу заметил их даже тогда, когда мне точно было указано, где нужно было их искать. О солидности расстояния, отделявшего нас, свидетельствовало уж одно то, что первый момент, когда я заметил их, они поразили меня свою миниатюрностью: я ожидал увидеть животных средних размеров, но вместо них перед моими глазами как будто бы явились гипсовые фигуры, величи-

ною не больше кролика. Замечательно, между прочим, и то, что, вследствие чистоты и прозрачности воздуха, в бинокль серны были видны столь отчетливо, что можно было хорошо рассмотреть все части тела и наблюдать все их движения.

Хотя до захода солнца оставалось не более трёх часов, а расстояние до серн было довольно порядочное, но, тем не менее, мы не прочь были отправиться за ними.

Долго пришлось нам пробираться по дну пологой лощины, засыпанной снегом, и каждые минут пять вылезать на невысокий гребень, идущий параллельно лощине, с целью посмотреть, что делают серны и не ушли ли они куданибудь. Выглядывал обыкновенно Дочхай, мы же старались как можно скорей пробираться вверх под прикрытием гребня, чтобы потом подкрадываться к сернам не снизу, а сверху или сбоку. Подъём был крутой, но так как снег не проваливался, то идти было еще не особенно плохо, но, опасаясь, что серны могут уйти, мы должны были торопиться до последней возможности. Это, конечно, вызывало сильное утомление и заставляло нас обливаться потом.

Н. Я. Динник на Кавказе

Когда мы пробирались таким образом, то вдруг на снежное поле, через которое пролегал наш путь, выскоцила серна. Сделав несколько прыжков, и выбравшись на самую середину поля, она остановилась шагах в 600 выше того места, где мы находились. Минуты две серна стояла неподвижно и, как кажется, внимательно смотрела в нашу сторону. Мы в это время присели, но, находясь на чистом снегу, не могли, конечно, укрыться от взоров такого бдительного и осторожного животного. Имея в виду целое стадо серн и боясь испугать их выстрелом, мы решили оставить ее в покое, тем более, что и расстояние до неё было настолько значительно, что не позволяло вполне рассчитывать на удачный выстрел. Постояв несколько времени серна быстрыми и красивыми прыжками направилась в ту сторону, где находилось стадо, замеченные нами раньше.

Спустя ещё несколько времени Дочхай снова взобрался на гребень с целью посмотреть, что делают серны, но едва успел выглянуть, как снова спрятался за камнем и стал звать нас к себе. Минуты через две мы уже были около него и через верхние точки гребня могли любоваться замечательной картиной: на небольшом снежном поле, шагах в 500 от нас, пять штук турнов гонялись и играли друг с другом, выделявая самые курьёзные прыжки и волты. Они то набегали друг на друга и чуть не сталкивали один другого с ног, то разбегались в разные стороны, то приседали и как будто бы хотели перепрыгнуть один через другого. Особенно курьёзно было смотреть, когда под их копытами снег проваливался, туры вязли в нём по самое туловище и потом с трудом освобождали свои ноги. Хотя расстояние до них было довольно порядочное, но они были видны так отчётико, как будто бы нас разделяла какая-нибудь сотня шагов. Без сомнения, туры увлеклись своей игрой и совершенно не думали о том, что и в заоблачном царстве, где они обитают, человек, их злойший враг, уже готовит посягательство на их жизнь.

Несмотря на страсть к охоте, я довольно долго с наслаждением смотрел на весёлую и беззаботную игру этих животных, и в первое время мне не приходило на ум лишить которое-нибудь из них жизни. Я продолжал любоваться ими и после того, когда Дочхай уже звал меня как можно поспешнее подкрасться к ним; но, конечно, особенно долго заниматься наблюдением их мы не могли: тур — такая ценная и редкая дичь, что упустить случай поохотиться за ним и добить его шкуру и череп невозможнно; поэтому нами было решено даже оставить без внимания серн и скорее поохотиться за турями. Мы предполагали частью пройти, частью пролезть ещё шагов 300 и из-за скал, находившихся недалеко от упомянутого снежного поля, стрелять по турям. Здесь нам пришлось с крайней поспешностью карабкаться на очень крутой склон, чтобы туры не ушли куда-нибудь дальше. Дочхай всё время шёл впереди, шагах в 60

Охотник с ловчим соколом

от нас, и несколько раз с большою осторожностью, снявши шапку, выглядывал из-за гребня по тому направлению, где были туры. Поспевать за ним было очень трудно, потому что он обладал способностью прыгать с камня на камень и бегать в гору с лёгкостью и быстротой серны. Наконец, он взобрался на те скалы, с которых мы предполагали стрелять, и, выглянув из-за них, стал энергично махать руками и шапкой, давая знать, чтобы мы как можно скорее прорубились к нему. Догадываясь, в чём дело, я употреблял отчаянные усилия, работая руками и ногами, но крача была страшная, ноги тонули в щебне, а камни катились из-под них на каждом шагу; кроме того, я был сильно утомлён ещё раньше, когда в течение слишком получаса чуть не бегом взбирался на гору; всё мое бельё и всё тело были мокры, по лицу текли целые ручьи пота, сам я задыхался, ноги дрожали, а сердце стучало, как молоток. Не имея сил идти я решил последние шагов 15 проползти хотя на коленях, но этому страшно мешала моя винтовка, цеплявшаяся за камни. Наконец, остаётся каких-нибудь 7—8 шагов, а я решительно не могу сделать их, не остановившись на минуту или на две, хотя и понимаю, что пропустив лишние 5—10 секунд, могу испортить всё дело. Через две или три минуты я был почти у самого Дочхая и подал ему свою винтовку, чтобы самому, работая руками и ногами как можно скорее взобраться на гребень, но ни на снежном поле, ни вблизи его ни одного тура не оказалось. Дочхай потом объяснил мне, что в то время, когда он махал нам руками, туры шли тихим шагом на выстреле от него, причём он не хотел стрелять по ним, желая это удовольствие предоставить мне; но пока я взби-

рался на гребень, туры дошли до высоты скалы и скрылись за ним.

Оставить туротов нам не хотелось, а поэтому едва только мы успели перевести дух, как снова полезли за ними по скалам и осыпям. Я не стану описывать здесь подробности наших похождений за этими животными, но скажу только, что туры всё время были выше нас; мы несколько раз пытались подкрасться к ним из-за скал, но они, вероятно, чуяли нас и поэтому, не останавливаясь, шли вперёд. Наконец, завернув за один скалистый выступ, они совершенно скрылись от наших взоров. Тогда Дочхай предложил мне попытать своё счастье на охоте за сернами. Он уверял, что серны будут пасть на одном месте, и потому мы наверно застанем их там, где они были раньше. Я не знал на что решиться, более всего меня приводило в раздумье то, что отправившись за сернами, мы должны будем возвращаться ночью, в потёмках лазить по крачкам и перебираться через речки, скалы, снега и вообще такие места, хождение по которым даже днём нельзя считать вполне безопасным. Правда, ночь ожидалась лунная, но известно, что при свете луны предметы представляются иногда совсем не в том виде и не в том положении, какие занимают на самом деле, а это, конечно, может быть причиной ошибки, влекущей за собой очень серьёзные последствия. Особенно опасно ходить в это время по белому снежному покрову кручи, ямы и трещины которого представляются часто в совершенно ложном свете. Однако приятная перспектива добить серну, которая так редко достаётся в руки охотника европейца, заставила забыть об опасностях ночных путешествий по скалам, осыпям и

Кавказ. Дарьяльское ущелье

снегам, и я с Дочхаем направился к тому месту, на котором предполагали застать серн. Более чем половина нашего пути пролегала по осыпям, где то камни сыпались из под ног, то глубоко тонули в мелком щебне; но величим облегчением для меня было то, что приходилось идти вдоль склона, а не взбираться вверх. Вследствие этого мы шли довольно быстро, почти не останавливаясь и не задыхаясь, как прежде. Правда, встречались кое-где небольшие впадины и подъёмы, но это была капля в море по сравнению с тем, что пришлось нам испытать раньше.

Немного уже оставалось до того, сравнительно невысокого гребня, усеянного крупными обломками скал, с которого мы должны были увидеть серн. С замиранием сердца мы приблизились к нему и выглянули из-за него вдаль. Ни одной серны не было видно. Мы пробрались ещё дальше к следующей большой куче камней, но за нею также не увидели ничего. Дочхай, однако, продолжал уверять меня, что серны где-нибудь очень близко, и звал ещё вперёд, но, к моему удовольствию, не столько вверх, но даже слегка вниз. Таким образом, мы ещё несколько раз перебегали от одной группы камней к другой, осторожно высматривая серн. Местность была здесь замечательно привлекательная, обещавшая удачу. Она представляла довольно крутой склон, усеянный множеством свалившихся сверху громадных каменных глыб, достигавших нескольких тысяч пудов веса, но между ними оставалось

много чистых мест, покрытых свежей, бархатистой травкой. Очевидно, такая местность должна была прятаться очень по вкусу сернам.

Выглядывая то из-за того, то из-за другого камня, Дочхай, наконец, заметил их и рукой указал мне направление, где они находились. Действительно, выглянув из-за каменной глыбы, я увидел штук 8 этих стройных животных, быстро бежавших от нас. Моментально в моей голове явилась мысль, что они почуяли запах человека и стараются спастись бегством. Расстояние до них было не менее 300 шагов. Когда я смотрел на них, не зная, что делать, они вдруг остановились и, как мне показалось, с ещё большей быстротою бросились назад, т.е. в нашу сторону. Я сначала не понял, что всё это означает, и подумал, что, быть может, они, чего-нибудь испугавшись, набегут на нас и, таким образом, сами представлят случай стрелять на близком расстоянии; но в это время Дочхай шепнул мне на ухо: «Ему играет» (т.е. они играют), и тотчас же, сделав ещё шагов 10, стал наблюдать из-за следующего камня. Я также пробежал немногим вперёд и выглянув из-за другой глыбы, увидел замечательную картину: несколько серн ходили между камнями и по кучам щебня шагах в 150 от меня, а одна, взобравшись на острый гребень огромного камня, стояла неподвижно, как изваяние, и смотрела вниз; правый бок её был обращён ко мне, а расстояние до неё равнялось шагам ста. Её красивые рожки и тёмная полоска на

щеках были видны прекрасно. Бедные животные и не подозревали, что их злайший враг у них под боком и уже наметил себе жертву.

Более удобного момента для выстрела невозможно было ожидать, а потому нельзя было терять ни одной секунды. В один миг я поднял винтовку, положил её на камень, почти так же быстро прицелился и выстрелил. В тот же момент серна, опрокинувшись через голову, упала к подножию камня, а все прочие, бывшие недалеко от неё, бросились бежать. Оказалось, что серн было штук 25, но большую часть их мы не могли видеть по причине пересечённости местности.

Вскоре после моего выстрела раздался другой, из кремнёвой винтовки Дочхая. Он также стрелял по одной из серн и сделал промах. Через несколько минут мы подошли к животному. Оно лежало без всяких признаков жизни. Пуля ударила его в верхнюю часть груди и, встретив позвоночный столб, совершенно раздробила его. Серна оказалась самкой довольно порядочного роста с красивыми, чёрными, загнутыми назад рожками. Таким образом, наша охота окончилась удачно; от радости усталость прошла совершенно, и были забыты все труды, перенесённые нами в этот день. Что касается меня лично, то я на этот раз должен был считать себя счастливым из охотников, так как знал, что добыть серну удаётся далеко не каждому, и что швейцарцы и тирольцы из-за этого удовольствия лазят по горам нередко целые недели».

Охота на Кавказе

Уважаемые ОХОТНИКИ! Приобретайте качественные импортные и отечественные товары для охоты, рыбалки, туризма минуя розничную сеть, без затрат времени и лишних расходов на поездки по магазинам. Большинство товаров произведено на современном оборудовании, в соответствии с международными стандартами качества. Все товары сертифицированы РОСТЕСТ.

Укажите Ваши размеры, рост и нужный товар. Многолетний опыт продаж позволяет подобрать подходящий Вам размер. Укажите Ваш индекс, адрес, телефон, ФИО и отправьте заказ любым из **5 способов**:

1. По адресу: **127486, Москва, а/я 124;**
2. По телефонам: 8-495-487-31-41, 487-20-83, 8-916-957-01-64 с понедельника по пятницу, с 9:00 до 18:00 часов; 8-916-957-01-64 в субботу с 10:00 до 16:00 часов (время московское);
3. Вы можете направить заказ товара по электронной почте: ohotatovar@gmail.com ;
4. Отправьте SMS на номер 8-916-957-01-64 и мы свяжемся с Вами;
5. На сайте www.ohotatovar.ru

Оплата заказа: Цена в рублях, включает в себя все затраты по пересылке, кроме авиатарифа. В дальние регионы: Камчатская обл., Корякский АО, Магаданская обл., Республика Саха (Якутия), Сахалинская обл., Таймырский АО и др. товар отправляется авиатранспортом, к стоимости товара будет добавлен авиатариф. Вы оплачиваете Ваш заказ наложенным платежом, при получении посылки в Вашем почтовом отделении. За перевод наложенного платежа взимается комиссия отделением связи около 3 %.

Дополнительные скидки за количество покупок: Если Ваш заказ на 2 и более единиц товара, Вам предоставляется скидка в размере 50 р. на каждую единицу товара указанного в заявке. Пример: Ваш заказ на 3 единицы товара, Вы оплачиваете на 150 р. (3x50) меньше. **Экономьте при заказе 2 и более единиц товара!**

Как получить заказ? Мы вышлем Ваш заказ почтой в течение 2 дней, срок доставки составляет 7 - 20 дней. Вы получите посылку в почтовом отделении, советуем вскрыть посылку на почте в присутствии ее работников, при отсутствии вложения требуйте составить акт. Если Вы не получили заказ через 20 дней, свяжитесь с нами.

Гарантийный срок на предлагаемые товары, 3 месяца с даты получения. Вы вправе в течение 7 дней отказаться от оплаченного товара (за исключением указанного в перечне утвержденном Правительством РФ), при сохранении товарного вида, упаковки, вернув товар в наш адрес ценной посылкой без наложенного платежа и мы возвратим Вам стоимость товара за вычетом наших почтовых расходов.

ВНИМАНИЕ! Приносим свои извинения и предупреждаем Вас, что в случае изменений курса рубля к евро, возможно уменьшение или увеличение цен на рекламируемые товары. Уточните пожалуйста стоимость товара при заказе!

Вы можете ознакомиться с полным перечнем предлагаемых товаров в новом выпуске каталога, прислав заявку и указав Ваш адрес, ФИО.

КОСТЮМ ДЕМИСЕЗОННЫЙ   Цена: 6240 р.*

Непромокаемый костюм из мембранный ткани Weather MAX: состоит из куртки и брюк. Куртка удлиненная, с пароотводящей подкладкой, 2 внешних нагрудных кармана (закрыты клапанами), 2 внешних накладных кармана, 2 внутренних кармана, съемный регулируемый капюшон. Вентиляции в зоне подмышек(закрыта молнией). Манжеты рукавов регулируются. Утяжка на поясе и нижней части куртки. Легкие брюки с завышенной поясницей, по бокам резинки и шлёвки под ремень, 2 боковых кармана, 2 накладных кармана с клапанами на липучках, 2 задних кармана. Молнии в нижней части штанин (до колена), для удобства при снятии/одевании, низ штанин регулируется. Водонепроницаемые проклеенные двойные швы. Усиление на местах разрыва. Светло зеленого цвета.

КЕПКА С ОТВОРОТОМ. Цена: 815 р.*

Тёплая кепка марки "HuntLandia". Непромокаемая, непродуваемая ткань с мембранный. Теплая подкладка из флиса. Жесткий козырёк. Различные рисунки камуфляжа ведущих мировых производителей: "Realtree", "MossyOak", "Next Camo".

КУРТКА "КАРИБУ"   Цена: 1120 р.*

Флисовая куртка, на молнии, по бокам карманы, воротник-стойка, на рукавах манжеты. Мягкая тёплая ткань очень быстро сохнет, и делает куртку незаменимой при большой физической активности в холодное время года. Можно использовать в качестве верхней одежды или как очень теплое термо-белье. Цвет: хаки, бежевый.

БЕЙСБОЛКА. Цена: 660 р.*

Непромокаемая мембрана, подкладка из сетки. Элементы, зарывающие уши подворачиваются во внутрь. Жесткий козырек. Производство: Китай.

ПАНАМА С ПРИШИТОЙ ЛИСТВОЙ.

Цена: 650 р.*

Наружная ткань полиэстер, подкладка хлопок. Трехмерный камуфляж идеально маскирует. Размер: XL. Производство: Китай.

ВЕЙДЕРСЫ

Цена: 3540 р.*

Непромокаемый, неопреновый комбинезон с привулканизированными сапогами. Отлично подходит для долговременного нахождения в засидке, маскируя человека под окружающий ландшафт. Расцветки: Mossy Oak Break-Up.

Комплект термобелья. Две модели рубашек: 1) с высоким воротом на молнии, 2) с круглым воротом. На рукавах манжеты с лямкой. Для обеих моделей: кальсоны с гульфиком, уплотнители на икрах. На коленях и задней части двойной слой ткани. Специальные, комфортные, плоские швы, не натирающие кожу. Предназначено для занятий физической деятельностью средней интенсивности при холодной погоде. Ткань: 100% полиэстер. Внутренний слой состоит из множества мельчайших петель обеспечивает дополнительное сохранение тепла и комфорта для тела, отводит влагу с поверхности тела, во внешний впитывающий слой.

Цена: с воротом на молнии 1910 р.* с круглым воротом 1770 р.*

КУРТКА 2 В 1 ROVER & LAKES (ГЕРМАНИЯ)

Цена: 2490 р.*

Тёплая, длинная куртка (до середины бедра) с теплой подстёжкой. Идеально подходит для использования как в городе, так и на природе.

Воротник, манжеты и клапан центральной молнии отделаны вельветом.

Наружная ткань очень плотная (100 % хлопок), с непромокаемой пропиткой, подкладка полиэстер.

2 наружных кармана, 1 внутренний на молнии и специальный карман для мобильного телефона или рации.

Подстёжка: жилет с карманами на молнии, может использоваться для дополнительного утепления куртки и как самостоятельный предмет гардероба. Утеплитель нового поколения из лавсанового волокна.

Два цвета: Темно-коричневый, темно-зеленый.

Уникальное ценовое предложение!

Лента камуфлированная. Цена: 1230 р.*

Предназначена для маскировки и защиты оружия и аксессуаров. Снижает шумность и устраниет блик. Защищает от повреждений во время охоты. Самоклеющаяся, не оставляет следов. Многоразового использования. Две расцветки: дуб, камыш.

НАУШНИКИ АКТИВНЫЕ MSA SORDIN SUPREME PRO (ШВЕЦИЯ)

Цена: 9390 р.*

"Сордин" - это мировой лидер в области электронной защиты слуха и прекрасное решение для охоты и спортивной стрельбы. При стрельбе Вы не слышите звук выстрела, но прекрасно слышите все, что происходит вокруг Вас. В тире или на стэнде можно разговаривать не снимая наушники. Самые слабые шумы окружающей среды могут усиливаться примерно в 4 раза, что позволяет раньше изготовиться к выстрелу. Регуляторы громкости расположены удобно и доступно. Батарейки в непромокаемом боксе. Одного комплекта обычных батареек (AAA) хватает на 600 часов работы (входят в комплект). Разъем и шнур для подключения рации. Модель складная. Автоматическое выключение. Гарантия на электронику 1 год.

ПОЛИУРЕТАНОВЫЕ САПОГИ "P. ORIGINAL" ТЕПЛЫЕ (ШВЕЦИЯ). Цена: 3590 р.*

Теплые сапоги – проверено временем, использовались в экстремально холодных условиях Чукотки, Белого моря (до - 55 гр. Цельсия) и в средней полосе РФ, зарекомендовали себя с лучшей стороны.

Вспененный полиуретан является отличным теплоизолятором из-за пузырьков воздуха в полиуретановой массе.

Не нужны дополнительные стельки и вкладыши, для защиты от холода.

Искусственный мех внутри сапог для дополнительного комфорта. Пенополиуретановая масса содержит антибактериальную добавку, не позволяющую развиваться бактериям и плесени внутри сапог. Легче аналогов из ПВХ и резины (не устают ноги при длительной ходьбе). Удобные и прочные, используются в течение многих лет (из опыта, в зависимости от режима использования: от 3 до 7 лет). Цвет: зелёный, чёрный.

САПОГИ "БИЗОН" (ФРАНЦИЯ). Цена: 3770 р.*

Сапоги из натурального 100% каучука. Подошва самоочищающаяся (зазубренный шаг). Внутри подкладка из хлопка. Фирма «AIGLE» Франция.

САПОГИ "БЕНИЛСПОРТ" (ФРАНЦИЯ). Цена: 3940 р.*

Сапоги из натурального 100% каучука. Подошва самоочищающаяся (зазубренный шаг). Внутри подкладка из быстро сохнущего материала. Удобный ремешок на голенище, для регулировки. Фирма «AIGLE» Франция.

БОТИНКИ "АГУЛА" (ИСПАНИЯ). Цена: 4670 р.*

Качественная непромокаемая кожа. Двойное усиление мыса. Анатомическая стелька. Нержавеющие крючки HRT. Подошва с агрессивным протектором. Производство: Chiruka (Чирика).

БОТИНКИ "МЕДВЕДЬ" (ИСПАНИЯ). Цена: 6590 р.*

Качественная кожа с непромокаемой мембраной «Gore-Tex». Прочные камуфлированные вставки Cordura. Небольшой вес. Анатомическая стелька. Нержавеющие крючки HRT. Подошва Vibram. Производство: Chiruka (Чирика).

САПОГИ "НИЛСПИННИНГ" (ФРАНЦИЯ). Цена: 6130 р.*

Болотники из 100% каучука с долгим сроком эксплуатации. Крепления сапог к ремню. Фирма «AIGLE» Франция. Внутри сапога подкладка из хлопка.

САПОГИ "РИВЬЕР" (ИСПАНИЯ). Цена: 4725 р.*

Болотники из 100% каучука с долгим сроком эксплуатации. Крепления сапог к ремню. Фирма «AIGLE» Франция.

БОТИНКИ "ГРИФОН" (ИСПАНИЯ). Цена: 5760 р.*

Качественная кожа с непромокаемой мембраной «Gore-Tex». Небольшой вес. Анатомическая стелька. Нержавеющие крючки HRT. Подошва Vibram. Производство: Chiruka (Чирика).

ТЕРМОГОЛЬФЫ "VEITH -BOOT". ЦЕНА: 980 р.*

Пята и стопа - махровая вязка, для тепла и комфорта ношения. Материал быстросохнущий, износостойкий, отводит влагу и защищает ноги от охлаждения. Стойкие к протиранию, хорошо подходят к использованию в ботинках. Предназначены для холодной погоды. Состав: 80% шерсть, 17% полиэстер, 3% лайкра. Цвет: черный, зеленый. Производство: Германия. Производство: Германия.

ТЕРМОНОСКИ "FANNY VEITH".

Тёплые носки, изнанка - махровая вязка. Материал быстросохнущий, "дышащий". Для длительного использования в холодную и очень холодную погоду. Носки стойкие к протиранию. Состав: 95% шерсть, 5% полиамид. Цвет: черный, тёмно-зеленый. Производство: Германия. Цена: 930 р.*

НОСКИ НЕОПРЕН. ЦЕНА: 650 р.*

Тёплые носки из неопрена. Материал быстросохнущий, "дышащий". Для длительного использования в холодную погоду. Носки стойкие к протиранию. Расцветка: дуб. Производство: Китай.

ТЕРМОНОСКИ "VEITH". ЦЕНА: 830 р.*

Тёплые, пятка и стопа - махровая вязка, для комфорта ношения. Материал быстросохнущий, износостойкий, отводит влагу, тем самым защищает ноги от переохлаждения. Стойкие к протиранию, хорошо подходят к использованию в ботинках. Предназначены для холодной погоды. Состав: 80% шерсть, 17% полиэстер, 3% лайкра.

Цвет: черный, зеленый. Производство: Германия.

ФУТБОЛКИ "HUNTLANDIA"

Две модели футболок: 1) с длинным рукавом (цена: 900 р.*), 2) с коротким рукавом (цена: 730 р.*). Качественный хлопок позволяет комфортно использовать изделие дольше обычного срока эксплуатации. Состав: 100% хлопок.

КОСТЮМ ДЕМИСЕЗОННЫЙ "PRO HUNT". ЦЕНА: 4290 р.*

Непромокаемый костюм с мембраной, состоит из куртки и брюк. Куртка, удлиненная, подкладка на сетке, два внешних нагрудных кармана (закрыты клапанами), два внешних накладных кармана, два внутренних кармана, съемный регулируемый капюшон. Система вентиляции на молнии в зоне подмышек. Манжеты рукавов регулируются. Утяжка на поясе и нижней части куртки. Брюки легкие с завышенной поясницей по бокам резинки и шлёвки под ремень, два боковых кармана, два накладных кармана с клапанами на липучках, два задних кармана. Молнии в нижней части штанин (до колена), для удобства при снятии и одевании, низ штанин регулируется. Водонепроницаемые проклеенные двойные швы. Усиление на местах разрыва. Костюм из непромокаемого микрофлиса с мембраной Weather MAX.

КОСТЮМ "HUNTLANDIA CLASSIC". ЦЕНА: 8890 р.*

Куртка длинная со съемным капюшоном. На куртке 2 врезных и 2 накладных кармана, закрыты кулисками, 2 внутренних кармана на молнии. Дополнительные вентиляционные отверстия с молнией в зоне подмышек, утяжка пояса и низа куртки, усиления на локтях из кожи. Брюки с завышенной поясницей,

шлёвки под ремень, 2 боковых кармана на молнии и 2 накладных кармана на кнопках, усиления на коленях из кожи, дополнительная молния в нижней части штанин, для удобства снятия/одевания. В

комплекте кепка с козырьком из кожи и откидывающейся вверх сигнального цвета.

Непромокаемая мембрана Dintex с высокой пароотводностью, швы проклеены. Низкий уровень шума за счет структуры наружной ткани и обрезиненных кнопок.

Режим рекомендуемого использования от -10 С до +15 С

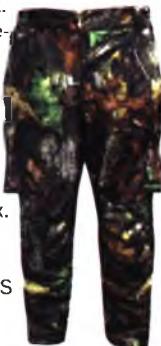
КОСТЮМ "HUNTLANDIA" ДЕМИСЕЗОННЫЙ. ЦЕНА: 8550 р.*

Длинная куртка с регулируемым капюшоном (на молнии). 4 боковых кармана (закрыты кулисками), в 2 нагрудных карманах петля для крепления манка или ножа, 2 накладных (с застежкой для патронташа), 2 внутренних.

Проветривание подмышками, регулируемые манжеты, утяжки по талии и по низу куртки, для сохранения тепла.

Подкладка из сетки. На плечах куртки накладки против скольжения и истирания. Усиление на локтях. Брюки с пароотводящей подкладкой, шлевки под ремень, 2 врезных кармана, 2 накладных.

Усиление на коленях и задней части (двойной слой ткани). На брючинах дополнительная молния до середины икры. Рекомендуемый температурный режим от 0 до +15 С. Размеры: от S до 4XL. Расцветки: «MossyOak «Break-Up» (дуб), "DUCK BLIND" (камыш), "REALTREE" "MAX 4" (тростник), "REALTREE" "ADVANTAGE TIMBER" (опавшая листва).

Под руки надо смотреть

Находясь на весенней охоте в Тверской области, мы небольшой компанией решили идти на вальдшнепиную тягу к дальнему сосновому бору, в низину, заросшую редкими невысокими елками.

Вышли около шести вечера. Не спеша прошли вдоль деревни и, выйдя за окопицу, гуськом потянулись по подсохшей луговой тропке. Идти было легко. Солнце уже не палило со всей силой как днем, с озера веяло сырой прохладой. Широкие луга, перебегая с пригорка на пригорок, стремились к синеватой полоске леса на горизонте. Ясное небо, прохладный ветерок, свежий весенний воздух создавали иллюзию нескончаемости окружавшего нас пространства, неизбывности счастья, наполняющего душу охотника в такие минуты.

Прощагав по лугам, покрытым пробивающейся зеленой травкой, вброд преодолели широкий, но неглубокий ручей, весело журчащий на дне большого оврага, и вышли на тянувшуюся вдоль опушки соснового бора обширную поляну. Здесь нам и предстояло ожидать начала тяги.

Солнце было еще высоко и, коротая время, мы разбрелись по поляне между пушистыми елочками. Я оказался недалеко от невысокого ольшаника, клином отходящего от леса. Вдоль зарослей ольхи тянулось длинное кочковатое болото. Летом оно, наверное, зарастало густой осокой, а сейчас голые кочки торчали бородавками среди неглубоких, слившихся воедино, лужиц. Елочки, торчавшие небольшими кутиками среди поляны, были ровненькие, стройные как на подбор. Их короны образовывали почти идеальные конуса, и поэтому они походили на детские деревянные пирамидки. Кое-где среди них несмело тянулись к небу реденькие, тощенькие березки.

Сосновый величественный бор ровно шумел под верховым ветром метрах в ста от нас. Сосны, краснеющие кронами на закатном солнце, казалось, сошли с полотен Шишкина. Их ровные, могучие стволы навевали мысли о русских былинах и сказках.

Время пролетело быстро, и уже пора было становиться по местам. Я отошел вбок к двум разлапистым елкам, росшим от одного корня. Третья, вывороченная ветром, сухая, почти без коры лежала возле них. Прошлогодняя трава опутывала ее ствол до вершины и торчала рыжими пучками из-под уставившихся в небо обломанных корней.

До тяги по моим подсчетам оставалось минут пятнадцать, и я, руковод-

ствуясь кондовой истиной — «В ногах правды нет!», направился к этой сушине, собираясь немного посидеть на ней.

Подойдя к комлю елки, я перехватил в левую руку ружье, развернулся и нацелился «посадочным местом» на облюбованный ствол. Однако перед тем, как усесться на растрескавшееся дерево, я решил свободной рукой расчистить его от прошлогодней сухой травы. Почти не оборачиваясь и не глядя, начал легонько водить ладонью по шуршащим пересохшим стеблям. Мельком заметил что-то черное, лежащее в углублении возле торчащих корней. Это «что-то» имело странную, какую-то не лесную форму и показалось мне в первую минуту дамской перчаткой в мелкую сеточку (размер, правда, был великоват, даже очень, но об этом я тогда не подумал). Да и как-то странно лежала эта «перчатка» — не скомкана, не распластана на дереве, а свернута в какой-то плотный, объемный кукиш.

Особо не сосредотачиваясь на этих мыслях, застыв в той же, не очень удобной позе, продолжал освобождать приглянувшуюся мне елину от сухой травы.

Неожиданно я коснулся пальцами этого «чего-то». Раз, другой, третий... На ощупь оно оказалось тугим и шершавым. И в то же мгновенье обратил внимание на странный звук, похожий на шипение закипающего чайника. Но чайника рядом не было, и быть не могло, я понял, наконец, что этот тонкий, посвистывающий шип издает так нежно по-

глаживаемая мною перчатка.

Рука моя по инерции еще пару раз прошлась по ней, раздвигая плотно свившиеся сухие травяные стебли, и... «Мамочка, это же гадюка!»

Я отскочил сразу и далеко. Гадюка, лениво скручиваясь, осталась на своем месте. Она была хорошо видна на фоне пожухлой травы и седого елового комля с моей новой позиции. И как это я сразу ее не заметил! Все мысли — о прекрасном, да сказочном! Нет чтобы под ноги глядеть, вернее под руки...

На базу мы вернулись уже в глубоких сумерках. Переоделись, умылись, сели ужинать. И только сейчас, рассказывая за столом о своем приключении и виде, как широко раскрываются глаза моих слушателей, я полностью осознал, какой избежал беды. Чем бы все закончилось, если бы гадюка впилась мне руку или в место, приспособленное для сидения. Меня взяла крупная дрожь, от которой я смог избавиться только выпив стакан водки — народное средство от всех болезней и хворей.

Ночью мне снилась моя знакомая гадюка. Она поднимала из сплетения черных колец своего гибкого тела треугольную голову и смотрела на меня злымя немигающими глазами, полураскрыв широкую пасть и ощупывая воздух узким раздвоенным языком. Я просыпался, засыпал и опять видел перед глазами черную рептилию, встреча с которой принесла столько переживаний и запоздалого страха.

И. ШАРОХИН

Рисунок автора

Сообщаем адрес нашей электронной почты ohota.ohothoz@mail.ru

Гусиные профили

В. ЛИТВЕНКО. Великий Новгород

В настоящее время в охотничьих магазинах продаются множество различных приманок для гусей. Это и плавающие чучела, и пустотельные объемные «скорлупки», и голограммические профили, и даже летающие «гуси» в виде воздушных змеев. К сожалению, стоимость этих импортных изделий весьма значительна, и многим рядовым охотникам они не по карману. Отечественные гусиные профили редко встречаются в продаже, но и они не дешевы, да и по качеству исполнения (форма, раскраска) далеки от итальянских и американских собратьев. Выход напрашивается сам собой: хочешь охотиться на гуся — делай профили сам.

Итак, что для этого нужно? Во-первых, необходимо определиться с количеством голов в «стое». Понятно, что, чем больше профилей, тем лучше, но каждый сам определяет разумную достаточность. Это зависит от количества имеющегося материала, времени на изготовление, возможности транспортировки профилей и т.п.

Первая партия была изготовлена мною в количестве 22 штук. Их состав (2 сторожевика, 4 переговаривающихся, 8 отдыхающих, 8 кормящихся), размеры и форма были взяты из журнала «Охота и охотничье хозяйство» (год издания и номер не припомню). Как показала практика, такого количества профилей на гусиной охоте мало. С учетом того, что профили сажаются под углом друг к другу, одновременно их видно не более 8-10 штук. На поле они смотрятся сиротливой стайкой и вряд ли смогут подманить большой косяк гусей.

Вторая партия была изготовлена уже в количестве 32 штук (2 сторожевика, 15 отдыхающих и 15 кормящихся). Две стаи в 54 птицы смотрелись уже «солидно» и в совокупности с манком успешно подманивали большие по численности, не высоко летающие косяки. Поэтому, я считаю, что 50 профилей — близко к оптимальному варианту.

Типы поз. Наблюдая в бинокль за стаями гусей, сидящими на поле, можно увидеть, что поз у них много. Кто-то отдыхает, вдавив шею в тело, но держит голову прямо, а кто-то спит, спрятав голову под крыло. Многие кормящиеся гуси переходят с места на место с высоко поднятой головой и очень напоминают по позе сторожевых гусей. Кто-то питается, кто-то переговаривается... Я остановился на трех основных позах: отдыхающий (спокойно сидящий), кормящийся и сторожевой.

Материал для изготовления. Варианты листового материала для профилей много: металл, фанера, пластмасса и пр. У меня под рукой оказалось несколько листов ДВП (древесно-волокнистая

плита). На первый взгляд материал, вроде бы, рыхлый и непрочный. Но первая партия профилей, сделанная из ДВП, служит мне верой и правдой уже более 15 лет.

Трафареты. Сначала нужно изготовить трафареты различных поз гусей из ватмана. За образцы я взял изображения импортных профилей в Интернете. Распечатал их на принтере, начертил сверху координатную сетку (разлинейки на квадратики) и пропорционально перенес рисунок на ватман (рис. 1).

Размер гусей сделал в 1,5 больше реального, т.к. слышал из различных источников, что большие чучела уток и гусей «работают» якобы лучше.

Выпиливание, первичная обработка. Трафарет из ватмана накладывается на лист исходного материала и обводится по контуру карандашом (фломастером). Чтобы отходы были минимальны, необходимо поэкспериментировать с раскроем, найти оптимальный вариант расположения трафаретов на листе ДВП. Затем ножковкой с мелким зубом или электролобзиком вырезаются профили. Края обрабатываются наждачной бумагой. Далее профили покрываются двумя слоями клея ПВА с промежуточной сушкой первого слоя. В результате такой обработки профили становятся намного крепче и не боятся дождя. Никакой пропитки горячей олифой не требуется. Высохший клей ПВА приобретает вид застывшего стекла (слюды) и хорошо отталкивает воду.

В ходе всего технологического цикла изготовления профилей целесообразно использовать дополнительное приспособление (рис. 2). Это обычная доска с пропилами (прорезями) по количе-

ству профилей, в которые вертикально вставляются «гуси» после очередной операции. Это отдаленно напоминает армейскую пирамиду с автоматами. Очень удобно, и задействуется минимум пространства.

Покраска. Перед началом процесса раскраски необходимо карандашом нанести рисунок будущего гуся на трафарет из ватмана. Затем лезвием бритвы вырезать границы основных частей тела гуся: нос, голова, глаз, крылья и т.п. После чего данный трафарет накладывается на заготовку из ДВП, и карандашом по прорезям намечаются части тела гуся.

Вообще-то покраска профилей — это самый творческий и наиболее трудоемкий процесс. Можно, конечно, как советуют многие охотники, просто отдельными мазками обозначить общие контуры гуся. Но ведь хочется, чтобы профили были похожи на реальных гусей, и налетающие стаи не шарахались от них, а чуть ли не садились в шалаш охотника.

За образец раскраски можно взять или голограммические импортные профили, или фото натуральных гусей из различных сайтов Интернета. Затем попытаться повторить эту раскраску на своих профилиях. Потребуются следующие основные цвета красок: черная, белая, коричневая, желтая и красная. Путем смешивания в различных пропорциях черной, белой и коричневой мы получаем краску для различных частей тела гуся. Желтая и красная — для носа гуменника и лап (оранжевый цвет). Раскрасить профиль не очень сложно, особую проблему для непрофессионалов-художников вызывает процесс смеши-

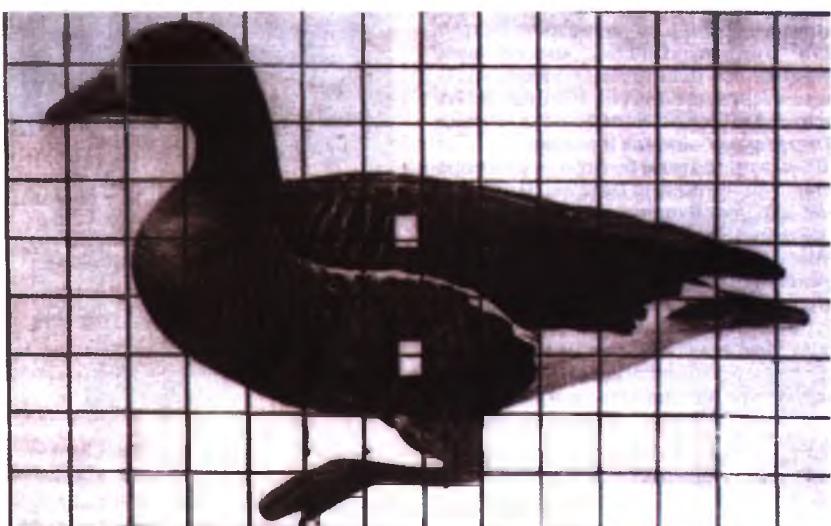

Рис. 1. Трафарет отдыхающего гуся

вания красок и получения нужного колера. Повторить природные оттенки гуся без наличия необходимого набора красок и отсутствия художественных навыков непросто.

Краски обязательно должны быть матовые, в противном случае профили будут давать блики и отпугивать гусей. Я поначалу не придавал этому значения, но однажды лично убедился в правоте сказанного на охоте, когда яркое солнце пускало ослепительных «зайчиков» от моих профилей. Гуси шарахались в сторону как «ошпаренные».

Раскрашивать профили лучше по отдельным операциям: сначала покрасить всем носы, потом тело, затем крылья и т.д. По окончанию покраски профили нужно хорошо просушить, а еще лучше натереть тальком, иначе они могут «при克莱иться» друг к другу при перевозке. Разъединение «сиамских близнецовых» приведет к отслаиванию краски.

Транспортировка. Для транспортировки профилей целесообразно сшить для них специальный чехол из камуфлированной ткани с ремнем для переноски на плече. Внутрь вшить змейку, сбоку — отдельный карман для колышков.

В ряде публикаций авторы советуют прикреплять колышки «намертво» к профилям. С точки зрения упаковки и транспортировки профилей это крайне неудобно, т.к. плотно их уложить будет невозможно. Лучше профили и колышки укладывать и перевозить отдельно, а непосредственно перед охотой на поле собирать в одну конструкцию путем соответствующей фиксации профилей в прорези колышка с помощью одного шурупа (шплинта и пр.).

Колышки. Колышки, внешне играющие роль ног гуся, можно изготовить из любой древесины. Покрывать их ПВА или олифой не обязательно. Достаточно просто один раз покрасить в оранжевый цвет. Делать их лучше не круглыми по форме, а продолговатыми, чтобы при сильном ветре профили не крутись вокруг своей оси. Если грунт на месте охоты очень твердый, например, не оттаившая после зимы земля, то не лишним будет взять с собой железный штырь с молотком, чтобы делать в земле отверстия для колышков.

Видовой состав. Профили необходимо раскрашивать под тех гусей, на которых наиболее часто охотятся. Как

правило, в европейской части России это или гуменник, или белолобик. Можно 50 % раскрасить под одних, 50 % — под других. Разница у них незначительна: клюв у гуменника оранжево-коричневый с черным, у белолобика бледно-розовый с белой каймой на голове. У взрослого белолобика — черные полосы на брюхе, у гуменника их нет. В остальном же они очень схожи, общий цветовой фон тела у них одинаков. Можно использовать одни и те же краски.

Расстановка профилей. В светлое время суток, если охота уже открыта, прежде чем расставлять профили, рекомендую сначала сбрить и зарядить ружье, поставив его в складку, т.к. гуси могут появиться неожиданно в любой момент. Затем уже можно рассаживать свою «стая», внимательно смотря по

способу рассадки. Стараюсь, конечно, учитывать направление ветра, но располагаю профили так, чтобы они были хорошо видны со стороны предполагаемого появления гусей (как правило, маршруты полета их известны). Где ставить профили: спереди шалаша, сбоку или сзади — я считаю, не так принципиально. Если все сделано правильно, гуси, как правило, снижаются и делают «облетку» (несколько кругов вокруг шалаша). Хотя бы однажды, но они обязательно налетят на расстояние верного выстрела.

Рис. 2. Доска-подставка для профилей

Если сравнить эффективность использования профилей и пустотелых объемных чучел, то она, как показывает практика, примерно одинакова. При правильно выбранном месте и хорошей маскировке охотника гуси не замечают подвоя и иногда подсаживаются непосредственно в профили или рядом с ними. Необходимость профилей их не смущает. Гуси могут не среагировать на профили (или отрицательно среагировать) по следующим причинам: они увидели движение охотника, его лицо или блик от ружья, шалаш очень выделяется из окружающей местности, место охоты выбрано не удачно (рядом кусты, лес, автодорога и пр.). Лучше всего выкопать складок посередине большого поля, куда до этого без опаски садились гуси. Хорошо замаскировать его, грамотно расставить профили, и успех охоты обеспечен.

Профили на поле

Главное — испытания гончих в поле

А. ОРЛОВ, эксперт I категории, г. Кирово-Чепецк

Статья эксперта Всесоюзной категории С.Г. Шевченко в РОГ № 17 за 2008 год «Гончие — национальное богатство России» заставила и меня взяться за перо.

Чувствуется, что автор — знаток своего дела, человек прямой, душой радеющий за улучшение пород гончих и остро переживающий их нынешнее состояние. Я читал аналогичный «крик души», так поразивший меня своим неравнодушием и стремлением как-то улучшить состояние породы собак у П.М. Мачеварианова. Легендарный и незабвенный Петр Михайлович писал в 1860 году в Предисловии к своим «Запискам псового охотника Симбирской губернии» (издательство Минск, 1991 г.) «...Погибающая порода русских псовых собак, уродливость и безобразие всех других переродившихся пород борзых, употребляемых ныне для псовой охоты в России, нелепые статьи, помещаемые в охотничих журналах, и дикие, фантастические руководства к псовой охоте, издаваемые личностями, не имеющими о ней никакого понятия, заставили меня согласиться на просьбу полевых сотоварищей решиться издать мои записки обо всем касающиеся до псовой охоты, с изложением тех правил, которыми руководствовались наши предки, и той терминологией, которая употреблялась ими и передана нам дедами и отцами в рассказах и рукописях». А поскольку псовая охота — это не только борзые, но и гончие, а он и пишет о выращивании щенков и наганивание гончих, то все это актуально и в наши дни.

Результаты устремлений П.М. Мачеварианова мы находим в Дмитрий Павловича Вальцова в его «Першинской охоте» (издательство Москва, Аквариум, 2003), где описано великолепнейшее поголовье исконно русских собак борзых и гончих, и какое внимание этому делу уделялось руководством. Вот когда гончие и борзые были национальным достоянием. А наши российские гончие, по мнению С.Г. Шевченко, находятся не в лучшем состоянии. Конечно и П.М. Мачеварианов в 1860 и С.Г. Шевченко в 2008 году немного утируют плохое состояние пород собак. Это свойственно людям неравнодушным, целеустремленным. Им, достигшим определенных успехов в своем деле, всегда будет казаться, что все достигнутое, это почти что застой, упадок и надо срочно что-то делать, чтобы добиться большего. По мнению С.Г. Шевченко, в снижении (это только на его взгляд) полевых достоинств, да и экстерьерных качеств гончих виновато «академическое руководство породой», что и привело к тому, что на состязаниях большого масштаба только 35% собак получают полевые дипломы, и что раньше собаки были лучше. Но статистика, с которой не поспоришь, говорит другое.

Русская пегая выжловка гонит зайца по горячему следу

Фото В. Животченко

Данные полевой работы с гончими в Московской области за 1971—1974 гг. по публикации в сборнике «Охотниче собаководство в СССР» (изд. Киров, 1976 г.) свидетельствуют, о подобных результатах. (См. табл. 1 и 2).

дой в стране «академическим» или иным и 30—40 лет назад, и 70, и «сегодня». А мы хотим, чтобы каждый выращенный щенок стал полевым победителем или чемпионом. И для этого мало что делаем.

Таблица 1

	РУССКИЕ ГОНЧИЕ				РУССКИЕ ПЕГИЕ ГОНЧИЕ			
	1971	1972	1973	1974	1971	1972	1973	1974
участвовало	312	200	272	251	180	145	196	182
дипломировано	91	74	97	87	60	53	57	52
0 %	29,1	37,0	35,6	34,2	33,6	36,5	29,1	28,5

Средний % по РГ — 33,9; по РПГ — 31,9.

Примерно те же показатели у РГ по Кировской области за 1965—1970 гг.

«Охотниче собаководство СССР» (изд. Киров, 1971 г.)

Таблица 2

	1965	1966	1967	1968	1969	1970
испытано	135	165	192	168	156	157
дипломировано	46	41	63	71	57	42
0 %	34,0	24,8	32,8	42,2	36,5	26,7

И получается средний % — 32,8

И, что самое удивительное, 33,3 % в 1928 г.

Всероссийская проба гончих 4—9 ноября 1928 года:

судьи М.И. Алексеев г. Москва

Н.П. Пахомов г. Москва

Н.Н. Челищев г. Москва

Испытано: 18 одиночек — получено 6 дипломов: I-II ст.; 5 — III ст.

5 смычков без дипломов

3 стайки I-II ст.

1 стая без диплома

Н.П. Пахомов «Полевые пробы гончих» (изд. КОИЗ, Москва, 1932 г.).

Значит, только треть щенков из-под каждой выжловки способна в будущем работать в поле на диплом любой степени, независимо от руководства поро-

Наши предки выращивали весь помет до года, затем пробовали их в поле, после чего выбраковывали не годных, по выражению П.М. Мачеварианова, «от-

правляли на лайковый завод». Жестоко, но это было нужно для ведения породы.

Может быть есть доли истины в ограничении помета под выжловкой до 4-5 щенков, как пишет С.Г. Шевченко, с целью исключения недокорма, да если учесть, что (по некоторым данным) химический состав молока у выжловки меняется через каждые 2 суток и его должно хватать всем щенкам в помете. Но где гарантия, что не будет выбракован лучший в будущем гонец.

Посмотрите на «собачьи» документы на районных выставках, ведь владельцы предъявляют «справки о происхождении щенка» даже на собак старшей возрастной группы, а графа «полевые дипломы» не только у собак выставляемых, но и у их родителей, пуста. Вот такое отношение наших обществ охотников к «национальному достоянию». Я не говорю уже о малочисленности поголовья. На Кирово-Чепецкой районной выставке в 1990 году экспонировалось 45 гончих, на испытаниях участвовало 39, а в нынешнем 2008 — на выставке всего 6, а испытаний уже давно нет.

Ну а куда девать закон диалектики, «о переходе количества в качество», да если учесть, что в каждом помете только треть рабочих собак. Получается, что надо выращивать весь помет без выбраковки, ибо из «гадкого утенка» первого дня или часа жизни может вырасти «прекрасный лебедь», а нашем случае гонец.

Ведь и среди искусственников и из больших пометов есть и достойные гонцы и бездари. Значит, причина, видимо, в генах и нам остается уповать на «его величество случай» при приобретении щенка. Хотя выкормить хорошую собаку тоже надо уметь. А нам, экспертам, надо бежалостно выбраковывать недокормышей и рабитов при осмотрах пометов. А что касается чутья, то я согласен полностью с С.Г. Шевченко, что это врожденный дар и улучшить его нельзя. Его надо сохранить и не погубить. В старину наши предки кормили щенков гончих так: «...овсянка употребляется мелко смолотая, а не просеянная; мясо в корме рубленое, но сырое; баранина не дается никогда, чтобы корм был отнюдь не горячее парного молока; все это делается для сохранения их чутья» (П.М. Мачеварианов «Записки псового охотника Симбирской губернии» (изд. Минск, Полифакт, 1991 г.). А чем кормят щенков сегодня? Да чем угодно!

Д.И. Вальцов в «Першинской охоте» пишет «... Содержатся эти денники (помещения для гончих. Примеч. автора) и выпуски в такой же чистоте, как и у борзых, и каждая собака по утрам так же вычесывается гребнем и щеткой, только нет холстинных флагов, пропитанных скипидаром (для защиты от насекомых. Примеч. автора), из боязни вредно повлиять на чутье» (издательство ООО «Аквариум», ГУК, 2003 г.). Вот оказывается как надо сохранять чутье гончих.

Но это касается испытаний гончих. А что касается состязаний, то, мне кажется, причиной неудачных выступлений выжлят являются все же неблагоприятные усло-

вия их содержания в период состязаний.

Опять обращусь к опыту предков... «Если вы поместите ваших гончих в овчарне, то они потеряют чутье на несколько дней и будут отзываться только по-зрячemu: так сильны миазмы того места, где были овцы» (П.М. Мачеварианов). А что сегодня? Это, прежде всего, переезд за многие, иногда даже сотни километров в пропахшей бензиновым и прочими перегарами и никотинами машине, что, на мой взгляд, почище всякого овчарника. У человека обоняние в 400 раз хуже собачьего и то от таких условий путешествия голова болит. А ведь гончей надо не только учесть место, где был зверь, но и определить в какую сторону он пошел и не терять его при преследовании. На новом, удаленном от «домашних» условий, месте и запахи другие, и лес, и трава другие, и состав воздуха не тот. И опытный выжлятник знает в какую погоду и при каком направлении ветра его питомец работает лучше, а в какую хуже. При этом С.Г. Шевченко подчас забывает самое главное, ведь на состязания выставляют собак уже дипломированных, что никак не зависит от руководства породой, и вдруг «без подъема», «без расценки», так что же ставить под сомнение компетентность эксперта, выдавшего диплом собаке раньше? Скорее всего, нет.

Так что проблема улучшения качества поголовья гончих собак как по эксперту так и по полевому досугу была, есть и будет, ибо остановка на достигнутом грозит деградацией «национального достояния России» и решать её нам, нынешним выжлятникам, сегодня. А для этого, прав С.Г. Шевченко, нужны грамотные и добросовестные специалисты — эксперты, владельцы гончих, ежедневно, как бы изнутри, изучающие породу и усвоившие опыт предыдущих поколений выжлятников. Приведу один маленький пример не называя имени эксперта высокой категории и издания, в котором он пишет примерно так... «в положенное время собака скол не выправила и была дана труба об окончании испытаний...» А ведь труба у выжлятников — это лисий хвост. Вот и пойми, что и куда давал эксперт, сигнализируя об окончании работы гончей? Это говорит о пренебрежении некоторых экспертов к опыту наших предков выжлятников, к их особому красочному языку. Просто не читают умных книг. А нынешняя полемика между комиссией по гончим РФОС и Е.Л. Ерусалимским по поводу стандарта гончих собак, подготавливавшего их к принятию в ФЦИ (РОГ 16 и 28), подтверждает «крик души» П.М. Мачеварианова в 1860 году, а С.Г. Шевченко в 2008. Не вырастив ни одной гончей, не зная охоты с ними Е.Л. Ерусалимский запросто пишет стандарт гончих, вопреки мнению матерых выжлятников из комиссии по гончим РФОС.

А вот по поводу бонитировки и отношения к племенному поголовью только классных собак я бы тоже адресовался к опыту предков и за это ратую любой

толковый выжлятник сегодня. Н.Н. Челищев в своих рекомендациях «как выбрать хорошую гончую» (Москва, КОИЗ, 1931) советует:

«Выбор гончей по ее внешнему виду» — сегодня это называется оценка за экстерьер (примечание автора).

«Выбор гончей по полевой пробе» — сегодня это оценка за рабочие качества (примечание автора).

«Выбор гончей по кровям» — (сегодня это оценка за происхождение).

Я думаю — дальнейшие комментарии здесь излишни. Осталась еще одна оценка: «За потомство». Тоже очень нужная оценка. Не секрет, что некоторые дельные гонцы ничего не передают потомкам. Очень яркий пример тому РГ Радай Кузнецова Ф.А. Этот выжлец имел кучу дипломов разных степеней, очень яркий сильный голос на 9, экспертер «отлично» и не одного классного потомка, хотя им перевезали чуть ли не всех выжловок Кировской области.

Конечно, самое главное — это испытания гончих в поле, ибо «...Залог успеха Всероссийских (читай районных, областных и выше, примеч. автора) проб в том, что сейчас всеми осознается необходимость выявления хороших работников и проверки в поле досуга выставочных медальеров, чтобы создать из полевых победителей прочный фундамент дальнейшего разведения типичных и дельных, рабочих гончих» (Н.П. Пахомов «Полевые пробы гончих» (КОИЗ, Москва, 1932 г.). И лучше, чем Н.П. Пахомов об отнесении к племенному поголовью только классных собак не скажешь. И я за то, чтобы только из часовской работы определять диплом любой степени, а вязкость из 15 баллов. Во всем остальном указанном в статье С.Г. Шевченко я полностью согласен и голосую «за» обеими руками.

С.А. Пастушок с «полем». Повременить надо было с выстрелом, лисичка еще не выкунела

Фото С. Пастушка

и спортивно-тренировочные ружья

ТОЗ-120

Виктор ГУРОВ

Ружья тульских мастеров

После окончания Великой Отечественной войны 1941—45 гг. перед промышленностью нашей страны встал вопрос о налаживании производства охотничьего оружия для удовлетворения нужд охотников. В годы войны на заводах Ижевска и Тулы изготовление охотничьего оружия было свёрнуто, и все силы были брошены на обеспечение войск действующей армии стрелковым оружием. Также были утеряны основные инженерно-конструкторские и профессиональные рабочие кадры.

По этой проблеме состоялось специальное совещание, созванное по инициативе Министерства Вооружения, посвящённое охотничьему и спортивному оружию. В работе совещания приняли участие Главное управление охоты, Министерство заготовок СССР, Госплан СССР, Военно-охотничье общество, ОСОВИАХИМ и другие заинтересованные ведомства. Оно состоялось 18 февраля 1946 г. Это совещание дало сильнейший толчок разработке и выпуск охотничьего оружия и подготовке профессиональных кадров инженеров и мастеров.

В скором времени на прилавках охотничьих магазинов появились ружья, так полюбившиеся советским охотникам. Охотники старшего поколения и сегодня с любовью вспоминают «ижевки» и «тулки» своей молодости. Из тульских ружей к ним можно отнести двуствольное курковое ружьё со стволами, соединёнными в горизонтальной плоскости БМ-16, а в последующем и её модификации ТОЗ-63, ТОЗ-66 (12, 16 и 20 калибров), а с 1974 г. ТОЗ-54 преимущественно 12 калибра.

Кроме модели «Б» и её модификаций в Туле производили курковую двуствольку МЦ9. У некоторых охотников и стрелков вызывает путаницу то, что под индексом МЦ9 выпускались две совершенно разные модели: ружьё с горизонтально расположенным стволами и

наружными курками (ТОЗ), и ружьё с вертикально соединёнными стволами и внутренними курками (ЦКИБ СОО).

Для занятий стендовой стрельбой с 1948 г. ТОЗ выделял ружья ТС-1 и ТС-2 калибра 12/70 со стволами, расположенными в горизонтальной плоскости, и внутренними курками. Указанные индексы означают «Тульское садочное, модель первая», и соответственно ТС-2 — «модель вторая». Длина стволов (ТС-1) 720 мм, дульные сужения — правый 0,8 мм, левый — 1,0 мм. Запирание тройное: рамкой Герде на два подствольных крюка и болтом Гринера. ТС-2 от ТС-1 отличают стволы длиной 760 мм с дульными сужениями: правый ствол 1,0 мм, левый — 1,25 мм, вместо болта Гринера используется прямоугольный выступ на казённом срезе стволов. При закрывании ружья на этот выступ надвигается защёлка. В ТС-1 стреляные гильзы извлекаются экстрактором, а на ТС-2 был установлен эжекторный механизм. УСМ с двумя спусковыми крючками. Замки смонтированы на отдельных досках. Вес ружей в пределах 3,5—3,8 кг. Это были прекрасные ружья, и они послужили прообразом для ружей МЦ111 и МЦ11, ружей высшего класса. Ниже пойдёт разговор о современных ружьях знаменитого ТОЗа.

ТОЗ-34 — двуствольное ружьё с вертикальным расположением стволов производится с 1965 г. и по настоящее время. Ружьё выпускается 12-го, 20-го, 28-го и 32-го калибров. Длина стволов 12-го калибра 700—720 мм; 20-го, 28-го и 32-го — 660—675 мм; патронников — 70 мм. Дульные сужения 12-го калибра — нижнего ствola полукок, верхнего чок и усиленный чок. УСМ с двумя спусковыми крючками, боевые пружины пластинчатые подковообразной формы. Вес ружья в пределах 2,9—3,2 кг. Взведение курков, поджатие боевых пружин (у ТОЗ-34Е и поджатие пружин эжектора) производится при от-

крытии стволов. Предохранитель не-автоматический, запирает шептала. Ружьё оборудовано перехватывателями курков (интерсепторами).

ТОЗ-120 — новая модель, в которой усиlena ствольная коробка и узел запирания. Эти ружья производят 12, 16 и 20 калибров с длиной патронника 70 мм, а 12 и 20 ещё и с длиной 76 мм. Длина стволов: 675 мм (12/70), 711 мм (все калибры), 750 мм (все калибры). Стволы оборудованы следующими постоянными дульными сужениями (мм): 1,25; 0,75; 0,6; 0,25 и «цилиндр». Ружья ТОЗ-120 выпускают как в охотничий варианте, так и в спортивно-тренировочном. Отличия заключаются лишь в том, что спортивный вариант имеет длину патронника 70 мм и более широкую (11 мм против 8,3) прицельную планку. УСМ односпусковой, боевые пружины цилиндрические витые. Вес ружья 12 калибра 3,6 кг.

Характерной особенностью УСМ ТОЗ-120 является автоматическое переключение, в случае осечки, на другой ствол без всяких манипуляций с ружьём. Это особенно важно при охоте на крупного и опасного зверя. Не совсем удачно устроен селектор переключения очередности стрельбы. Он качающийся. Предохранитель сдвигается вперёд и для выбора ствола его головка смещается вправо или влево. Эжекторный механизм ружья может быть отключен. Конструкторы наиболее удачным считают ТОЗ-120-20-IE. С началом выпуска ружья ТОЗ-200, модель ТОЗ-120 будут выпускать только 20 калибра с патронником 76 мм.

На базе ТОЗ-120 завод предполагает выпуск комбинированных ружей различных калибров: 5,6x39 и 20/76; 7,62x54R и 12/76; 9x53R и 12/76.

ТОЗ-200. Широкое применение патронов «магнум» и наметившееся отставание тульских оружейников в создании оружия под эти патроны способ-

МЦ-9

ствовало разработке и выпуску новой модели. ТОЗ-200 представляет собой оригинальное соединение в одном ружье основных узлов и деталей таких испытанных моделей, как ТОЗ-34, ТОЗ-120 и МЦ106. То есть, стволы от ТОЗ-120, коробка, шарнир стволов и система запирания от ружья МЦ106 или МЦ108, УСМ с двумя спусковыми крючками, как у ТОЗ-34, хотя, на мой взгляд, для охотничьих ружей это ещё приемлемо, а для спортивных — анахронизм. В ружье ТОЗ-200 боевые пружины пластинчатые одноперевьевые, что существенно повышает их надёжность.

ТОЗ-200 выпускается только 12 калибра, со стволами длиной 750 мм и патронниками 76 мм, стволы изготавливаются как с постоянными, так и со сменными дульными устройствами. Вес ружья 3,6 кг. На базе ТОЗ-200 планируется выпускать ружьё с комбинированным блоком стволов: гладким и нарезным. Надо признать, что стволы тульских ружей отличают высокая кучность и резкость боя.

Тульское «Центральное конструкторское и исследовательское бюро спортивного и охотничьего оружия» — филиал ГУП КБП, является единственным предприятием в России, выделяющим оружие высшего класса. В послевоенный период советские стендовые стрелки с ружьями модели «МЦ» неоднократно завоёвывали победы в Олимпийских играх, на чемпионатах Мира и Европы. Сегодня предприятие продолжает производить ружья высокого разбора по отдельным заказам и небольшими партиями для охотников и спортсменов. Самым первым охотничьим ружьём явилось МЦ5 (12/70) со стволами, соединёнными в вертикаль-

ной плоскости. В последующем и его различные модификации, как с гладкими, так и нарезными стволами. С 1950 г. стали производить ружья таких моделей, как МЦ6, МЦ7, МЦ8 и их модификации для стендовой стрельбы и охоты. На одной из последних моделей, такой как МЦ108С «Спорting», следует остановиться подробнее.

МЦ108-12С. С 1996 г. в нашей стране успешно развивается такой вид спортивной стрельбы как «спорting». Инженеры-конструкторы ЦКИБ СОО своевременно подключились к этому важному процессу и на базе модели МЦ108 разработали это ружьё. Они его впервые представили спортсменам и журналистам на чемпионате России по «спорtingу» ещё в мае 2003 г. Новая модель МЦ108-12С отличается от

прототипа наличием эжекторного и селекторного спускового механизмов. На этой модели установлена новая ложа несколько изменённой формы. Система запирания у МЦ108-12С довольно прочная и надёжная. В ЦКИБ СОО ведутся работы по усовершенствованию УСМ. Он будет односпусковой, быстросъёмный, с усилием на спусковом крючке не более 1,7 кг. Ружьё будет комплектоваться двумя парами стволов с постоянными дульными сужениями, так как сменные дульные насадки не обеспечивают требуемой кучности. Ружья тульских оружейников всегда отличались высокими боевыми характеристиками, прочностью, приемлемой ценой и поэтому во все времена пользовались большой популярностью у охотников и спортсменов. Вот как о них отзывался известный русский оружиеед Л. Гешель: «Общий вид ружья, его контуры — красота и изящество. Пригонка частей — выше всяких похвал... Бой по мишеням и на охоте великолепный».

Бывая довольно часто на стенде и участвуя в соревнованиях, в последние годы стал замечать такую безрадостную картину — основная масса ведущих спортсменов страны стреляет из импортного оружия. «Перацци», «беретты», «браунинги» вытеснили наши некогда знаменитые ружья модели «МЦ» ЦКИБ СОО. А это уже о многом говорит.

В заключение можно сказать, что отечественные оружейники предложили охотникам и делающим свои первые шаги спортсменам такое разнообразие охотниччьего и спортивного гладкоствольного оружия, которого, мы, пожалуй, ранее никогда не имели. Но, порой, нас огорчают в отечественном оружии не высокие потребительские качества и неказистый внешний вид. К сожалению, ижевским и тульским конструкторам пока не удалось создать ружья, достойные восхищения и гордости за российских оружейников. Такого ружья, увидев которое и подержав его в руках, охотник не захотел бы расстаться с таким сокровищем и уйти без него из магазина.

ТОЗ-54

Патроны «Магнум» с дробью

М. БЛЮМ

У многих охотников при упоминании оружия или патронов «магнум» возникает представление, что это оружие вместе с таким же патроном дает возможность добывать животных на дальностях, недоступных для стандартного дробового патрона. Так это или нет и на что способен выстрел патроном «магнум», и будет разобрано в этой статье.

Начнем с рассмотрения того, что представляет собой патрон «магнум» и оружие под него? Патрон «магнум» прежде всего отличается от стандартного патрона повышенным давлением пороховых газов в момент выстрела и увеличенной навеской дробового снаряда, что влечет за собой использование более прочного оружия. В оружии, рассчитанном на применение стандартных патронов, стрелять патронами «магнум» нельзя, так как это может привести к разрушению оружия и травмированию стрелка.

Обычно патроны «магнум» имеют длину гильзы 76 или 89 мм, но встречаются также патроны так называемые «полумагнум» с длиной гильзы 70 мм. Примером тому могут служить патроны 16 калибра марки «Тайга», которые имеют навеску дроби 32 г, а давление не более 780 бар, с начальной скоростью порядка 410 м/с.

В соответствии с требованиями Постоянной Международной Комиссии по испытаниям ручного огнестрельного оружия (ПМК) установлены определенные величины допустимых максимальных давлений в патронах «магнум» различных калибров. Например, в патронах для гладкоствольного оружия наибольшее максимальное давление должно быть не более 1035 бар, при среднем максимальном давлении в 900 бар. Оружие же, рассчитанное на применение патронов «магнум», испытывается давлением в 1200 бар. Тут же заметим, что США не являются членами ПМК, поэтому патроны могут иметь иные давления.

Поскольку патроны «магнум» имеют увеличенную навеску дроби, то их конструкция должна быть такой, которая бы не позволяла деформироваться дробинкам при выстреле. Особенно это относится к дробинкам, расположенным в непосредственной близости к пороховому пыжу. Степень их деформации зависит от твердости дроби и амортизационных свойств пыжа, а также от кривой изменения давления при горении порохового заряда, которая при определенной форме создает благоприятные условия для плавного разгона дроби в стволе. Для этого же предназначаются контейнер и заполнение промежутков между дробинками сыпучим амортизирующим материалом. При этом нужна более прочная гильза, а капсюль должен выдерживать повышенные давления.

Наряду с иностранными патронами «магнум» такие патроны стали изготавливать отечественные фирмы, в том числе старейшая, известная фирма «Азот». Таким образом, патроны «магнум» оте-

чественные охотники могут приобрести в заводском исполнении.

Однако очень часто охотники задаются вопросом: как самим изготовить такой патрон? Прежде всего следует обратить внимание на то, что снаряжать патроны повышенной мощности можно только при наличии специального пороха. Имеющийся в распоряжении охотников порох, предназначенный для снаряжения стандартных патронов, совершенно непригоден для этих целей, и поэтому снаряжать патроны типа «магнум» в домашних условиях нельзя, так как увеличение навесок пороха или дроби ведет к недопустимому увеличению давления пороховых газов, а отсюда возможны непредсказуемые последствия для оружия и стрелка.

Что же дает применение патронов «магнум» на охоте и дает ли вообще что-нибудь? Одни охотники утверждают, что использование патронов «магнум» не увеличивает результативность стрельбы на охоте, а другие не сомневаются, что патрон «магнум» более эффективен на охоте, чем обычный стандартный патрон. Попробуем в этом разобраться.

Следует прежде всего знать, что скорости начальная и конечная около цели у дробинок патронов «магнум» и стандартных мало чем отличаются, и поэтому с этой точки зрения патрон «магнум» не имеет преимуществ. Однако, благодаря увеличенной навеске дробового снаряда в 1,28—1,625 раза, плотность дробовой осыпи также увеличивается. Учитывая, что для поражения дичи необходимо, чтобы в нее попало 3—5 дробинок, то это значит, что такая плот-

ность при увеличенном количестве дробинок может быть получена на более удаленном расстоянии от стрелка, чем при стрельбе стандартным патроном.

Имея в виду, что количество дробинок пропорционально весу дробового снаряда соответствующего отстреливаемой дичи номера дроби, а значит, плотность дробовой осыпи увеличивается в среднем на такую же величину. Это приводит к тому, что при стрельбе на дистанцию, увеличенную в 1,5 раза, мы получаем нужную нам плотность дробовой осыпи. За счет этого при использовании патронов «магнум» увеличивается результативная дальность стрельбы. Практическая стрельба на охоте подтверждает это.

Поскольку патрон «магнум» имеет повышенную навеску дроби, то для уменьшения ее деформации в патроне используется не только специальный порох, но и твердая дробь, пыж с улучшенными амортизационными свойствами, контейнер, а пространство между дробинками заполняется амортизирующим материалом в виде полиэтиленовых гранул. Последнее не всегда используется при снаряжении патронов.

И нужно запомнить еще одно. Нельзя стрелять из ружья, рассчитанного на применение стандартных патронов с патронником 70 мм патронами «магнум» с более длинной гильзой. При выстреле таким патроном расправившееся дульце гильзы частично перекроет переход для дроби и пыжей из патронника в ствол, что приведет к сильному увеличению давления не только за счет применения увеличенных навесок поро-

ха и дроби, но и за счет частичного перекрытия снарядного входа.

Итак, в конечном итоге надо твердо запомнить, что патроны «магнум» необходимо приобретать только заводского снаряжения и использовать только в тех ружьях, которые рассчитаны на применение таких патронов.

Теперь следует разобраться в вопросе, когда их следует применять на охоте и являются ли они универсальными для всех видов охот. Тут необходимо запомнить одно, что патрон «магнум» не имеет увеличенную начальную скорость дроби по сравнению со стандартным патроном, а иногда она даже несколько ниже. Это говорит о том, что патроны «магнум» следует использовать только с относительно крупной дробью, которая сохраняет достаточно высокую скорость у цели на большем расстоянии. Мелкая же дробь на большом расстоянии снижает скорость настолько, что теряет убойную силу. Это значит, что нет смысла приобретать патроны с мелкой дробью № 7—10 и пыжами-концентраторами. Скорость мелкой дроби у цели будет ниже требуемого значения, которое находится в пределах 180—200 м/с.

Поскольку поражающая способность патрона повышена за счет увеличенной плотности дробовой осыпи, то не следует применять патроны 12 калибра «магнум» и «полумагнум» 16 калибра с контейнерами-концентраторами для стрельбы на близких расстояниях, так как дичь будет сильно повреждена. Если стрелять патронами 12 калибра «магнум» на 35—40 м, то плотность дробовой осыпи будет еще очень велика, а излишнее количество дробинок пускать на ветер при большой стоимости патрона нет смысла, да к тому же и добывшая дичь окажется настолько нашибованной дробинками, что употреблять ее в пищу будет не очень приятно. Эти патроны можно применять для стрельбы на эту дистанцию (если не жалко дроби) с устройствами типа дисперсного пыжа в патронах «Тайга», ствола цилиндрической сверловки с предударным расширением или раструбом. Так что в данном случае следует применять обычные стандартные патроны 12 калибра.

Этого нельзя сказать о патронах «магнум» 20 калибра, которые для стрельбы на 35—40 м вполне пригодны. Ведь этот патрон, по сути дела, равняется стандартному патрону 12 калибра, и поэтому вполне разумно его использовать для стрельбы на эти дистанции со средней и крупной дробью по средней и крупной птице, а также по таким животным, как лисица или заяц. По этим же животным вполне рационально применять патроны «магнум» больших калибров при стрельбе на дистанции до 55 м со соответствующими номерами дроби, так как именно для этих целей они и разработаны.

Кроме того, патроны «магнум» следует применять для получения эффективного дальнего картечного выстрела. Посудите сами, ведь в патрон «магнум» помещается 12 картечин диаметром более 8 мм, вместо 9 картечин стандар-

Таблица 1
ВНЕШНЯЯ БАЛЛИСТИКА ПАТРОНОВ «МАГНУМ» С НАЧАЛЬНОЙ СКОРОСТЬЮ 400 м/с

Наименование показателя	Дробь №4/0	Дробь №1	Дробь №3	Дробь №5	Дробь №7
Скорость дроби в 35 м от дула, м/с	283	266	252	237	219
Скорость дроби в 55 м от дула, м/с	240	227	214	189	163
Энергия пяти дробинок в 35 м от дула, кгс/м	14,6	6,7	4,2	2,55	1,1
Энергия пяти дробинок в 55 м от дула, кгс/м	10,25	4,9	2,9	1,45	0,65

Таблица 2
РАЗМЕРЫ ПОРАЖАЕМЫХ ПЛОЩАДЕЙ ПРИ СТРЕЛЬБЕ ПАТРОНАМИ «МАГНУМ» И СТАНДАРТНЫМИ ПАТРОНАМИ ИЗ РУЖЬЯ С ПОЛНЫМ ЧОКОМ

Калибр/длина гильзы, мм	Вес дроби, г	Дальность стрельбы, м	Площадь поражения, (см ²) пятью дробинами дробью номер				
			7	5	3	1	4/0
12/76	50	55	88	152	250	370	758
12/70	32	35	88	152	250	370	758
20/76	32	35	88	152	250	370	758
20/70	25	35	116	201	320	469	940
410/76	20	35	145	251	398	590	1229

Примечание. Данные получены при достаточно равномерной дробовой осыпи, равной 85—90 %. Патроны снаряжались полиэтиленовыми пыжами с контейнерами, а дробь пересыпалась полиэтиленовыми гранулами.

тного патрона, а это значит, что надежность поражения увеличивается на одну треть, что немаловажно при охотах на волка, косулю или некрупного кабана.

Применять патроны «магнум» без контейнеров нежелательно, так как происходит сильное и быстрое свинцевание канала ствола, особенно в переходных конусах из патронника в ствол и из ствола в дульное сужение.

Ниже приводится табл. 2 с расчетом площади мишени, которую можно надежно поразить дробовым выстрелом на дистанции 55 м, применяя патроны «магнум».

Эта таблица дает возможность ориентироваться при определении условий поражения той или иной дичи при стрельбе из полного чока патроном, снаряженным дробью в контейнере, пересыпанной амортизирующими гранулами.

Для примера рассмотрим такой случай. Предстоит охота на гуся с убойной площадью порядка 320 см². Если у меня ружье под патрон 12/76 с дробью № 3, то из него можно стрелять на 55 м, а патроном 12/70 — только на 35 м (то же самое можно сказать и о патроне 20/76 и, конечно, с некоторой натяжкой о патроне 20/70, так как его площадь поражения на этом расстоянии также равна 320 см²).

Итак, мы определились, что плотность дробовой осыпи достаточно для стрельбы этими патронами на определенную нами дистанцию. Теперь следует по табл. 1 выяснить, достаточно ли будет энергия этих пяти дробинок, чтобы надежно поразить гуся весом в 3 кг (см. табл. 3). Известно, что для этого суммарная энергия 5 дробинок должна равняться численно весу животного в кг, то есть 3 кгсм. Из таблицы видим, что

Таблица 3
ПОРАЖАЕМАЯ ПЛОЩАДЬ ТЕЛА И ВЕС ЖИВОТНЫХ

Животное	Площадь тела, см ²	Вес самцов, кг
Серая куропатка	76-80	0,4-0,5
Кряковый селезень	135-145	1,7-2,0
Тетерев	140-150	1,5-1,7
Фазан	230-250	1,3-1,5
Глухарь	450-510	3,0-5,0
Гусь серый	320-410	2,5-4,5
Заяц	410-480	2,5-8,0
Лисица	550-800	5,0-10,0

энергия пяти дробинок № 3 будет достаточно для надежного поражения этого гуся на расстоянии 55 м при стрельбе патроном 12/76 и на 35 м при стрельбе патронами 12/70, 20/76 и 20/70.

Кстати, из этой таблицы видно, что патроны 12/70 и 20/76 идентичны по своей поражающей способности. Таким образом, имея ружье «магнум» 20 калибра, вы обладаете достаточно универсальным ружьем, так как оно дает возможность иметь эффективный выстрел 12 калибра и в то же время позволяет производить отстрел обычными патронами 20 калибра, что достаточно выгодно с точки зрения экономии дроби и других средств.

О применении патронов «магнум» 410 калибра на наших охотах можно сказать следующее. По массе дробового снаряда патрон соответствует стандартному патрону 28 калибра. Отсюда и условия его использования на охотах такие же, как для ружей 28 калибра.

Русские писатели-охотники

Вячеслав Яковлевич Шишков. 1873-1945

Вячеслав Яковлевич Шишков

Жизнь Вячеслава Яковлевича Шишкова, автора знаменитых романов «Угрюм-река», «Емельян Пугачёв», вместила в себя такую эпоху, что могла бы сама по себе послужить материалом для занимательного романа. Писатель пережил трёх царей, три революции, граждансскую и две мировые войны, замерз в сибирских дебрях и не замёрз, голодал в блокадном Ленинграде, но остался жив.

Отец будущего писателя, незадачливый бежецкий лавочник и большой поклонник оперного пения (в тверской-то глубинке!), решил оградить любимое чадо от напастей на торгашеской стезе или на поприще искусства, и отдал сына в Вышневолоцкое строительно-техническое училище. А в Бежецке, где жили Шишковы, похоже, в ту пору никаких инженерных учебных заведений не существовало.

После учёбы Вячеслав Шишков два года занимался устройством плотин, водных путей и шоссейных дорог в Новгородской, Архангельской и Вологодской губерниях, а затем подался на службу в Томск. Благополучно сдал экзамены на право самостоятельного производства работ и отправился в экспедиции по сибирским рекам. Двадцать лет кряду инженер-землепроходец руководил изысканиями и обследованием громадных бассейнов Иртыша, Оби, Енисея, Бии, Лены, Нижней Тунгуски, Чулыма и Ангары. Он исходил пешком и проплыл на лодках вдоль и попрёк почти всю Сибирь, по его проекту заново построили Чуйский тракт.

Уже после Октябрьской революции, в начале 20-х годов неутомимый ходок Вячеслав Шишков с ветхой котомкой за плечами (один из рассказов этого периода так и называется — «С котомкой») обошёл среднерусские губернии, побывал в Карелии, на Урале и на Кольском полуострове, а позже и на Беломорканале. Такая география, изученная не из окна поезда или автомобиля, доступна лишь избранным путешественникам.

Необычно сложилась и писательская судьба Вячеслава Шишкова. Лишь на пятом десятке лет он переехал из Томска в Петроград (1915) и, поощряемый похвалами М. Горького, всерьёз занялся писательством. Первые путевые очерки он опубликовал ещё в Томске (в газете «Сибирская Жизнь»), но художественные рассказы прятал в стол, считая их неудачными. Литературному ста-

новлению Шишкова помогло и знакомство с патриотом Сибири Г.Н. Потаниным, которое он называл «светлой странницей» своей биографии. Потанин, прочитав шишковские рассказы в рукописях, настоятельно советовал автору побороть ложную скромность и выступить в столичных журналах.

Начинающему литератору не понадобилось искать сюжеты для своих произведений, его цепкая и ёмкая память была переполнена событиями и людьми, историями и случаями. Годами копившийся и не дававший покоя материал оставалось облечь в литературную форму и перенести на бумагу. А материала беспрогрызный: Сибирь. Из медвежьих самые медвежьи её углы, сильные характеры, широкие натуры, буйные страсти. И всё это на фоне дикой и сказочной природы.

После публикации в журнале «Заветы» первых рассказов «Помолились», «Краля», «Суд скорый» к В.Я.Шишкову пришла столь необходимая на первых порах уверенность в собственных творческих силах. А уже к 1917 году «сибирские» рассказы принесли писателю широкую известность. На российском литературном небосклоне зажглась яркая звезда самобытного таланта.

Из богатого и разнообразного творческого наследия Шишкова читателю-охотнику близки произведения первого периода. Герои ранних его рассказов — таёжники-лесовики, тунгусы, оборванцы-бродяги и охотники, купчишики средней руки и промышленники, золотоискатели и просто искатели лучшей доли. Зоркий глаз и чуткий слух художника и следопыта-натуралиста подметили и услышали в сибирском бытие именно то, что отличало его от жизни в других углах России. рассказы сибирского цикла прочно привязаны своими сюжетами и языком к Сибири, в них счастливо сочетаются форма и содержание, во всём чувствуется масштаб и выпукло пропускает неповторимый королит.

Следуя отличительной традиции русской словесности, В.Я. Шишков значительное место в своих произведениях уделил поражающим воображение пейзажам, первозданной природе Сибири. «Тише, человек, тише. Взгляни, какую землю попирает твоя нога. Только взгляни, человек...» — шепчет писатель в радостном изумлении перед созданной Творцом девственной красотой. Поэтическое настроение пронизывает многие ранние новеллы Шишкова, его легко уловить даже в их названиях: «Колдовской цветок», «Царская птица», «Алые сугробы», «Море зелёное», «Таёжный волк».

Наиболее характерным среди ранних рассказов можно считать повествова-

ние «Холодный край». Его содержание и тональность выдают в авторе человека с романтической душой, скитавшегося с ружьем по тайге несколько десятилетий. В четырёх небольших новеллах «Холодного края» незримо присутствует то, за что многие мужчины, сами того не подозревая и подчас не умея выражать словами, любят рисковать в жизни и добиваются того, что не дано другим.

Интересна и судьба рассказа «Холодный край». Написан он на основе реального случая, произошедшего с Шишковым и его товарищами в одной из сибирских таёжных экспедиций осенью 1911 года. Вячеслав Яковлевич был очень мужественным человеком, и трагедия гибнущей горстки людей в рассказе им, разумеется, смягчена и изображена без страшных в таких случаях деталей. Леденящие душу подробности этой истории с другими, уже вымышленными героями можно найти в другом произведении писателя. Достаточно вспомнить «Угрюм-реку», полное дра-

матизма плавание по реке Прохора Громова, вспомнить, как охотился за лосем Ибрагим, вспомнить Синильгу и шамана... Именно история спасённой добродушными и отважными тунгусами замерзающей и гибнущей экспедиции стала канвой одной из главных сюжетных линий романа «Угрюм-река». Своим спасителям-тунгусам благодарный писатель и посвятил рассказ «Холодный край».

В дореволюционном Петрограде Вячеслав Шишков вошёл в круг либеральной интеллигенции, сблизился с писателями А. Белым, Л. Андреевым и А. Ремизовым. Февральскую революцию он принял восторженно, но Октябрь разбил его иллюзии о гуманности каких бы то ни было революций. О событиях гражданской войны Шишков написал повести «Ватага» и «Пейпус-озеро». Литераторы из стана большевиков повести не приняли, известны едкие высказывания писателя-комиссара Дмитрия Фурманова о «политической позиции» Вячеслава Шишкова. Но Шишков

одинаково ненавидел и некоего «гуляку» Рогова, без разбора зарубившего шашкой пятьсот (!) «врагов России», и «партизана», который вместе с женой распиливал пилой колчаковских милиционеров.

С годами Шишков всё более отдалялся от «злобы дня», и когда его спросили, почему он обратился к исторической теме, ответил: «Я почувствовал, что о ней (эпохе Пугачёва — ред.) можно написать густо масляными красками, по Репину». Писать «густо масляными красками» о сталинской эпохе он не захотел, но его жизнь и посмертная литературная судьба в советскую эпоху сложились вполне благополучно. Тиражи изданных книг — миллионные, на малой родине, в парке Бежецка установлен бронзовый памятник (в странной академической мантии и философской позе). Более удачный памятник (в граните) Шишкову нашёл приют на Чуйском тракте у реки Катуни — открытый сибирско-му простору и всем ветрам.

М. БУЛГАКОВ

В.Я. ШИШКОВ

ХОЛОДНЫЙ КРАЙ

Из дневника скитаний 1911 года

Посвящаю Сенкиче, Гирманче — проводникам моим и многим, многим тунгусам, встречавшимся на путях моих скитаний. Светлую память о них я всегда ношу в своем сердце.

Лебеди

Раннее утро. До восхода солнца еще добрый час. В дощатой каюте шишка¹ — сажень в длину, сажень в ширину — нас четверо, спим, как в берлоге, тесно.

Закуриваю трубку. Темно, но сквозь щели в потолке и стенах прокрадывается рассвет. Холодно. Неохота подыматься из согретого телом гнезда. Тихо. Лишь похрапывают товарищи, да на палубе кто-то из рабочих ворочается и стонет.

Лежу с открытыми глазами, думаю. Думы мои мрачны. Слышу:

- Степан, вставать пора.
- Рано.
- Я заколел. Надо костер разжечь.
- Спи.
- Молчание.

Мы одни среди этого безлюдья и надвигающегося приполярного холода.

От последнего жилого места мы отплыли почти на тысячу верст. Нервы наши напряжены, душа истомлена. А плыть вперед, до Енисея, где есть люди и откуда мы можем выбраться на божий свет, по крайней мере месяц. Но мы бы

добрались. Мы привыкли к опасностям, закалены в борьбе. И вдруг этот ранний, в первых числах сентября, мороз и снег... Если обмерзнем здесь, никто не узнает о том — кругом ни души, — никто не придет к нам на помощь. Ну что ж! Судьба... Опять говорят вверху, на крыше лодки:

- Степан.
- Ну?
- А ведь подохнем мы. Не доплыть.
- Доплы-ы-ве-оом...
- Где доплыть... Замерзнем посредке. До Туруханска полторы тыщи верст осталось, сказывают. А сухарей мало. Пропадем с голода...

Тяжелый позовек и вздох:

- Доплы-ы-ве-ом...
- И уже нет в голосе уверенности: дрогнуло что-то, сорвалось.

Молчу. В душе растет тревога, вопрос за вопросом мелькает в голове, один черней другого. Бессильно вздыхаю, жду ответа. Ответа нет.

Прислушиваюсь: чей-то говор, нежный и радостный, едва звучит надо мною. Все четче, четче: теперь ясно слышу — это в выси проносятся на юг, нам навстречу, гуси.

Выхожу на воздух, бодро вздрагиваю, умываюсь ледяной водой.

Тайга спит. Река дремотно катит свои воды, шурша стеклом новорожденных льдин. Наш шитик стоит возле огромных песков. Все пески покрыты ранним снегом. Нетоптаная пороша голубеет в утренней полумгле.

Стеклянная застывшая тишина, неподвижность. Иду вдоль косы. На порошке замечают следы. Всматриваюсь: сохатый шел, лось, с сохатенком, а рядом — олени следы. Значит, близко стойбище тунгусов. Это хорошо, это очень хорошо. Живые люди! Я бесконечно рад.

Иду дальше. Восток все светлеет. Вижу четкие отпечатки лебединых следов: птицы шли табуном от реки к зеленеющему берегу, где спелый горошек.

Останавливаюсь. А, вот и они. Вскидываю вверх голову, ищу в выси белый, розовеющий под зарею бисер: раз, два, три, четыре — много. И смотрю им вслед тоскующими глазами, смотрю на юг, в ту сторону, где ждут меня друзья, такие далекие по расстоянию, но родные сердцу. Придется ли свидеться?

И я кричу, сняв шляпу:

¹ Шитик — крытая большая лодка.

— Эй, лебеди! Несите мой низкий поклон! Я не погиб еще. Я приду.

Но кто-то зло смеется во мне:

«Придешь? Ха-ха». И сердце вдруг обливается черной кровью.

Скрылись.

— Лебеди! Вольная стая. Счастливый вам путь!

Слышу — чьи-то шаги. Оглядываюсь — тунгус. Стоит возле меня, глядит жалеющими глазами, удивленно говорит:

— Как попал? Пошто? Откуда?

Стараюсь приветливо улыбнуться, спрашиваю:

— Ну, как, бойе, до Туруханска доберемся мы, не замерзнем?

— Какой Турухан. Сдурел, ты. Поздна... Борони бог! Зима... худой твое дело. Сдохнешь!

Сердце вдруг покрывается льдом, обмирает. Вот встало солнце, а я его не вижу: темно кругом и тоскливо.

Я через силу улыбаюсь, еле сдерживая боль, хлопаю тунгуса по плечу и дрожащим голосом говорю:

— Пойдем, бойе, чай пить.

— Пойдем. Чай так чай... Можна...

Он весь в мехах: чикульманы, парка, рукавицы. По лбу красная повязка, из под нее торчат, словно у индейца, черные космы жестких волос. За плечами тугой лук, в руках острые рогатина — пальма, за поясом болтается десяток убитых белок.

Добродушными, доверчивыми глазами он смотрит на меня и говорит:

— Оставайся, бойе. Зверя промышлять будем, тайга гулять будем. Э!

Я молчу. Мне не до гулянья.

На шитике проснулись. От костра струится голубой дымок и розовеет снег на вершинах гор.

Белка

Вот третью неделю живем в глухой тайге, в избушке зверолова, поджидаем тунгусов: они поведут нас на юг, к Ангаре. Путь будет труден, мы это знаем: по тайге, без дорог, без теплого угла, через снега, буран, морозы. Мы также знаем, что еще долго будут нас ждать в родном краю, и когда пройдут все сроки, нас станут оплакивать горько. Но что же делать? Надо мириться, иного выхода нет.

После встречи с тунгусом, когда наш скучный флот — два шитика и три лодки обледенели, мы решили, пробивая шестами тонкий лед, плыть дальше, наугад, в надежде повстречать жилье. Мы плыли день и ночь. На быстрых местах шитики неслись сломя голову, то и дело ударяясь о невидимые в ночной тьме камни. Мы прекрасно знаем, что от иного внезапного удара шитик может перевернуться. Если спасемся сами, погибнет остаток сухарей. Так и так — смерть. Однако раздумывать некогда, плывем. И вот подул ураганный встречный ветер. Наши лодки почти остановились. Мы бросили весла, шли на шестах. Но шесты один за другим ломались, за целый день мы едва проходили версту. А нам нужно лететь стрелой, чтоб не по-

гибнуть. Ветер дул целую неделю. Мы коченели от холода, лица опухли, руки разбиты в кровь. Мы теряем последнее мужество. И одно на душе: «скорей бы конец».

Вдруг, совершенно неожиданно, как молния в ясный день — избушка зверолова. В ней люди. Итак, мы третью неделю живем в этой родной, дороже каменных палат избушке.

— В лесу сегодня тепло, — сказал товарищ.

Выглядываю в окно. Белеет земля, белеет крыша балагана, и на фоне сизого неба желтыми призраками вытянулись вверх задумчивые в своей дреме лиственницы. Редко, редко падают неторопливые снежинки.

Беру палку и спешу в глубь тайги, по дальше от жилья, туда, где слышен рокот грозного порога.

Как тихо, как хорошо в тайге. Солнца нет, снеговыми облаками укрыто небо, и сквозь колющие узоры леса виднеется долина Нижней Тунгуски. А за рекой угрюмо дремлет хребет Унекан, траурно-черный с белыми пятнами снега.

Тише, человек, тише. Взгляни, какую землю попирает твоя нога. Только взгляни, человек...

Слышу тайным слухом: шепчут мне хвои, весь воздух: «Не бойся смерти, человек. Смерть — сон. Уснешь, чтобы проснуться, как и эта тайга весной. Не будешь верить — умрешь, человек, и не проснешься. Верь».

Вот вижу: сквозь белую пушистую скатерть, только что вытканную мудрёшим ткачом из узорчатых блесток снега, проглядывает куст голубики. Ее спелые ягоды, голубые с беловатым пушком, так удивительно красиво проступают из белизны пороши. Срываю и пробую. Поддеваю в пригоршни снег и нюхаю долго, долго. Какой удивительный аромат: пахнет облаками, небом, вечностью.

Иду по мшистой шубе тайги. Оглядываюсь назад. По моим следам расцветают в снегу розы: то безглазая пята топчет подснежную бруслику, из бруслиники алая брызжет кровь.

Блеснуло на минуту солнце, позолотило стволы деревьев, зарумянило свежий ковер на полянках, поиграло зайчиками на хвое, скрылось.

Белка.

Становлюсь под дерево и, притаившись, жадно слежу за ней. Она распушила хвост, долго всматривается в мое лицо, испытывающие хорочет и, как пружина, упруго прыгает вверх по высокой прямой сосне. Приостанавливается, вновь взглядывает на меня. Я замер, не шелохнулся, и это успокаивает ее.

Ах плутовка! Она будто не замечает моего присутствия.

Я для нее — пень, ничто. Нет, притворяется. Я прекрасно понимаю, что за мной неотрывно следят ее глаза. Шевельнувшись только, и — прощай игра.

Скачет вдоль большого раскидистого отростка, садится на самый его конец, игриво поджимает передние лапки к белой груди. Бисерные глаза ее еще раз вскользь задевают меня, она

грозит в мою сторону лапкой и, взметнув хвостом, несется сначала по суху, потом вниз головой по стволу к земле. Упруго скакет сразу четырьмя лапами почти до самых корней — не к моим ли ногам сейчас прыгнет, шельма, не сядет ли она на мое плечо, чтоб шепнуть колдовское зверючье слово? Нет. Вдруг круто повернулась в воздухе, и голова ее вновь вверху, а хвост стелется по стволу сосны, скок-скок-скок.

Опять бросает лукавый взгляд и, приняв беспечную дразнящую позу — лови! — она без боязни спускается вниз, на широкий столетний пень. Вот привстала, на дыбочках, вновь с любопытством разглядывает меня, пришельца, презрительно грозит лапкой, ждет.

— Ужо-ко я ее. Ужо-ко! Где у меня ружье?! — улыбаясь, шепчу я, плененный игрой, как ребенок.

Не слышит и словно не видит, но знает, что нет ружья.

Хоркает, искаса смотрит на меня, трет лапками плутовскую мордочку, смеется.

— Ага, ты так?! — не утерпел, схватил палку, замахнулся.

Она стремглав на самую вершину и, раскинув кивером хвост, швыряет в меня шишкой.

Я ухаю, стучу по стволу палкой, как баран прыгаю возле корневища:

— Ух! Ух! Вот я тебя.

Она с вершины на вершину скакет где-то там, под облаками, и, смеясь, задорно кричит:

— Что, взял? Ха-ха... Лови!

«Вера такой»

От устья Илимпеи мы идем через не проходимую тайгу, снегами. Снег тихий, обильный, пушистый, настойчиво падал, падал без конца. Недавно был покров, а в иных местах сугробы в два аршина. Верховьи наши олени выбывают из сил. Впереди всех идет вожак, тунгус Сенкича. Он по грудь вязнет в снегу, в его руках пальма, он с маxу скекает тонкие деревья, чтоб проложить путь каравану. Мороз, а он весь мокрый, от непокрытой головы струится пар. Сенкича — тунгус отмений, да, впрочем, и все они таковы. Завяжи ему глаза, кружи целый день тайгою, проспится, встанет утром и без ошибки пойдет куда надо. Ему не нужно солнце, он носит тайное чутье путей в самом себе.

За Сенкичей идет гуськом, нос в хвост, связка оленей — ольгоун. Верхом на переднем олене — баба Сенкича с неугасимой в зубах трубкой и с ружьем за плечами. Через седло идущего за ней олена перекинут берестяный кузовок с ее годовальным сынишкой. Он орет и час и два диким надрывистым криком. Я подъезжаю к ней, говорю:

— Уйми. Остановись, покорми его.

— Пускай гаркат, — отвечает она равнодушно, — пускай греется.

Когда я начинаю приводить резоны, стыдить ее, она в ответ бросает:

— У нас вера такой.

Эта фраза у тунгусов всегда на языке.

Задайте Сенкичей ряд вопросов: почему тунгусы сроду не моются? почему боятся мертвцев? почему мужчины носят косы? — один ответ:

— Вера такой...

За ольгоуном — еще и еще ольгоун, в каждом по восемь вьючных оленей. Когда передняя связка выбьется из сил, ее ведут назад, в хвост каравана. А мы и человек пять тунгусов — верхами.

Однажды в солнечный день я остановил олена и залюбовался нашим караваном. Я стоял на берегу небольшой речушки. Караван, растянувшись чуть не на версту, ходко спускался в долину.

Снег был голубой, мириады блесток играли огоньками. Изжелта-белые пушистые олени шли четкой ступью. Они гордо несли свои густодревесные рога. Вот сгрудились на извороте — целый лес рогов.

— Модо! Модо! Ко! Ко! Ко! — погоняют тунгусы оленей.

В сумерках кончаем путь. Вот уже полыхает огромный костер. Это расторопный Сенкича зажег сразу три рухнувших сосны. Разгребают снег, ставят конусообразный чум, на землю накидывают хвою, в средине разводят небольшой костер. Говорливый, пересыпанный хохотом обед из сохатины с сухарями и крепкий сон.

Утром выхожу с географической картой издания генерального штаба. Тот путь, по которому мы идем, на карте — пустое место. Человеческая нога здесь не бывала никогда. Я шаг за шагом, поскольку позволяют обстоятельства, произвожу на всем пути съемку, ориентируясь буссолью и часами.

— Сенкича! Где мы вчера ночевали? Покажи мне направление.

Он смотрит на меня удивленно и так же удивленно, с хитринкой, задает вопрос:

— Разве не знаешь?

В десятый раз начинаю объяснять ему, что мы здесь впервые, а тайга так однообразна, что, отведи любого из нас за сто сажен, и мы заблудимся. Да и все небо в тучах, солнца нет.

Он косится на меня сверху вниз, с непередаваемым чувством превосходства и снисходительно говорит:

— Ладно.

Я его научил вешать линию. Он берет две пальмы-рогатины, втыкает в снег сажен на десять одну от другой, отходит в сторону, прищуривает глаз, приседает, разводит руками, что-то шепчет, соображая, вот перенес переднюю рогатину на аршин вправо, присмотрелся, перенес на вершок влево, еще.

— Вот так. Иди, смотри. Там были... Это!..

Я прикладываю по линии буссоль, отсчитываю румб, заглядываю в книжку на вчерашнюю запись и поражаюсь: градус в градус.

Он следит за выражением моего лица и торжествующе спрашивает:

— Верна?

— Молодец! Я тебе подарю ружье. Теперь укажи, в какую сторону мы пойдем и где будем ночевать. Только чтоб верно было.

Сенкича сияет. Ружье для него — цепное богатство. Он быстро переставляет рогатину, как колдун опять что-то шепчет, разводит руками, еще раз переставляет и говорит:

— Во, смотри!

Беру румб, записываю. Я вполне уверен, что завтра утром, на следующем стойбище, он точно укажет мне, за двадцать пять верст, это самое место, где сейчас стоим. Я знаю, что обратный румб будет верен, как и в предшествующие дни.

Чем это объяснить? Ведь это же чудо! Я б всякого назвал лжецом, если б не проверил самолично эту удиви-

тельную способность тунгуса чувствовать пространство.

Я показал ему карту. Глаза Сенкичи загорелись. Долго, пристально смотрел, расспрашивал:

— Это что?

— Нижняя Тунгуска.

— Это?

— Катанга.

Он разбросил карту на снегу, припал на локти.

— А это Лемпо? — спросил он, проводя ногтем по черте.

— Да, — подтвердил я, вновь поражаясь быстроте его соображения. Человек впервые видит карту. Возьмите любого нашего мужика, он процарапает насквозь голову, а не поймет эту китайскую грамоту.

— А это Бирьякан? — задает вопрос Сенкича.

— Да.

— А это Тур?

— Нет, вот Тур. Это Пульваненга, — возражая я. Тогда Сенкича швыряет прочь карту, быстро выпрямляется и с сарказмом говорит:

— Какой дурак писал расписка? Врал! Тур уот где, Пульваненга — вот!

— Этую карту писали в Питере, учевые, — раздражаясь я.

— Дурак писал, — настаивает Сенкича.

Он берет сучок и чертит на снегу весь наш предстоящий путь вплоть до Аннавары. Чертеж его схематичен, в прямых линиях. Но почти все впоследствии подтвердилось.

— Да как ты это, Сенкича, знаешь?

— Вера такой.

Трое

Ночью по деревьям стучит мороз. В верхнее отверстие чума видны золотые россыпи звезд. В чуме страшный холод. Костер потух. Я лежу в одном белье под шубой. Надо бы разжечь костер, но встать нет мочи. Темно. Вот кто-то вскочил, зябко сделал — брр, — ляскнул зубами, опять упал, пробормотав:

— Язви тебя, вот холод...

Наш русский.

Потом вылезла из оленьего теплого мешка тунгуска Анна. Мешок у них двойной, семейный, спит в нем с Сенкичей, а сынишка — в берестяном кузовочке у костра. Не замерз ли? Однако нет — заплакал. Анна высекла искру, стала разводить костер.

— Замерзла, Анна? — спрашиваю.

— Взопрела, — посмеиваясь, отвечает она.

Анна поднялась во весь рост, потянулась, сняла рубаху, вывернула ее и расплющила над пламенем. Рубаха надулась от жаркого воздуха колоколом и стала плавно кружиться в раскинутых над костром руках Анны, как карусель.

— Омко, — посматривая на меня, наставительно говорит Анна.

Я знаю, что такое «омко»; омко — значит вши.

Анна молода, очень красива, от ее бронзового крепкого тела веяло какой-то внутренней чистотой. Но эти окаянные «омко». Закрываю глаза и сердито кутаюсь с головой в шубу.

— Нюльга сегодня будет большая, — заявляет за чаем Сенкича. Глаза его узенькие, заплыши от сна и таежной стужи.

За чумом голос Анны и бряканье бубенцов. Она собирает оленей. Это не так-то легко: они разбрелись по тайге, надо ловить арканом.

В путь двинулись около полудня. Солнечный, тихий день. На полянах снег слепит глаза. Тишина полная. Иногда с сосны слетит иней: это белка прыгнула

на другой сучок. Белок попадается много. Но промышлять их нет времени. Однако Анне невтерпеж. Иногда останавливает она оленя и, приложившись к малопульке, метко срезает с вершины белку.

— А ловко ты бьешь! — кто-то бросает Анне похвалу.

— Вера такой, — скромно отвечает она, попыхивая трубкой.

Мы шли густыми зарослями. Здесь снега было меньше. Сосны стройно возносились к небу, пушистые кроны их сливались вверху в одну.

Вдруг вдали раздался выстрел.

— Э! Наш промышляет, — сказал Сенкича и выстрелил в воздух.

Караван остановился.

— Это глухой Отыркон, старик, — сказал Сенкича.

— Геть, геть! — закричал старик на своих псов и подошел к нам.

— Здравствуй, Отыркон, — сняли мы шапки, с любопытством разглядывая его.

Тунгусы стояли молча. У них нет обычая здороваться. Старик смотрел на нас разинув рот. Собаки пофыркивали, дрожали.

Вид старика жалкий. Меховая парка вытерта, оборвана донельзя, ноги обмотаны в какую-то рвань. Седая голова не покрыта, кисти рук голы, красны, он отогревает их дыханием. Скуластое голое лицо с приплюснутым носом обтянуто желто-серой морщинистой кожей. Узенькие глаза слезятся, щурятся. Мал ростом, но прям и быстр.

Сенкича обнял его за плечи и закричал ему по-тунгуски в самое ухо. Тот отрицательно помотал головой.

Обращаясь к нам, Сенкича сказал:

— Совсем глухился. Кудой его дела. Тфу! — и дал Отыркону свою трубку.

В руках старика дрянное ружьишко. Самодельная ложа кой-как стяпана топором. Старик подпоясан веревкой. Под веревку подоткнуты убитые белки, а к концу веревки привязана собака. Она сидела у ног хозяина, крутила по снегу хвостом и, высунув язык, весело посматривала на нас.

Старик еще выкурил трубку и заговорил довольно правильно по-русски. Голос его был слаб и тонок, как у скопца.

— Вот я старый, четыре раза двадцать. Никого у меня нет. Совсем глухой. Оленей нет, ничего нет, смерть уехала куда-то, прощай. Как жить? Вот живем, я да две собаки. Кормимся. Смерть приедет, сдохну, куда они без меня? Мало-мало пропадут совсем. Чисто беда совсем...

— Неужели у него нет никого родных? — спросил я Сенкичу.

Да. Сенкича знает старика давно, он действительно одинок, но тунгусы не оставили бы его, кормили бы, да и сам Сенкича сколько раз звал его к себе. Недает. Хочет жить своим трудом.

Сенкича помнит, как одно стойбище тунгусов взяло его к себе насилино, держало чуть не взаперти, ухаживало за ним — очень хороший старик, мудрый — нет, ушел.

Отыркон поччял, о чем мы говорим, и, усаживаясь прямо в снег, сказал:

— Нога шагал, глаз смотрел, работай. Пощо мешать людям? Людям и так совсем худо есть. Каждому свой камень есть. Не надо. Грех.

Он вздохнул, протер глаза снегом и, сделав руку козырьком, взглянул в лицо Сенкичи:

— Сенкича! Я буду околеть весной, в вершине Бирьяканы.

— Откуда знаешь? — крикнул Сенкича.

— Будешь там кочевать, возьми ружье.

— Откуда знаешь?! — опять прокричал Сенкича и замаячил руками.

— Каменный Спас сказал.
— Кежма есть, село. Там каменная церковь, Спас,— пояснил мне Сенкич. А старик продолжал:

— Вот лег спать. Вот слышу: Спас приехал в изголовень мне, сказал: ты старый, ты совсем дрянь, время твое поседело, ухо заросло землей. Этой весной станет тебя душить шайтан. Сдохнешь голодом. Наплевать, не бойся...

По лицу Отыркона текли слезы. Подбородок дрожал. Он поднял голову к небу и перекрестился.

Я с печалью и жалостью смотрел на него. Он ниш, убог, но какой-то внутренний свет исходил от него, и чувствовалась несокрушимая сила в его душе. Так хотелось помочь ему. Но как помочь? Несчастный, погибающий старик.

— Шибко хороший Каменный Спас,— сквозь слезы шептал он,— борони бог, какой добрый Каменный Спас, обиды нет от него... Ну, я пошел.

Он быстро поднялся и, как бы спохватившись, громко спросил Сенкичу:

— Куда, бойе, нюльгириши?

Сенкича всячески изощрялся, чтобы объяснить глухому: схватил меня за руку, махал руками к югу, указывал на оленей, подгибал по очереди пальцы, чертил пальмой по снегу.

Но вдруг вдали взаял черный пес Отыркона. Пестренькая сучка, привязанная опояске старика, взвилась стрелой и бросилась на лай. Веревка взмыла, свалив Отыркона с ног.

— Кую! Геть! Геть! Кую! — крикнул он, быстро вскочив и убегая за тянувшей его что есть силы собакой.

Тунгусы смеялись. Вскоре раздался вдали слабый хлопок ружья.

Я долго смотрел в ту сторону, куда скрылся лесной старик. Мне было грустно. Я думал о его недолгих днях, о последней его земной минуте. Холод, мрак, тяжкое одиночество. Когда сердце его устанет и по жилам едва-едва будет струиться холодающая кровь, он покорно ляжет у потухшего костра и станет безмозгло ждать.

Когда я все это представил себе до четкой ясности и вдумался в слова старика — «умирать шибко сладко», — какое-то чувство зависти вдруг охватило меня всего. Не странно ли, что мы, люди иного уклада жизни, так боимся своей последней роковой черты, а он, этот немощный, первобытный старец, ждет смерти с радостной надеждой. Благо ему!

Мы двинулись дальше. Сенкича шагал со мной рядом, говорил:

— Белку без собаки доспеть трудно. Ясный глаз надо. Отыркон глаз — тьфу! Вот собака туда-сюда нюхтит. Далеко уедет, мало-мало совсем не видно. Отыркон навовся закружится, все на восход лезет, на восход, а другой собака кэ-эк дернет его, прямо назад, старик вверх ногами, бряк! Однако притащит к белке, — бей, значит. Э! Так трое и жрут белку. Э!..

Рисунки Б. Игнатьева

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Рассказ настоящего полковника

— Я не охотник, — начал рассказывать мой новый знакомый, — но два раза с медведями пришлось встретиться, и они мне запомнились на всю жизнь.

По окончании военного училища в звании лейтенанта я был назначен командиром взвода в железнодорожные войска. Наша часть в то время строила железную дорогу до Воркуты. Как-то командир роты попросил меня и еще одного командира взвода, такого же, как и я, зеленого лейтенанта, добыть соболя на воротник жене. Ни я, ни мой коллега никогда не охотились, понятия не имели как добыть этого зверька, но нам казалось, что ничего сложного в этом нет. Соболиных следов в тайге, через которую мы прорубали трассу для будущей железной дороги, было много и начинались они прямо от расположения нашей части. «Чего тут сложного, — думали мы, — иди по следам: рано или поздно, но догонишь зверька».

Как сейчас помню солнечное утро, а ночью выпал снег. Мы взяли по малокалиберной винтовке и по пачке патронов, вышли на трассу, отошли от города несколько сот метров и вот они — соболиные следы. Можно считать, что просьбу-приказа командира роты уже выполнили. Тихо переговариваясь, обсуждая всякие пустяковые вопросы, не забыли напомнить друг другу, что надо соболя стрелять в глаз, чтобы не попортить шкурку. «Наверняка шкурка пойдет не жене, значит, надо постараться, чтобы командир роты не ударил в грязь лицом», — над чем сами от души посмеялись. Через пару сотен метров от трассы след соболя вывел нас на поляну, в центре которой был островок крупного леса. След шел через поляну прямо в этот островок. «Значит, он в этом островке», — решили мы. Наметили дальнейшие наши действия: коллега пойдет в обход островка и встанет на краю поляны с противоположной стороны, а я, как только он займет нужное место, пойду по следу. Если соболь в островке, я его там пристрелю или выгоню на коллегу, а на чистом месте он уж точно не промажет. Как только коллега скрылся за деревьями, а обходить поляну он пошел по лесу, через короткое время в островке я услышал шорох. «Ну и хитрец, — подумал я, — договорились, что я пойду в островок по следу первым, а он уже опередил меня. Видимо, очень хочет сам застрелить зверька и лично докладывать командиру о выполнении просьбы-приказа». Не бывать этому! Я быстро пошел по следу. В островке под деревьями были такие густые заросли кустарника, под которыми мне пришлось ползти. Пока полз, по-прежнему впереди раздавались шорохи и неясные звуки. Вот он все ближе, ближе... Я ползла под последним кустом, встала и... В двух шагах от меня, прислонившись спиной к огромному дереву, стоит медведь и трется спиной о ствол дерева, издавая при этом от удоволь-

ствия, видимо, легкие стоньи. Не своим голосом я закричал с испугу, еще громче заревел медведь.

Что-то соображать я стал, когда перебежал обратно поляну. Я стоял без шапки, без бушлата, без утюв и винтовки. Я увидел, как мой коллега только еще подходит к тому месту, где он должен был стоять по нашему договору. Изо всех силя закричал, чтобы он уходил — там медведь.

Сейчас, когда прошло много-много лет, я иногда вижу эту картину как бы со стороны: впереди полураздетый, в одних носках, по снегу бегу я, а за мной с винтовкой в руке бежит другой лейтенант. Ну боевик, да и только.

Вторая встреча с медведем произошла у меня там же. Утром со своим взводом я прибыл на трассу. С собой мы привезли топоры, пилы, кирки, ломы и всякий другой инструмент для продолжения расчистки трассы. Был мороз. Молодые солдаты, чтобы согреться, толкали друг друга, кто-то подпрыгивал, другие растирали руки. Вдруг крик: «Медведь!» Впереди на трассе метрах в ста от нас действительно откуда-то появился медведь. Увидели его, когда он был уже на середине трассы. Было хорошо видно, как он не спеша то одной, то другой передней лапой что-то копал в земле, не обращая на нас никакого внимания, как будто нас и не было. Нам и раньше приходилось видеть следы медведей на трассе, чему перестали удивляться: ведь трассу вели через тайгу, многих медведей подняли из берлоги, вот они и бродили шатунами.

Солдаты стали упрашивать меня разрешить им убить этого медведя. «Хоть медвежатины поедим, — говорили они, — надоела солдатская похлебка, а вам еще и шкура будет на зависть другим офицерам». Я хорошо еще помнил свою предыдущую встречу с медведем и категорически был против, тем более оружия у нас с собой не было. Но солдаты все настойчивее упрашивали меня. «Нас так много, цепкий взвод, да мы его голыми руками возьмем». И ведь уговорили.

Солдаты быстро расхватали инструмент и, подбадривая друг друга криками «Ура...а...а!», бросились на медведя. Одни грозно потрясали топорами, другие держали лом, как винтовку, некоторые высоко над головой подняли кирки. Гордость охватила меня за свой взвод. Вот это ребята, да с такими на саблезубого тигра идти не страшно! Вдруг через спины солдат я увидел, как медведь встал на задние лапы... он оказался в два раза выше самого рослого солдата во взводе. До меня сначала донесся грозный рев медведя, а потом я увидел, как солдаты, побросав весь инструмент, с огромной скоростью, на которую были способны, кинулись бежать. Остановились они через несколько сот метров. Отогнав от себя солдат, медведь опустился на все четыре лапы и спокойно пошел в тайгу.

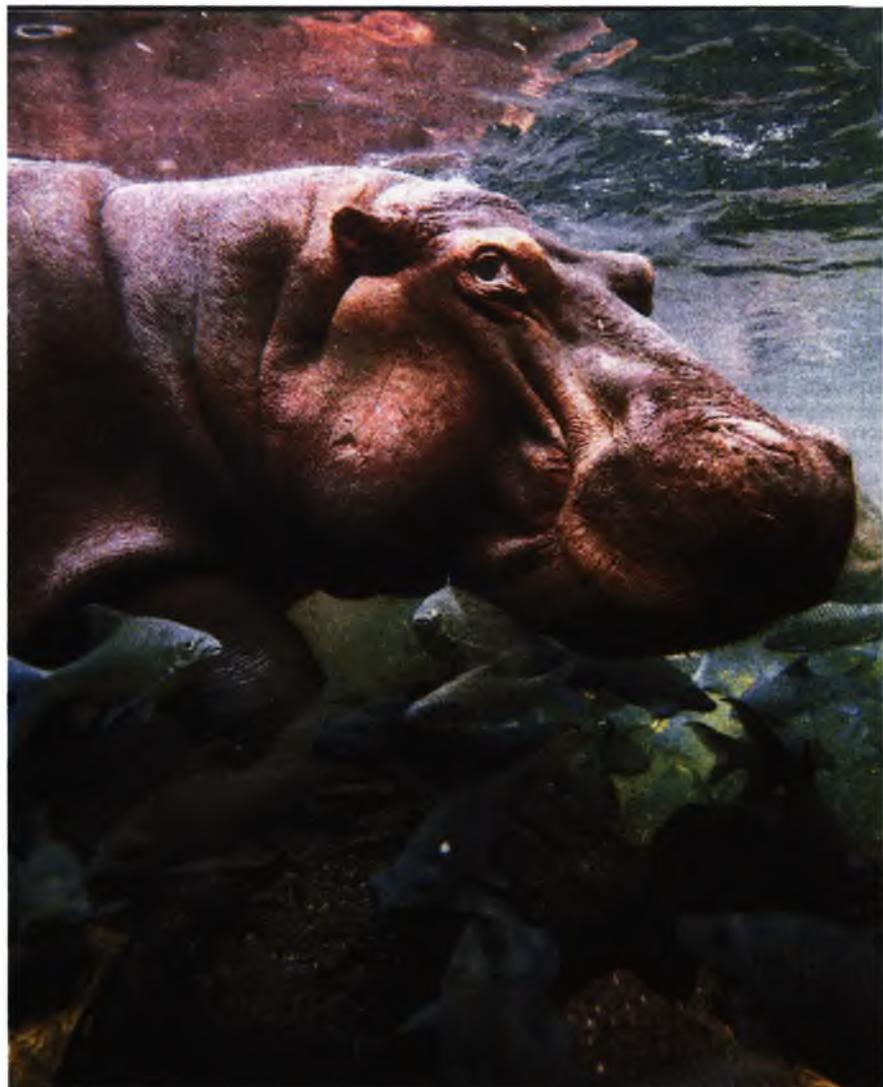
Н. АСТАФЬЕВ

ГИППОПОТАМ

В. КЛИМОВ. Фото автора

Гиппопотам, он же бегемот, обитает в Африке, в мелководных реках, прозрачных озерах и на песчаных отмелях. Его название происходит от слияния двух греческих слов «иппос» (лошадь) и «потамос» (река). Отдаленное сходство с лошадью и большое количество гиппопотамов, живущих в долине Нила, объясняют и другое их название — «нильская лошадь». Весь день гиппопотамы проводят в воде, и лишь на закате, когда температура спадает, выбираются на берег подкрепиться прибрежными травами. Они предпочитают мелкие водоемы, по дну которых можно ходить. Глаза, ноздри и уши гиппопотама расположены в верхней части головы и остаются над водой, а туловище почти целиком скрыто в воде. Иногда он ныряет в воду с головой и может находиться там до 6 минут. Его особая кровеносная система удерживает в крови кислород.

Гиппопотам — медлительное, мирное животное. Его покой может нарушить разве что нападение врага, например крокодила. Тогда он пускает в ход свои огромные клыки и может нанести страшные рваные раны.

Уважаемая редакция! По поручению охотников Кондинского района и г. Урай Ханты-Мансийского автономного округа помогите поздравить замечательного человека, охотоведа-зверовода по образованию, охотника по призванию, бессменного председателя «ОО Кондинское районное общество охотников и рыболовов» Баранова Василия Ивановича с юбилеем. Ему исполнилось 60 лет.

В 1971 г. он приехал в окруж по распределению. Сначала работал в Кондинском промохототделении Ханты-Мансийского коопзверопромхоза, а через два года его избрали председателем правления Урайского городского общества охотников и рыболовов. И с этого момента вся его трудовая деятельность была связана с двухтысячным коллективом охотников-любителей. Их заботы, чаяния и надежды волновали председателя, и он всегда находил время для решения любых проблем.

В сложный для охотничьего хозяйства период его пригласили возглавить охотинспекцию Кондинского района. В этой должности он проработал 10 лет (1995—2005 гг.). Ему удалось создать образцовую службу охотовнадзора по организации государственного охотниччьего фонда. При его непосредственном участии и руководстве создавался казанник «Лондинский» на гра-

нице Кондинского и Тобольского районов. В 2005 году его вновь избрали председателем районного общества охотников, включающего в себя почти 5 тыс. человек.

Василий Иванович — высококлассный специалист, он неоднократно занимал призовые места в округе по ведению охотничьего хозяйства, охране животного мира, биотехники и т.д. Он — великолепный организатор загонных охот на копытных, имеет большой опыт работы с иностранными охотниками. В Баранов — заслуженный работник охотничьего хозяйства России. Его стаж в охотничьей отрасли 37 лет, из них 27 — в системе Росохотрыболовсоюза.

Мы, его друзья и соратники, хотели бы через ваш журнал поздравить Василия Баранова, пожелать ему дальнейших творческих успехов, здоровья и личного счастья. Напечатайте, пожалуйста, его фотографию.

В. ЧЕРЕПКОВ
Тюменская обл.

Дело было осенью, где-то в 20-х числах сентября. Мой товарищ Валера и я охотились на уток на перелете. Северная утка летела на юг зимовать и садилась на озера в наших угодьях на отдых и коромжку. Садилась она в этот раз плохо, и мы решили перейти на другую группу озер километров за десять.

Вышли рано утром, часов в шесть. Погода стояла сильно

пасмурная, типично осенняя. В воздух висел легкий туман. Валера, у которого ноги в полтора раза длиннее моих, ушел далеко вперед. Пройдя так называемую «Герасимову падь», вышел на дорогу, идущую вдоль по течению реки Илга по правой побережье.

Я уже прошел по дороге порядка трех километров в полном одиночестве, как неожиданно впереди, шагах в двадцати, справа от дороги в кустарнике (по местному — «ернике») выросла мощная фигура какого-то существа. Сначала мне показалось, что это Валерка, который что-то увидел и начал подкрадываться. Но потом существо повернуло голову, и мне показалось, что это изюбры, но оно вдруг стало ниже кустарника и пропало из виду, только слышался шум от его движений. Я быстро сделал десять шагов по дороге, развернулся в сторону кустарника и... увидел медведя. Зверь находился в 15 шагах и смотрел в мою сторону. Пока я соображал, как поступить, рядом из травы вырос черный пенек. Ух, ты, да это медвежонок! Значит передо мной медведица! Вдруг, примерно в трех метрах от нее, вырос второй пенек. Два медвежонка!

Я продолжал следить за медведицей. Это была очень крупная животина. Я ей откровенно не нравился. Она то смотрела на меня, то отворачивала голову, словно надеясь, что если она перестанет смотреть, я исчезну, потом снова поворачивалась ко мне, а я не исчезал. И так несколько раз.

Тем временем я вспомнил, что у меня есть ружье, которое, правда, заряжено дробью на рябчиков (семерка), да вдобавок еще стоит на предохранителе. Если медведица кинется на меня, буду стрелять в упор, но уж с предохранителем надо снимать побыстрее. Послышался слабый металлический щелчок...

Но на медведицу он произвел почему-то оглушительное впечатление. Она сорвалась с места и пустилась от меня наутек в лесную чащу. Надо было видеть при этом медвежат. Они мгновенно кинулись вслед за матерью, все время меняясь местами. Тот, который оказывался левее медве-

дицы, перебегал на правую сторону, а медвежонок спрашивал тут же перемещался влево. И так несколько раз, пока я их видел. Почему они так делали, я не понял. Медведица ни разу не оглянулась ни на меня, ни на медвежат.

Оставшись один, я подумал, а сколько же времени мы смотрели друг на друга? Получалось, не более 15 секунд. Надо же, как иногда замедляется время, как много мне удалось передумать!

Г. КОВАЛЕВ
Иркутская обл.

Г.И. Еременко с сыном

Уважаемая редакция! Исполнилось 60 лет Еременко Вячеславу Ивановичу, начальнику Иголкинского охотничьего-рыболовного хозяйства Астраханской региональной организации охотников и рыболовов.

Более 20 лет возглавляет он это хозяйство. С ружьем не расстается с 10-летнего возраста. Его любимые охоты — на водоплавающую дичь и по снегу на зайца. С собаками он охотится на пушного зверя и кабана.

Вячеслав Иванович справедливый и отзывчивый человек, его знают во многих регионах нашей страны и за рубежом. Он был делегатом съезда Росохотрыболовсоюза, почетный член Росохотрыболовсоюза, заслуженный работник охотничьего хозяйства России.

Мы поздравляем Вячеслава Ивановича, желаем ему крепкого здоровья, успехов в деле охраны и рациональном использовании диких зверей и птиц. Пусть будет всегда светло и радостно в его сердце и в его семье.

Коллектив охотников
Володарской РООИР
Астраханская обл.

В. И. Баранов на облавной охоте

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Здравствуйте, дорогая редакция! Вот решил подписатьсь на ваш журнал на следующие полгода и снова не прогадал. Он мне крайне необходим! Столько можно узнать интересного и полезного! Охотничий стаж у меня хоть и перевалил за 15 лет, но в вашем журнале всегда нахожу для себя что-то новое.

В нашем густо населенном районе, в 30 километрах от Ставрополя появились волки, которых не было с 60-х годов. И очень много стало лисицы, охота на нее открыта с конца февраля, как в старые добрые времена.

Лисицу можно потропить по следу или пройтись с гончими по камышовым балкам. А можно, как наш охотничий коллектив, проверить все поставленные места лисиц с норными. На фото одна из охот в феврале 2008 года. Такси сработали на славу. За день было взято шесть лисиц, а седьмая ушла без выстрела.

А. ШЕВКОПЛЯСОВ
Ставропольский кр.

Однажды по телевидению одному из наших «охотоведов» задавали вопрос: «Во избежание птичьего гриппа вы стерхов также отстреливаете?» И тот заявляет в прямом эфире: «Да, стерхов также отстреливаем!» И как это называется?

У меня как-то изъяли охотничьи ружье и составили протокол, в котором было написано: «Гражданин Фомин нарушил статью 8,37 КОАП, так как находился с лицензиями на зайца, лисицу, рябчика, енота неподалеку от следов косули». Об этом протоколе даже в местной газете писали, статью назвали «Следы мамонта». И, что самое смешное, судя поиграл. Подал апелляционную жалобу на председателя. И совсем был удивлен, когда получил ответ от той же судьи. Ответ был прост: «Все хорошо, все правильно!»

Моему охотничьему стажу более 30 лет, столько же я занимаюсь охотничим собаководством, и я уже много лет не могу получить лицензию на копытных. В то же время какой-нибудь коммерсант выкупает ежегодно по несколько лицензий.

А как же быть с правами человека? Вспоминаю советские времена. Все, кто хотел, занимался охотой, рыбалкой. И все было мирно, дружно, по ночам у костра интересные рассказы, уха, чай в закопченном чайнике... Жить было интересно, и никто не ущемлял твои права, хотя и не говорили о них столько, сколько сейчас.

В. ФОМИН
г. Тюмень

Уважаемые работники журнала! У нас в Тюменской области охотник-любитель не знает, где ему поохотиться, а если еще и с собакой... тут совсем проблемы. Начальник отдела охотнадзора прямо заявляет: «Угодья нужно отдать тем, у кого есть деньги». В нашем районе охотоведы, вернее те, кто занимает их места, охоты устраивают только богатым «купцам», а если кто-то возражает против такого положения дел, его просто увольняют.

Птица рябчик вошла в мою жизнь, когда мне исполнилось 16, и отец подарил мне старое ружье — бердану. Я тогда сразу почувствовал себя охотником. Охотился на зайцев, белок, лисиц, фазанов, но больше всего любил охоту на рябчиков.

В те годы (1950—1960) рябчиков было легче найти в долинах ключей, в глухих распадках и урочищах. Вообще в Приморском крае эта птица была обычна, распространена повсеместно, за исключением Ханкайской низины и Приханкайской равнины. И тогда на них мало кто охотился, в основном такие, как я, подростки.

Ситуация изменилась с 70-х годов, когда были созданы госпромхозы и коопзверпромхозы. Сразу же активизировалась охота на рябчика. Существовал план сдачи тушек этой птицы. Кроме того, рябчика повсеместно использовали в качестве приманки. Отдельные охотники-любители Лазовского госпромхоза первые годы (1970—1980) сдавали на заготпункт по 200-300 тушек. К концу 1980 года это количество резко сократилось. Поголовье рябчика было выбито.

Охотиться на рябчика я давно уже перестал, но он остался объектом моих наблюдений. В поисках рябчика я обследовал все распадки и урочища, прилегающие к пойме реки Лазовки и Киевки. Кое-где находил лишь одиночных птиц, и вообще угодья бывшего Лазовского госпромхоза оказались опустошенными. Исчезли не толь-

ко рябчики, но и совы, дятлы, сойки. Эти птицы часто попадались в капканы. Кстати, у сахалинцев положение с рябчиком было не лучше. Уже тогда охотоведы Сахалинского Облрыболовпотребсоюза стали бить тревогу по поводу сокращения численности рябчика.

Я ведь не против охоты, я сам охотник, хоть и бывший, но в душе так и остался. Но я и раньше и теперь призываю к разумной, грамотной, сбалансированной, научно обоснованной охоте, под природоохранным и экологическим контролем.

В. ХРАМЦОВ
Приморский кр.

Дорогая редакция, здравствуйте! Спасибо вам за журнал. Нашему папе, Соломонюку Андрею Ильичу, исполнилось 55 лет, и мы просим поздравить его.

Еще семилетним мальчиком его впервые взяли в лес на утиную охоту, с тех пор он не расстается с этим занятием. А ваш журнал выписывает более 30 лет. Мы читаем его всей семьей.

Папа — охотник, который любит высматривать, читать следы. На охоте он никогда не забывает о моральных нормах. Его трофеями были медведь, лось, кабан. Юность отца прошла в Забайкалье, но уже более 20 лет мы живем в Иркутске.

Мы поздравляем нашего папочки с днем рождения, хотим пожелать ему долгих лет жизни, счастья, здоровья и удачи на лесной тропе.

Дочери Нина и Елена
г. Иркутск

А.И. Соломонюк второй слева. Бурятия, река Селенга. 2007 г.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Под нежной опекой — мы любим друг друга!

Уже дрессируем — команда «Рядом!»

Нам нигде не тесно

Воспитание Маугли. Мы одной крови, Ты и Я!

Банный день — кто первый?

Результат первой охоты

Мы любим друг друга

Яросла с собаками. У дедушки с бабушкой были английские сеттеры. С шести лет бабушка брала меня на охоту. В Вологодской области жили мы в палатках, и на всю жизнь у меня запечатлелась прекрасная охота с «англичанами». Я стала охотником.

Ставши взрослой, я завела английского сеттера

Бору. И теперь моя дочка тоже растет с англичанкой и ее щенками. Она уже с семи месяцев с папой и Борой бывала на охоте. И я очень надеюсь, что вырастет она доброй, любящей природу, охоту и охотничих собак.

Анна ГОРБАТОВА

Еще о женщинах-охотниках

Наталья ЛЕБЕДЕВА

С восторгом и с чувством глубокого нравственного удовлетворения я прочитала статью г. Боскета, обращенную к женщинам. Она дает полную возможность взглянуть на охоту женщин правдиво, а самим поклонницам Дианы смилие взяться за ружье.

К сожалению, и по сию пору, когда идет усиленная переоценка и ломка прежних понятий и форм жизни, когда женщина начинает постепенно выступать на арену общественности, благодаря ветхозаветному укладу семьи и общества, на охотниц смотрят как на людей, взявшимся не за свое дело, за спорт не женских рук. Так ли это? Неважли то высокое чувство наслаждения, какое испытывают охотники-мужчины, должно быть запретным плодом для женщины? Или оно ей не присуще? Или, наконец, по тем же раз установившимся понятиям, ей не к лицу убивать?

Какой наивный самообман!..

А кухня? Что представляет она в своей обыденщине, где обязанность и доля женщины четвертовать дичь и рыбу, взятые той же охотой, или резать домашнюю птицу? Или они не бьют тогда, а только нож подают, да приказывают другим:

— Бей!

— Режь!

Да, господа, там она священномедитирует в образе хозяйки, а не охотницы, и ее руки чисты, как чисты кровавые руки Пилата!..

Повторяю: какой жалкий самообман! Я говорю с уверенностью, ни один

охотник не может наслаждаться кровавыми аффектами, а, наоборот, вид крови, вид загубленной жизни привносит в охоту неприятный момент.

Ничто так не освежает и не успокаивает в наш нервный век человека, как бодрящая прелест охоты.

Выходя в поле из душного, суетливого города, подавляющего своими безжизненными, каменными громадами, мы, прежде всего, глубоко вдыхаем чистый, ее зараженный миазмами воздух широкого раздолья полей и лесов. Пред нами раскрывается живая панорама красот природы, вид которых восторженно и умиротворяюще действует на наши души.

Все, что угнетало и подавляло нас до охоты, во время ее исчезает бесследно, и нередко охотник, несмотря на всевозможные неудачи и приключения, утомление, жажду и голод, несмотря на то, что жизнь его находилась на волосок от смерти, и зачастую не убив ни одного экземпляра, все же возвращается жизнерадостным, бодрым, и наскучившим, однообразная работа делается приятной и легкой, а сама жизнь с тысячами мелких и скучных забот становится привлекательной и милой.

И, уставай мы, женщины, чаще такие прогулки, прав г. Боскет, без сомнения, мы крепли бы, развивались, а наши отцы и мужья меньше видели бы сцен с истериками, прихотями и капризами пошлого флирта, а наши дети приобретали физическую мощь.

Охотница.

С картины И. Е. Репина

«Охотничий вестник» 1908

За первыми грибами

Для настоящего охотника весна это не только короткая охотничья десятидневка: пора вальдшнепиной тяги и глухарино-тетеревиных токов, утренних зорь на разливах в ожидании красавцев-селеznей. Но это еще и пора первой «тихой» охоты, наступившей после долгого зимнего межсезонья — сбор грибов, которых еще частенько именуют грибами-подснежниками — сморчков и строчков. Едва сойдут снега, прогреется «уставшая» от зимних холодов земля и уже глядишь пробились по лесным дорогам, в моховых борах первые грибы — радость заядлых грибников. Но не для всех строчки со сморчками примечательны — наслышаны грибники о «второсортности» грибов-подснежников. Ну, а уж те, кто их «раскусил» как следует, весенний грибной сезон ни за что не пропустит — обязательно в лес отправится.

Появляются первые грибы-подснежники в апрельском лесу уже к середине месяца, — конечно, если весна позволит. Так, к примеру, в «погожие» вёсны, отправляясь на вальдшнепиную тягу или к «костерку» глухариной ночи, можно подсобрать и грибов-подснежников.

Ну, а если весна с теплой погодкой не спешит, то ищите сморчки со строчками лишь к концу месяца. А самая грибная их пора наступит в первой половине мая, когда березовый лист до «копечечки» дорастет, пока молодая травка буйно не поднимется по лесным дорогам — ведь сморчки со строчками любители селиться по придорожным окрайкам. Идешь по такой неширокой лесной дороге и вдруг раз... вот он: крупный сморчок, буроватой, бесформенной шляпкой из земли выглядывает, посмотришь вокруг, а он тут вовсе и не один: дружная семейства на придорожный пригорок высыпала, только знай, собирая, не ленись.

Сморчки со строчками грибки нежные и я бы даже сказал особой аккуратности требуют, потому что очень уж они хрупкие: чуть надавиши на шляпку, а она хрусь — разом лопается. Эти грибы нужно не спеша собирать и осторожно в приготовленную тару укладывать, и непременно в лукошко, там они надежнее сохранятся.

Лучше всего отправляться за первыми грибами в сосновый бор, туда, где «пол» покрыт «хрустным» мхом — ягелем, где

лес хорошо просматривается, а значит и солнечного света в нем предостаточно — это грибы-подснежники любят. Хотя кто же не любит апрельского ласкового солнца, — наверное, и нет таких!

Предпочитают первые грибы и просторные слегка «забуревшие» вырубки и опушки сосновых боров, где земля, напитавшаяся талыми водами, хорошо прогревается в течение всего дня. Строчки со сморчками бывает и к самому человеческому жилью «жмутся». У дворового частокола или у дровника, да и в другом каком месте можно их встретить, но только там, где достаточно солнечного света.

Строчки со сморчками, впрочем, как и все грибы, не терпят длительного хранения, при котором становятся «вялыми», теряют свой грибной блеск и поэтому собранные грибы должны готовиться сразу. Известно, что грибы-подснежники в приготовлении «щепетильны» — требуют трехразовой варки, как советуют специалисты-грибники. Ну, а если все выполнено согласно советам «бывалых», можно смело приступать к еде. Вкус отменный!

Олег ТРУШИН

ШАТУРИНА Л., СУВОРОВ А., ПЕТРЕНКО В., ВЛАДЫШЕВСКИЙ А. Красноярский край: проблемы подготовки и трудоустройства охотоведов	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Середина весны	4
КУЧЕРЕНКО С. Белка	6
РУСАНОВ Я., СИНИЦЫН А. И снова ток тетеривиной	10
Вадиму Борисовичу Чернышеву — 80 лет!	12
ЧЕРНЫШЕВ В. Беляк, тумак и лисичка	14
РУКОВСКИЙ Н. Погода и численность тетеривиных	18
ВЕХОВ Н. Охота на Кавказе. Из путевых дневников Н. Я. Динника	20
ШАРОХИН И. Под руки надо смотреть	27
ЛИТВЕНКО В. Гусиные профили	28
ОРЛОВ А. Главное — испытания гончих в поле	30
ГУРОВ В. Современные отечественные охотничьи и спортивно-тренировочные ружья. Ружья тульских мастеров	32
БЛЮМ М. Патроны «Магнум» с дробью	34
БУЛГАКОВ М. Русские писатели-охотники. Вячеслав Яковлевич Шишков	36
ШИШКОВ В. Холодный край	37
АСТАФЬЕВ Н. Рассказ настоящего полковника	41
КЛИМОВ В. Гиппопотам	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	23, 24, 25, 26, 27
ШИШКИН В. Трёхперстки, пастушки	48

На первой и второй страницах обложки:
Фото А. Севастьянова к фотоочерку «Середина весны»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висячев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышёв, В. С. Шишкин**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**

Художник **Т. В. Баженов**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**

Корректор **З. М. Данилова**

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко

Сдано в набор 04.02.2009 г. Подписано к печати 17.03.2009 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28 000 экз. Заказ 16.

Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 607-24-05, 607-20-91.

Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской обл.

Сайт: www.chpk.ru E-mail:marketing@chpk.ru

Факс 8(49672) 6-25-36, тел. 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

ТРЕХПЕРСТКИ, ПАСТУШКИ

Таинственные птицы **трехперстки**, ранее считавшиеся родственниками пастушков и других журавлеобразных, ныне выделяются в отдельный отряд, рано обособившийся от общего филогенетического древа класса птиц, примерно тогда же, когда начали формироваться отряды курообразных и гусяобразных. В современной фауне трехперстки представлены полутора десятком видов, обитающих преимущественно в тропиках Старого Света. В России встречается один вид — **пятнистая трехперстка**, гнездящаяся в основном на юге Дальнего Востока (на запад доходит до Забайкалья). Внешне несколько напоминающая перепела, эта трехперстка (длина 17 см, вес самцов до 80 г, самок — чуть более 100 г) отличается полукруглыми темными пятнами по бокам зоба, брюха, реже на спине. Радужина светлая, ноги желтоватые. Как у всех трехперсток, задний палец отсутствует. Интересной особенностью трехперсток является полидандрия (у одной самки несколько самцов). Самки крупнее, ярче окрашены (больше рыжего на загривке, пятен на зобе). Токуют у трехперсток тоже самки. Весной на протяжении 1 км маршрута по луговым участкам с кустарником (излюбленный биотоп этих птиц) можно слышать до 2—3 самок трехперсток, исполняющих свою брачную песнь, состоящую из нарастающих по громкости гудящих звуков «гук-гук-гук». Несмотря на преимущественно дневную активность, увидеть трехперсток удается редко. Взлетают неохотно, предпочитая скрываться от опасностей пешим порядком. В кладке обычно 4 яйца с мелким темным крапом. Насиживает самец около 12 дней. Он же остается с выводком. Слетки в 10-дневном возрасте. Через 3—4 месяца молодняк может приступить к размножению. В питании встречаются как разнообразные беспозвоночные, так и семена растений. Зимуют дальневосточные трехперстки в Юго-Восточном Китае. Из-за скрытного образа жизни численность трехперстки точно неизвестна. Вид включен в Приложение к Красной книге России, как нуждающийся в особом внимании к его состоянию в природной среде, трехперстка входит в список редких и охраняемых птиц Дальнего Востока, Читинской обл.

Экологически близкие к трехперсткам, но более влаголюбивые **пастушковые** (лысухи, коростели, пастушки, погоньши и др.) были представлены на страницах нашего Атласа в 1994 г. (№№ 2—6, «Охота и охотничье хозяйство»). Интересной особенностью пастушковых остается способность к расселению за пределы основного ареала. Так, в конце 80-х гг. ХХ в. в Приморье был обнаружен **белогрудый погоньши** (длина до 30 см, вес самцов более 300 г). Спинная сторона темно-серая, подхвостье рыжее. Лицевая часть головы, горло, зоб, большая часть брюха белые. Ноги желтые. Клюв желтый, основание надклювья красное. Позднее этот южноазиатский вид был встречен на Сахалине и Камчатке. В начале 90-х годов прошлого века под Мурманском обнаружен североамериканский вид — **каролинский погоньши**. Его залеты в Европу отмечались много раз, но на российской территории он зарегистрирован впервые. Похожий на обыкновенного погоньши (о нем см. № 6, 1994) каролинский (вес до 125 г, размах крыльев до 40 см) хорошо отличается черной маской и черным горлом, отсутствием красного цвета у основания клюва и белых пестрин на зобе. Кратко охарактеризованная в № 4, 1994 г. **рогатая камышница**, занесена в Красную книгу России. Этот вид, как и белогрудый погоньши, вероятно расселяется по нашему Дальнему Востоку, от Приморья до Камчатки. Особенностью рогатой камышницы стал, редкий для пастушковых, факт полового диморфизма в окраске. Если половозрелый самец синевато-черный с красным гребнем-рогом на голове (№ 4, 1994), то самка заметно мельче, окрашена в буроватые тона с темными пестринами на спинной стороне по типу нарядов пастушки или коростеля. Сходно окрашены и молодые птицы. Сведения о находках необычных видов пастушковых представляют большой научный интерес. Охотники-натуралисты могли бы оказать помощь нашим орнитологам в установлении границы распространения пятнистой трехперстки в Забайкалье.

В. ШИШКИН

Дорогие друзья!

Подписка на журнал

«Охота и охотничье хозяйство»

на второе полугодие и весь 2009 год началась!

В 2009 году журналу исполняется 54 года. **«Охота и охотничье хозяйство»** - старейшее периодическое издание об охоте, один из самых почитаемых охотничьих журналов. Ему дарована почетная доля - быть рекордсменом-долгожителем среди всех когда-либо издававшихся у нас охотничьих газет и журналов.

Всегда, во все времена журнал полагал своей главной задачей защиту прав и свобод охотников, защиту ОХОТЫ, как одной из важных отраслей народного хозяйства страны.

«Охота и охотничье хозяйство» последовательно отстаивает право общественности на пользование охотничьими угодьями. Охота, захваченная частными собственниками, становится недоступной для рядового охотника.

В усилении влияния журнала, в его широком повсеместном распространении заинтересованы все общественные объединения охотников: от первичного охотничьего коллектива до областного и краевого обществ охотников.

Руководители общественных объединений охотников! Организуйте подписку на наше издание, премируйте лучших охотников подпиской на журнал, обеспечивайте журналом охотоведов и егерей в охотничьих хозяйствах.

Мы не должны допустить дальнейшего разрушения охотничьих общественно-производственных объединений.

В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку.

Фото А. Синицына

На тетеревином току

Наш подписной индекс: 70673 по каталогу Роспечати

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru